От Альп до Гималаев

Бронюс Яунишкис

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эта книга — документальная повесть о литовском юноше, для которого религиозные родители избрали путь монаха-миссионера. Юноша был направлен для работы в одну из католических миссий в Индии. Смутные сомнения в правильности избранного им пути постепенно перерастают в протест против фарисейства христианских миссионеров. Он порывает с церковью и возвращается на родину уже убежденным атеистом.

- Вступление
- Часть 1
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
- Часть 2
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13

- 14
- 15
- 16

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37
  - 38
  - 39
  - 40

- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46

Вступление

Я очень люблю старый Каунас. От его домов, узких, мощенных брусчаткой улочек веет седой стариной. Особенно волнуют мое воображение сохранившиеся до наших дней руины древнего замка у впадения реки Нерис в Неман. Когда я иногда забредаю сюда, то невольно вспоминается разбойничий тевтонский орден монахов-крестоносцев. Прикрываясь миссией приобщения язычников к христианскому богу, они беспощадно грабили и убивали литовцев. По Неману крестоносцы добирались до каунасского замка, стоявшего на пути захватчиков. Двести лет литовцы самоотверженно сражались с крестоносцами, пока наконец в 1410 году у Грюнвальда объединенные войска литовцев и поляков при участии русских, татарских и чешских полков не разгромили тевтонцев.

Лишь после того как вся Европа приняла христианство, оно распространилось и в Литве. Началось строительство многочисленных костелов, различные католические ордены воздвигали здания монастырей, укрепляя власть и влияние церкви.

Господство католицизма в Литве не прошло бесследно: многие семьи посвящали своих детей служению богу. Поэтому нет ничего удивительного в том, что и я, юноша, выросший в религиозной семье и поощряемый настоятелем местного костела, готовил себя для миссионерской деятельности в еще не приобщенных к христианству странах. Однако судьба распорядилась таким образом, что мне не довелось побывать в далеких миссиях. Я осознал, что навязывать другим бога более чем нечестно, что любая религия есть лишь иллюзия, самообман, а также обман других.

Но я знаю многих, кто прошел этот путь, неся слово божье „язычникам", основывая миссии в джунглях Южной Америки, в Африке, в Азии. Лишь по прошествии многих лет некоторые из них начали понимать, на что ушли лучшие годы их жизни. Иногда я встречаю таких бывших миссионеров.

Однажды перед зданием каунасской ратуши я вдруг столкнулся с седовласым стариком. Нос с горбинкой, маленькие, глубоко посаженные глаза, шрамы на лице. Так это же он, Викторас Заука! Бывший салезианский миссионер в Индии! Я остановился как вкопанный.

— Разрази меня гром, ты ли это, Викторас?! - я раскрыл навстречу ему объятия.

— Ты не ошибся, это я, — и он обнял меня.

— Живой, здоровый! Значит, ты не вернулся в Индию?..

— Не отважился, брат, не решился, — махнул рукой Викторас. - Хватит с меня и этих шрамов. Совсем немного - и по мне пропели бы „со святыми упокой". Как вспомню, волосы дыбом встают.

— Когда ты в свое время гостил в Салдутишкисе, в нашем монастыре, ты ничего об этом не рассказывал. А ведь я собирался пойти по твоим стопам. А потом поползли различные слухи, будто ты отрекся от религии, женился!

— В то время я еще не мог обо всем рассказать, а позже наши пути разошлись, мы не встречались. Да и сколько лет прошло! Целая вечность!

— Да, годы летят... Но сейчас-то ты не отвертишься... Давай зайдем куда-нибудь, посидим, и ты расскажешь.

— Долго говорить, брат, — отнекивался Викторас, но по его глазам было видно, что он не прочь поделиться воспоминаниями.

— Я ничего не знаю о том, что тебе довелось пережить. А ведь это совершенно неизвестный мир, - настаивал я. - Разве что ты спешишь...

— Да нет, время есть. Я ведь пенсионер. Ну, если у тебя есть настроение... Что же! Пойдём-ка к замку. Оттуда и мое родное гнездо видно, оттуда и мой тернистый путь начинался. Лучшего места нам не найти.

— Пошли. И мне там нравится. Веет каким-то спокойствием.

И вот мы у древней крепости. Рядом с ней скамейки для отдыха. На одну из них мы и присели.

Часть 1

1

Кажется, я никогда ни на минуту не останавливался и не поворачивал назад, а день за днем, час за часом упорно стремился только вперед, — начал свой рассказ Викторас Заука. Иногда он глубоко задумывался, умолкал, словно его что-то угнетало. - Всю жизнь я словно бы взбирался на высоченную гору. И этом неустанном стремлении многократно ошибался, исправлял свои ошибки и делал новые... Сейчас как-то странно заглядывать в свою прошлую жизнь. Сдается мне, будто я теперь нахожусь на вершине и смотрю в бездонную пропасть, разверзшуюся у моих ног.

В нашей семье было пятеро братьев. Я - самый старший. Уже шестнадцатый годок мне пошел. Иногда, взяв тайком отцовскую бритву, сбривал чуть наметившийся пушок над верхней губой. Лишь бы быстрее стали расти настоящие усы, лишь бы поскорее стать настоящим мужчиной. И танцевать, признаюсь, пытался научиться, пробуя где-нибудь в укромном местечке подражать танцующим.

У нас был собственный дом. Впрочем, какой там дом! Лачуга, да и только. Вон там, за теми реставрируемыми зданиями, стояла она, кое-как слепленная из обломков кирпича. Даже двора не было. И теперь, кажется, там ничего не изменилось. Правда, не живет никто. Склад какой-то.

В нашей лачуге была одна-единственная большая комната. И кухня, и гостиная, и спальня - все вместе. Посередине комнаты стоял длинный стол на крест-накрест сбитых ногах. Рядом с ним - несколько шатких табуреток. У стен - парочка так называемых мягких топчанов. На них мы и спали. За широким шкафом был угол родителей.

На стенах висели изображения святых. Посередине - распятие. По обе его стороны было укреплено по свече из чистого воска. Мать зажигала их по вечерам, когда ставила нас для молитвенных песнопений на колени.

Меня мать будила очень рано. Перехватив чего-нибудь, а то и натощак, глотнув только воды, я стремглав бежал в типографию „Жайбас", чтобы успеть получить и распродать кипу газет «Летувос жиниос» («Вестник Литвы»). С газетами я мчался на аллею Свободы занять лучшее место там, где помноголюднее. По пути я бегло прочитывал заголовки и громко выкрикивал их прохожим, чаще всего не понимая сути прочитанного. Быстрее всего расходились те номера газеты, в которых писали об ограблениях, убийствах или о правительственных переворотах.

Уж очень люди интересовались этими событиями! Словно их самих грабили или изгоняли из дому. Я уже тогда заметил, сколь узок круг интересов наших горожан. Но, конечно, вовсе не переживал из-за этого. Главным было побыстрее распродать газеты и бежать домой, где ждали мой заработок.

В тот летний день 1930 года мне не везло. Я не нашел в газете даже самого маленького сообщеньица, которое пощекотало бы нервишки обывателям. Я уже хотел было что-нибудь придумать о знаменитом разбойнике Рицкусе[1] либо о видении девы Марии, но побоялся. Если совру, газет у меня больше не будут покупать, останусь без работы, ничего не принесу домой, да еще отцовский ремень по мне погуляет.

И вдруг мелькнула мыслишка, что неплохо бы безобидно пошутить. Перекрикивая стоящих рядом и тоже вопящих друзей, я заорал что есть мочи:

«Пожар! Пожар в сердцах людей!..»

Таков был заголовок маленькой заметки. Это подействовало. Газету быстро расхватали.

Купив в хлебном магазине булочек, я помчался к замку. Здесь меня поджидали братья. Мы заранее условились поиграть в этом месте. Братья притащили с собою лук со стрелами и подобие щитов из фанеры с намалеванными на них черными крестами.

Я дал каждому по булочке, и они быстрехонько исчезли в наших животах. А потом мы стали играть. Братья выступали в роли крестоносцев и нападали, а я оборонялся и не намерен был сдаваться. Сражались мы истово, не замечая ничего вокруг. Наконец, устав, присели отдохнуть. Мимо как раз проходил небольшого роста священник в очках. Я частенько встречал его в старом городе. Он всегда вел то одного, то нескольких мальчиков, а иногда и целую группу ребят. На этот раз он был один. Подойдя к замку, ксендз остановился, посмотрел в нашу сторону и удалился.

Вскоре священник вернулся вместе с моим отцом. Они стояли поодаль и смотрели на нас. Мы опять было начали играть, но, заинтригованные, то и дело посматривали на них.

— Так которого вы хотели бы? — наконец спросил отец. Ксендз пальцем ткнул в мою сторону:

— Этого!..

— Викторасa?.. — Отец округлил глаза. - Он ведь за нашими меньшими присматривает, да и семье уже помогает. Нет, уж лучше берите младшего. Вам ведь все равно которого, ведь так?..

— Сколько он учился? — продолжал расспрашивать ксендз, не обращая внимания на слова отца.

Интересно, зачем я вдруг понадобился ксендзу? Ребят, тех,

что прислуживают во время богослужения, было и так предостаточно. Да я и вышел, по сути дела, из этого возраста. Для духовной же семинарии я еще слишком молод. Непонятно, зачем я понадобился священнику?..

— Викторас и сейчас учится, — с гордостью ответил отец. — Мы хотя и рабочие, но знаем цену образованию. Еще мой дедушка говорил: «Образование не надо таскать на своем горбу». Да, образованный человек дороже ценится. Вот я литейщиком на заводе Тильманса работаю, но с трудом содержу семью. А если бы в свое время учился, дети мои не страдали бы так. Да и я не боялся бы безработицы. Образованный всегда может прокормиться.

— Это давно всем известно, — стал постепенно раздражаться ксендз. - Скажи-ка лучше, где Викторас учится. В ремесленном училище?

— Где уж нам! Денег бы не хватило. Книжки, тетради, форма, да еще плата за учебу... Он посещает курсы во Дворце труда. Записался на отделение самообразования и даже уже экзамены сдает...

— Ну и сколько он окончил классов?

— Точно не знаю. Уже третий, а может быть, четвертый год посещает курсы. Викторас, кончай играть, подойди сюда. Скажи, сколько ты этих классов окончил?.. Однако, святой отец, я его вам не отдам. Подучится сам, может, и младшим поможет. Мы хотим, чтобы дети получили хотя бы немного образования.

Я стоял, скосив глаза на сутану ксендза, и молчал. — Так все же, сколько классов? - спросил священник, приподняв мой подбородок.

— Почти четыре, — отвечал я, насупившись. — Не сдал лишь немецкий язык. Перепутал роды и падежи. Поэтому и удостоверения не получил. Но я его сдам, дружок обещал помочь.

— Это удостоверение ты обязательно получишь, — заверил меня священник. - А сейчас ступай, забирай из дому свои вещи и пойдешь со мной. Я миссионер салезианской конгрегации Скелтис. Антанас Скелтис.

— То есть как, вот так сразу и забираете ребенка? — Отец был поражен таким оборотом дела. — Ведь это я его на курсы самообразования направил. Хотя бы малость возместили мне за учебу...

Миссионер Скелтис метнул на отца сердитый взгляд и резко ответил:

— Мы его будем учить в монастыре. Определим в гимназию. Даром, без всякой платы. И не здесь, в Каунасе, а в Италии. Мы подготовим из него миссионера. Обращая язычников в Христову

веру, он не только сам заслужит царство небесное, но и вам, родителям, откроет его врата. Как же вы этого не цените?! Такое счастье редко кому выпадает...

— Но наша семья его потеряет, — не сдавался отец. — Увезете мальчика куда-то, и может статься — мы его больше никогда не увидим.

— Постыдились бы так говорить! - возмущался миссионер. — Не можете пожертвовать богу одного сына. Странный вы человек, а еще католик. Другие родители и за учебу доплачивают, и пожертвования шлют, лишь бы только их детей приняли. Иметь в своей семье миссионера — это большая честь.

Посмотрев исподлобья на миссионера, я решительно заявил:

— Никуда я не поеду. Мне и здесь хорошо.

— Неужели ты не хотел бы повидать теплые страны?.. — стал уговаривать меня Скелтис, обняв за плечи. Какие там города! О-о... Венеция неповторимая — прекраснейшие здания, построенные на воде. По ее улицам-каналам плавают лодки, называемые гондолами. Повсюду звучат гитары, льются песни. А Рим, этот музей восхитительных памятников! А остров Сицилия с действующим вулканом... Ты увидишь неописуемые прелести мира! А потом, закончив учебу, может быть, направишься в Африку или Азию... Поедешь верхом на слоне в джунгли. Тебе выпало большое счастье. Не воспользуешься им — потом горько пожалеешь. Подумай, пока еще не поздно.

— Нет!.. — отрезал я и, освободившись от объятий миссионера, вернулся к стоящим поодаль братьям.

— Ну, если уж направите учиться, тогда берите, — услышал я голос отца. — Перестань играть! — прикрикнул он на меня. — Ступай и собирайся в дорогу!..

Я притворился, что не слышу этих слов и стал бороться с братьями, лишь бы только взрослые от меня отстали побыстрее. Но отец крикнул сердито:

— Викторас, кому сказано?

Он не любил дважды повторять одно и то же. Ослушаешься — ждут тебя розги. Сказал, — значит, надо собираться. Да к тому же, если говорить честно, мое воображение поразили слова монаха о джунглях, слонах, неописуемой красоте городов.

Авторитет родителей часто определяет судьбу детей. Для многих она складывается счастливо. Но со мной было иначе. Если бы я тогда воспротивился отцовской воле, сегодня не пришлось бы сожалеть о том, что довелось пережить.

В сопровождении Скелтиса мы пришли домой. Мать, увидев входящего в комнату священника, стала суетливо прибираться. Миссионер остановил ее.:

— Не беспокойтесь, мы ненадолго. Вот лучше сына быстрее соберите! С отцом мы договорились: определим мальчика в миссионеры...

— Святой отец, откуда нам такое счастье?.. - мать припала губами к руке Скелтиса. Потом, открыв цветастый сундук, стала собирать мне чистое белье. - Вероятно, сам архангел Михаил привел вас в нашу семью. Это же несказанная радость! Я ведь и мечтать не смела... И вдруг какая небесная благодать. Миссионером!

— У господа бога все равны. Он выбирает того, кто ему больше нравится. Помолитесь же за сына и за меня.

— Я каждый вечер буду горячо молиться, - отвечала сияющая мать. — В часовне святой Гертруды я на коленях буду ходить вокруг чудотворного креста. Никогда не забуду вас, нашего благодетеля, в своих молитвах, каждый день стану за вас бога молить.

Я залез на чердак и отыскал потрепанный отцовский чемоданчик. Мама уложила в него старое пальто, поношенную рубашку, штопаные носки. Я рассовал по углам чемодана конспекты по самообразованию, парочку тетрадей, карандаш. Потом простился с матерью, отцом и братьями. Когда мы уже собирались уходить, младший братишка протянул мне самодельный лук со стрелами и сказал:

— Бери, мы новый себе смастерим.

Его глаза наполнились слезами, подбородок дрожал. Да и у меня в горле застрял комок. Дрогнувшим голосом я сказал ему:

— Береги лук. Когда вернусь, мы еще поиграем...

Чтобы не видеть слез братьев, я вышел раньше миссионера. Душа моя была в смятении: меня, конечно, манил бескрайний, неведомый мне мир, но одновременно я испытывал страх перед новой жизнью и поэтому мечтал о том, чтобы улица, по которой мы шли, никогда не кончалась.

Но вот и площадь Ратуши. Свернув направо, мы подошли к костелу Святой Троицы, за которым виднелись крыши салезианского монастыря и зеленые верхушки деревьев.

Войдя в костел, мы преклонили колени у главного алтаря. По указанию Скелтиса я возблагодарил Иисуса Христа за то, что он призвал меня стать миссионером.

Помолившись, мы встали и прошли через другую дверь в монастырский двор. Затем повернули к зданию, находящемуся рядом с костелом. Поднявшись на второй этаж, мы вошли в комнату, где было уже несколько ребят. Миссионер, указывая на меня, сказал им:

— Вот еще одного товарища я вам нашел. Будьте все как

братья.

Когда Скелтис оставил нас, я оглядел своих будущих товарищей. Одни были старше меня, другие — еще совсем дети. Некоторые одеты в гимназическую форму. Видимо, они были из зажиточных семей. Чуть поодаль стоял рослый паренек с угловатым лицом, одетый во все коричневое. Я подошел к нему, дружески улыбнулся и сказал:

— Как тебя звать?

— Ромас Юодейкис.

— Из Каунаса?..

— Нет!.. Из Казлу-Руды.

— Как ты попал в монастырь?..

— Меня продали.

— Как так — продали? — не понял я.

— Продали, да и только. Родители продали. А что, разве не могут продать ребенка?! Отец говорит, что меня бес принес и подкинул. Я, видишь ли, какой-то непутевый. Не боюсь даже с безбожниками говорить. А они ведь поносят бога. Умею ходить по натянутому канату, могу даже сделать двойное сальто. Говорят, что я неугомонный и неуправляемый. Думаю, что мне здесь не место.

— Если не нравится в монастыре, тогда иди в цирк, - сказал я, пораженный его талантами.

— Как же уйдешь, если отец истратил те денежки, которые получил у миссионера? Откуда их взять, если бы даже он захотел их вернуть?

— Сколько же за тебя уплатили? - спросил я с удивлением.

— Не знаю сколько, — Ромас пожал плечами. — Лошадь наша пала, так вот за эти деньги мы другую купили. Черную, у цыган...

— Так ты в монастыре все же останешься?..

— Не знаю. А куда податься? А ты?.. Убежишь?..

— Может, и убегу! Здесь как-то неуютно... Внезапно мне стало очень грустно, я так затосковал по братьям и родителям, что слезы сами хлынули из глаз...

2

Утром нас разбудил тихий звон колокольчика. Кто-то резко сдернул с меня одеяло. Я не сразу сообразил, где нахожусь. Протерев глаза, увидел, что все ребята стоят на коленях и молятся. Я вскочил и тоже стал на колени рядом с ними.

Перед нами на стене висел большой писанный красками портрет, на котором был изображен основоположник салезианского ордена святой Боско. Лицо его было спокойным, над головой — сияние. Рядом со святым, подобно нам, стояли на коленях несколько юношей. Один из них был негром, другой, чуть посветлее, — метисом, остальные — с узкоглазыми восточными лицами. К коленопреклоненным юношам с одной стороны приближался индус в тюрбане, с другой - индеец, голову которого украшали разноцветные перья. Над ними витали два ангелочка, игравшие на трубах, два других держали полотнище, на котором было начертано: «Omnia instau-rare in Christo» («Все возродим во Христе»).

Вскоре появился Скелтис и отвел нас в часовню.

— Священник Боско зрил в своих видениях также миссионеров-литовцев, — объяснил нам Скелтис во время заутрени. — Отныне и вы последуете по миссионерскому пути святого Боско.

— Слава святому Боско, — ответили мои новые друзья и углубились в молитву.

Молились мы недолго, как кто умел. Но вот Скелтис хлопнул в ладоши, велел подняться в спальню, заправить кровати, умыться и вообще навести порядок. Потом отвел нас в трапезную на завтрак. Обступив подковообразный стол, мы вновь перед едой восславили господа. Ели молча. Прошлое словно бы покидало нас.

После завтрака нас повели через площадь Ратуши в костел. В храме было девять великолепных алтарей. Мы шли вразнобой, и наши шаги гулко отдавались под сводами костела.

Подойдя к главному алтарю, мы стали на колени. В окно храма ярко светило утреннее солнце. Алтарь весь сверкал, статуи святых казались прямо-таки живыми.

— Вы зрите вершину Голгофы, а на ней распятого Христа, - объяснял сопровождавший нас миссионер. - У его ног распростерлась Мария Магдалина. Она была большая грешница, но, услышав проповеди Христа, осознала свои заблуждения, раскаялась, исповедовалась, и грехи ее были отпущены. И вы пойдете по пути Христа, неся людям исцеление и благодать.

— Мария Магдалина была любовницей Христа, - шепнул мне на ухо Ромас. - А всего она любила три сотни мужчин.

— Откуда тебе это известно? — спросил я с интересом, боясь лишь, как бы наше перешептывание не заметил Скелтис. — Врешь ведь!

— Видит бог, не вру, — Ромас ударил себя кулаком в грудь.

— Откуда ты это знаешь? Кто тебе говорил?

— Один безбожник. Говорю тебе, что слышал, как безбожники рассуждали об этом. А они о боге знают больше, да и больше рассказывают, чем ксендзы. Гораздо больше. Они даже умнее моего дяди настоятеля...

А миссионер продолжал объяснять:

- Чуть поодаль стоят ученики Христа - апостолы. Они распространяли Христово учение, были первыми миссионерами. И вы решили последовать их примеру. За миссионерскую деятельность апостолов Филиппа и Андрея язычники распяли, как Христа.

— Неужели и нас это ждет? — спросил я с беспокойством Ромаса, словно он все знал и мог объяснить.

— Не знаю, — пожал тот плечами.

— Ближе всего к Христу стоит апостол Симон, — продолжал свой рассказ Скелтис. — Это один из преданнейших учеников Христа. Распространяя христианскую веру, он обошел многие страны. Толпы людей следовали за ним. Мстя ему за это, язычники пронзили Симона копьем. А вот одесную Христа святой Иоанн Креститель. Он долго жил отшельником на скале, питался кореньями и прикрывал свое тело звериными шкурами. Это он стал призывать людей следовать по пути истинному. Именно он окрестил Иисуса Христа. За свои радения о приобщении людей к христианству он также тяжко пострадал. Помолимся же и попросим святых апостолов, чтобы они вдохновили нас, придали стойкости тем, кто готовится проповедовать и распространять учение Христово.

Меня уже не манили дальние страны. Я не хотел даже возносить молитвы первым миссионерам - апостолам. А если доведется столкнуться с язычниками... Ведь им ничего не стоит и нас распять на кресте или разрезать на куски. И мне почудилось, что вокруг нас понаставлено множество крестов. На одном из них распят я, на другом — Ромас.

— Убегу из монастыря, — не выдержав, шепнул я в испуге на ухо Юодейкису и оглянулся. Я знал несколько выходов из базилики, ведь меня здесь обучали катехизису. И дом наш недалеко от базилики. Если отец и вздует как следует, то это все же лучше, чем быть распятым на кресте.

— Не переживай, все это происходило очень давно, — ободрял меня Ромас. — Вряд ли мы повстречаем язычников... В наше время, рассказывал один безбожник, есть всякие религии. Все люди почитают богов, только все — разных. Наш бог самый что ни на есть лучший, поэтому его на других менять не станем. Так учит миссионер Скелтис.

Я успокоился.

— А сейчас пройдемте на середину храма, — сказал Скелтис. — Вы увидите фрески, рассказывающие о жизни других учеников Христа.

Мы неторопливо прошли к середине костела и сели на скамьи. Скелтис поднял руку и, указывая на одну из фресок, сказал:

— Видите там наверху картины? На них изображены лучшие ученики нашего спасителя Петр и Павел. Когда Христос воскрес и вознесся на небеса для вечной жизни, Павел был одним из фарисеев[2], которые преследовали первых христиан в Палестине. В то время Павел назывался еще Савлом. По поручению фарисеев он отправился в столицу Сирии город Дамаск, чтобы схватить христиан. Внезапно с небес разлился дивный свет и послышался голос Христа: «Савл, Савл! Что ты гонишь меня?» Потрясенный Савл, прибыв в Дамаск, не только не преследовал христиан, но и сам принял крещение. Его нарекли Павлом, и он стал распространять христианство. Павел проповедовал на Кипре, в Малой Азии, в Эфесе. За это его несколько раз бросали в темницу, избивали камнями, истязали плетьми. Однако Павел не отрекся от христианской меры.

В этих же краях проповедовал учение Христа и его любимейший ученик — апостол Петр. Фарисеи его также преследовали, а потом римляне схватили Павла и Петра и приговорили к смерти. На Ватиканском холме в Риме апостола Петра распяли на кресте вниз головой, а Павлу там же отрубили голову. Но голова его вновь приросла. Отрубили еще раз. Голова вновь очутилась на своем месте. И только в третий раз голова Павла была отрублена насовсем. Но многие из палачей, пораженные увиденным чудом, обратились в христианство... Позднее на том месте, где были замучены апостолы, папы создали Ватиканское государство. И вам доведется побывать в нем. Мои возлюбленные отроки, будете ли вы преданы Иисусу Христу? — торжественно вопросил миссионер, сверля нас испытующим взглядом.

— Будем! Будем! — ответили ребята, и их молодые голоса отражали высокие своды костела.

Я опустил голову и крепко сжал губы. Не миссионером, а

инженером хотел я стать. Гораздо лучше строить дома, прокладывать железные дороги, чем читать людям проповеди.

А Скелтис продолжал нас испытывать:

— Не побоитесь умереть за Христа?

— Не побоимся! — звучал решительный ответ.

— Будете послушны повелениям святого отца?..

— Будем послушны!

— Я верю в вашу преданность церкви, — произнес с умильной улыбкой миссионер. — А теперь пойдемте в часовню святого Иоанна. Там мы увидим ангелов, которые будут сопровождать вас в дальние страны. Они будут вашими верными хранителями.

В молчании, опустив головы, мы пошли в готическую часовню, которая находилась в боковом нефе. На ее стенах были изображены три огромных ангела с прекрасными крыльями и золотыми ореолами над головами. Один из них держал крест, второй — якорь, третий — книгу. Ниже было начертано: «Fides», «Spes», «Charitas».

— Это вера, надежда и любовь, — пояснил Скелтис. — Если человек не отрекается от бога, эти добрые духи сопровождают его в течение всей жизни.

Я усомнился в истине слов миссионера. Неужели любовь, веру и надежду дают человеку ангелы? Кто же вызывает во мне сомнения, быть или не быть миссионером? Тоже крылатый дух? А может, дьявол?

«Бежать» — вновь мелькнула мысль, однако я но осмелился подняться. Побоялся. А кого? Не знаю, кого. То ли бога, то ли своего отца. Я в самом деле не знал кого, но очень боялся...

Вернулись мы из базилики молчаливые, задумчивые. Я не находил себе места. Отказался играть в мяч, не хотелось читать. Мы с Ромасом отошли подальше от изображения Христа и уселись на скамеечку.

— Бежим, — предложил я своему другу, надеясь, что он меня поддержит.

Но Ромас лишь как-то странно посмотрел, сощурив свои красивые глаза, и задумался.

— А куда я денусь?.. Отец опять погонит в пастухи. Стадо огромное. Одна беда с ним. Когда коровы начинают метаться от укусов слепней, носишься за ними из последних сил. Не удержишь стадо — хозяин прогонит. И отец, конечно, не приласкает. Несколько дней сидеть потом не сможешь. Надоело мне это. А здесь, в монастыре, водят нас по храмам, рассказывают такие красивые и печальные истории о святых. Да и кормят прилично. Только со всем соглашайся и прославляй господа бога.

А если еще повезут в Италию или Францию... Не буду больше верить безбожникам. А ты что, сбежишь?! Тебе здесь не нравится? Все ходишь повесив нос...

— Я посещал курсы самообразования. Хочу стать инженером. Пойдем ко мне, мы живем неподалеку. Ты потом вернешься, а я останусь дома. Замолвишь за меня словечко. Пошли...

— Нет, не пойду. Непослушание - это грех. Выгонят из монастыря. А отец не сможет вернуть деньги, полученные за меня. Он меня частенько кнутом учил. Хоть немного разума втемяшил...

- Ну, будь здоров, — неуверенно произнес я и поднялся, все еще не зная, что же мне делать, как поступить. - Напиши мне...

- Писать я буду. А может, останешься? Будем с тобою дружить.

- Не могу. Мне страшно даже подумать, что куда-то увезут. Я никогда еще из дому не уезжал...

- Я тоже...

- Не знаю, хорошо ли, плохо ли делаю, однако... Ну, будь здоров...

Больно было покидать нового друга, которого, казалось, знал давным-давно. Но перед глазами вновь возникли фрески, виденные в костеле, вспомнились рассказы о муках апостолов. Дрожь пробежала по телу. Я с малых лет не переносил боли.

Ромас с предосторожностями проводил меня до калитки в монастырской стене. Я глянул на него. Его глаза были полны слез. Я чувствовал, что Ромас мне завидует. Не выдержав моего взгляда, он прикрыл ладонями глаза и побежал в сторону костела.

Я подошел к дверям, глубоко вделанным в каменную стену, и нажал на массивную ручку. Где-то в отдалении приглушенно прозвучал звонок. Я и не заметил, как появился монах и спросил:

- Куда это ты, братец, собрался?..

Растерявшись, я не знал, что ему и ответить. Но тут же совладал с собою:

- В базилику. Помолиться у креста спасителя.

- А разрешение ты испросил? Я молчал.

- Тот же Христос и в нашем храме, братец, — сказал монах, ехидно улыбаясь. — А молиться, конечно, нужно. Молитвы очищают, даруют сердцу благодать.

Посрамленный и расстроенный неудачей, я повернул обратно, осматривая в то же время каменную стену. Преодолеть такую высоту было немыслимо, тем более что на верху стены блестели вмурованные в нее осколки стекла. Я понял, что из монастыря мне не выбраться.

Было очень стыдно вновь встретиться с Ромасом, но разве я виноват в том, что не смог убежать. За нами повсюду следит недремлющее, всевидящее око всевышнею. Увы, за ошибки приходится расплачиваться.

Я медленно побрел в монастырский храм, отыскал молящегося Ромаса и опустился рядом с ним на колени. И словно оправдываясь, прошептал ему на ухо:

— Нас зорко стерегут ангелы-хранители...

— Да будет на то святая божья воля. Не придется мне и писем тебе писать. Помолимся, чтобы сердце успокоилось.

И мы склонили головы перед изображением Христа.

3

На следующий день в нашу спальню привели еще нескольких ребят. Теперь наша группа стала довольно многочисленной. Прошло несколько недель. Я уже почти смирился со своей судьбой и даже раскаивался, что хотел сбежать из монастыря.

Перед отправкой на вокзал нас повели в костел помолиться. Только мы спустились по лестнице вниз, как я заметил возле себя монаха. Он не отходил от меня и в костеле. Я недоумевал, чего он пристал ко мне. Неужто стережет, чтобы я не сбежал?..

Миссионер Скелтис, произнося прощальную проповедь, упомянул в конце ее, что кое-кто из ребят не держит данного слова. Я понял, что речь идет обо мне, и не знал, куда девать глаза. Вернувшись из костела,я не вытерпел и, подойдя к миссионеру, попросил прощения:

— Меня очень напугали эти распятия в базилике... Вот я и не выдержал. Простите меня.

— Ты нарушил свое слово, — сказал Скелтис. — Знай, сын мой, что отречение от данного слова есть зародыш каждого греха. Старайся побороть дурные намерения, которые поощряет сатана. Не оглядывайся назад! Стремись всем своим умом и сердцем к душевной уравновешенности, и ты станешь хорошим воспитанником монастыря.

Видимо, миссионер не поверил в искренность моего раскаяния. По пути на вокзал приставленный ко мне монах не отходил ни на шаг, следуя рядом со мною как тень.

Когда мы вошли в вагон, монах остался на перроне. Скелтис позвал меня в свое купе. Я устроился у окна вагона и тайком показывал язык своему «конвоиру». Из-за него я ничего не видел, когда шел на вокзал, не смог даже проститься с улицами, где продавал газеты. Лучше бы пригласили родителей и братьев проститься со мной.

Паровоз дал гудок, вагоны дернулись, и мы тронулись в путь. Вскоре проехали железнодорожный мост над Неманом, в стороне остался поросший кустарником крепостной холм, куда мы с братьями бегали играть. И вот наконец поезд промчался через овраг, образованный речкой Ийесей, и покатил среди полей.

Город моей юности, как и время, прожитое в нем, постепенно отдалялся. Сердце бередила щемящая тоска по родным местам и близким.

Миссионер Скелтис, сидевший рядом со мной, сказал:

— Путь наш дальний. Чтобы было чем заняться, я захватил с собой разные игры. Но перед тем как приступить к играм, следует

выбрать мне помощника. Иди созови мальчиков.

Я был удивлен, что он послал именно меня созывать друзей. Значит, доверяет. А может быть, испытывает? Я вскочил, будто подброшенный, побежал сначала в одну, затем в другую сторону вагона и сказал, чтобы все поторопились в наше купе.

Когда мальчики собрались, Скелтис объявил:

— Моим помощником предлагаю избрать Викторасa. Ребята зааплодировали и стали кричать «ура!».

Я был поражен: такое доверие! Почему он так быстро изменил свое мнение обо мне? Я тогда еще не знал коварства взрослых: если хочешь привязать к себе, назначь старшим.

- Викторас, этот чемодан теперь в твоем распоряжении, — заявил Скелтис. — Но играть еще не торопитесь. Вот пересечем границу с Германией, выполним все пограничные формальности, тогда и начнете. Времени будет предостаточно.

Мы не могли оторвать глаз от окон вагона, все смотрели, как мимо проплывали холмы и овраги. Поезд промчался через городок Кибартай, и мы остановились перед мостом через речку Лиепону. В вагон вошел пограничник в зеленой форме. На пуговицах его шинели и на пряжке ремня мы увидели изображение витязя на коне и с мечом в руке[3]. Нам стало ясно, что мы окончательно прощаемся с родиной и нашими близкими.

Поезд вновь тронулся. Проехав мост, мы очутились в городке Эйткунен и опять остановились. Теперь в вагон вошел уже другой пограничник. На пряжке его ремня были выбиты слова „Gott mil uns"[4]. „Может быть, он из крестоносцев или же потомок тех, кто нападал на Литву?" - подумал я. Пограничник казался мне неприятным человеком.

- Bitte, Ihre Passe! - произнес он. - Kinder! Meine lieben Kinder! [5][3]

Принимая от нас паспорта, он заговорщицки подмигивал нам и хитро улыбался. Каждому из нас он дал по шоколадной конфетке и значок с изображением свастики.

«Фашист», — подумал я. В литовских газетах я не раз читал о немецких фашистах. Они обучают школьников военному делу, хотят сделать из них солдат.

Когда поезд тронулся, мы стали еще пристальнее смотреть в окна. За городом Эйткунен появились аккуратные усадьбы с крышами из красной черепицы, обсаженные лапчатыми елями. Никаких заборов, все красиво, добротно, все на своем месте.

На клине спелых яровых мы увидели странную большую машину. Никто из нас такой еще не видывал. Миссионер пояснил:

— Это комбайн. Он одновременно и убирает, и молотит, и даже зерно очищает. Не знаю, есть ли такие машины в Литве?..

Казалось странным, что на полях не видно лошадей. Везде либо посеяно, либо убрано, а животных нет. И в городах дома были другие, чем в наших краях. Все они с островерхими крышами, а стены словно прострочены белыми швами. Многие дома с мансардами и застекленными верандами.

Неподалеку от городов виднелись громадные замки. Одни красные, из обожженного кирпича, другие сложены из серого камня. Они горделиво стояли, окруженные купами высоких деревьев.

— Видите, какие мощные замки построили крестоносцы, - заметил миссионер. - Ни враги, ни время не смогли их разрушить. Отсюда крестоносцы нападали на чужие земли. Но литовцы, особенно жмудины, храбро отражали нашествия крестоносцев, хотя наши замки в основном были деревянные. Поэтому-то они и разрушились, не выдержав натиска столетий, а немецкие, как видите, стоят до нашего времени.

В конце концов нам надоело смотреть в окна вагона, так как виды в основном повторялись и мы уже привыкли к ним. Захотелось поиграть. Я открыл чемодан Скелтиса. В нем были лото, шашки и даже шахматы. Но меня больше всего восхитили стрелы с пестрым оперением. Таких я еще не видел, разве что в кино у индейцев.

- Давайте устроим стрельбище и проведем соревнования, — предложил я ребятам, вынимая стрелы и трубочки к ним. Все с радостью согласились.

В коридоре вагона мы поставили один на другой два чемодана. К верхнему прикрепили мишень и поочередно стали выдувать стрелы через трубки. Стрелы летели то вниз, то вверх, то в сторону. Но иногда удавалось попасть и в красный кружок в центре мишени. Тогда нашей радости не было предела. Больше всех очков набрал Ромас. Миссионер Скелтис вручил ему образок святого Боско. Многие из нас позавидовали Ромасу.

Этими стрелами мы играли всю дорогу, к другим играм даже не притронулись. Не раз побеждал и я.

За окнами вагона чаще стали появляться высокие холмы, а потом и горы, поросшие буками, каштанами, дубами. Вдруг один из мальчиков воскликнул:

- Ой, какая высотища!..

Мы припали к окнам вагона. Вдали показались огромные скалы из красноватого гранита. Среди них уходила в небо высоченная гора с белой, сияющей вершиной. Было видно, как с нее мчались вниз речки, словно дрожащие серебряные косы.

— Вот мы и достигли Альп, - обрадовался Скелтис. — А эта гора, которую вы видите, называется Монте-Роза. Ее вершина

поднялась над уровнем моря почти на пять километров. Это одна из красивейших альпийских вершин. Не всем

выпадает счастье увидеть ее, обычно она закрыта тучами. Можете радоваться, вам повезло...

Горы сменили альпийские луга, покрытые пестрым разноцветьем. То тут, то там паслись стада овец. Неожиданно в вагоне стало темно, стук колес усилился, стало как-то не по себе и даже жутко.

— Мы проезжаем под Монте-Роза! — поспешил объяснить нам Скелтис.

Но вот опять стало светло, засияло в окнах солнце. Не успели мы оглянуться, как та же гора появилась теперь с другой стороны. И вновь мы нырнули во тьму. Нас восхищала и волновала быстрая смена видов. Все проплывало перед нашими глазами, как на экране кино.

Завороженные неописуемой красотой, мы забыли о том, куда направляемся, под чьей опекой находимся и кем нам предстоит быть. Мы даже не заметили, как миновали итальянскую границу. Кто-то проверял документы, что-то спрашивал. За нас отвечал Скелтис.

Постепенно горы начали удаляться, а скалы вообще исчезли. Все чаще стали появляться широкие долины, где пасся скот. На одной из равнин мы увидели дома с красными черепичными крышами. За ними виднелись высокие заводские трубы. Клубы серого дыма уходили вверх, в прозрачный, чистый воздух.

— Вот мы и приехали, — радостно сообщил нам Скелтис. — Это Турин.

Поезд подкатил к крытому закопченному перрону. Мы засуетились, стали собирать свои вещи. Когда все вышли в коридор вагона, я осмотрел купе — не забыли ли мы чего. Нашел несколько книг и даже личные вещи.

Мы вышли на перрон. Люди торопились, толкались, покрикивали, все казалось необычным, чужим. Мы жались друг к другу, чтобы не потеряться. Это тебе не Каунас и тем более не Казлу-Руда. Если потеряешься в толпе, вряд ли тебя кто отыщет...

Нас встречал плотного телосложения монах с торчащей вперед бородой и в широкополой шляпе. Он подошел и поразил нас, поздоровавшись по-литовски:

— Добро пожаловать, братья! Вы не устали?

— Нет!.. Не устали!.. - закричали все, как один, удивляясь тому, что и здесь нашлись соотечественники. - Здравствуйте...

- Вот и прекрасно! Меня зовут Ионас Бирбилас. Я из-под Луоке в Жемайтии. Приехал в Италию таким же мальчиком, как и вы. Ну, пошли в автобус.

Следуя за ним по пятам, чтобы не потеряться, мы вышли на привокзальную площадь. Здесь стояло множество разных машин. Нас привели к старенькому облупившемуся автобусу.

Взобравшись в машину, мы уселись на скамьях вдоль кузова, а вещи сложили посередине. Появился еще один монах. Но этот приветствовал нас уже по-итальянски. Он сел за руль в кресло с высокой спинкой, затем снял с шеи медальон на цепочке, поцеловал его и повесил перед собою.

«Вероятно, ехать опасно», - подумал я и, наклонившись, перекрестился украдкой. Сатана креста боится, а ведь монахов, как известно, преследует несколько дьяволов. Так нам говорил Скелтис.

Наконец автобус заурчал, зачихал и тронулся.

Проезжая мимо домов, мы время от времени видели между ними то приближающуюся, то отступающую, а иногда заслоняющую солнце гору. Я даже подумал с испугом, как бы нас не повезли на ее вершину, монахи ведь нередко живут в труднодоступных местах. Запрут там, и уже больше никогда не видать тебе мира. И я вновь стал сожалеть о том, что не сбежал в Каунасе.

Тем временем наш автобус, обогнув гору, подъехал к кварталу, который представлял собой территорию монастыря. Помимо административных зданий, гимназии, духовной академии, ремесленного училища на ней величественно возвышалась базилика пресвятой девы Марии - заступницы христиан. Во дворах и на улицах было много монахов в черных рясах и семинаристов.

Наш автобус остановился у общежития. Водитель снял медальон, поцеловал его и вновь повесил на шею, как бы благодаря бога за благополучное возвращение. Разобрав свои чемоданы, мы вышли из автобуса и тесным кружком собрались вокруг Скелтиса. Он внимательно оглядел нас и, словно извиняясь, сказал:

— Я прощаюсь с вами, мальчики. Возвращаюсь в Литву. Теперь же вас будет опекать Ионас Бирбилас. Слушайтесь его, как родного отца. Я верю, что вы вырастете хорошими, благовоспитанными, преданными матери-церкви миссионерами и я буду вами гордиться. Да поможет вам учиться и расти святой Боско. Каждый вечер вспоминайте меня в своих молитвах.

Он крепко поцеловал каждого из нас в щеку. Потом, помахав рукой, стал удаляться, изредка оглядываясь, и вскоре скрылся за углом здания семинарии.

Не желая уступать своих обязанностей, я подошел к новому наставнику и, ничуть не стесняясь, заявил:

— Я являюсь пресвитером. Если что будет нужно, я помогу вам.

Бирбилас обнял меня за плечи, привлек к себе и, легонько похлопав по щеке, сказал:

— Во-первых, ты был избран не пресвитером, а препозитом, то есть старшим в группе, старостой. Пресвитер — это старший священник, настоятель. Тебе еще далеко до него, ох как далеко. Во-вторых, препозитом тебя избрали только на время дороги. Здесь, в монастыре, мы сами распределим, кого куда. Одни будут учиться в гимназии, другие обучаться ремеслу, тем же, кто вообще лишен способностей, придется стать простыми рабочими. Пока что все вы еще без звания, — усмехнулся воспитатель. — А сейчас прошу на третий этаж, отдыхать. Вы устали с дороги.

Всей группой мы направились в общежитие. Я был глубоко разочарован и обижен.

4

Утром следующего дня нас разбудил колокольчик, но никто не торопился вставать. Ребята потягивались, зевали, ворочались. А я по-прежнему таил обиду на нового наставника. Повернувшись на другой бок, я попытался задремать. Но кто-то сдернул с меня одеяло. Я даже не шелохнулся. Если я больше не староста, то зачем показывать пример? Пусть другие стараются доказать, что они лучше меня.

— Захворал, что ли? — услышал я голос Бирбиласа. — Новички, которые встают последними, обычно моют полы. А чтобы они не забыли об этом, в их личную карточку вписывается минус. А это, санта Барбара, не плюс!

Я разомкнул веки и нехотя поднялся. Не хотелось получить замечание, но я понял, что мыть полы все же придется. Может быть, прикинуться больным? А вдруг приведут врача и он не обнаружит болезни? Могу схлопотать два минуса.

Кряхтя как старик, я пошел в комнату для умывания, побрызгал лицо водой и последним отправился завтракать.

Трапезная была в другом корпусе. Здесь питались монахи, новиции[6] и рабочие. Нам подали традиционные итальянские макароны с подливой, небольшую кружку кофе и бутерброд. Хотя такого завтрака дома я не получал, он настроение мне не поправил. Один из учеников читал по-итальянски выдержки из священного писания, приуроченные ко времени принятия пищи. Я ничего не понял и чувствовал себя совсем потерянным. Теперь я уже злился на себя и на родителей, которые уступили настояниям Скелтиса. Злился и на наставника Бирбиласа за то, что он меня обидел.

Когда мы вернулись в спальню, наставник объявил:

— Сейчас все мы пойдем знакомиться с нашим монастырем, а Викторас помоет полы в спальне, комнате для умывания и туалете.

И группа ушла. Я сел на краю кровати и, опустив голову, мстительно думал:

«Не буду мыть полы, не буду чистить туалет! Это же унизительная работа. За что меня так наказывают?»

Однако, несколько успокоившись, я отыскал тряпку, принес из кухни теплую воду, но все еще тянул с уборкой. Я опять уселся на кровати и даже не почувствовал, как моя голова склонилась на подушку и я сладко уснул. Во сне я чувствовал себя таким счастливым!..

Мне снилось, что я нахожусь в великолепном зале. Ярко горят

огромные люстры и множество свечей. Но вот появился ангел. Он обратился ко мне и предложил отправиться в Альпы. И вот я уже на вершине горы Монте-Роза. Внезапно поскользнувшись, я полетел в бездонную мрачную пропасть. В страшном испуге я отчаянно закричал: «Спасите!»

Я проснулся, открыл глаза и увидел стоящего рядом наставника Бирбиласа.

— Второй минус, санта Барбара, — неодобрительно произнес он.

— Не хочу мыть полы, — ответил я уныло. — Не хочу и не буду мыть. Я приехал учиться, а не работать.

— В уставе ордена сказано: „Вы должны будете пересилить свой разум, направить свои помыслы на то, чтобы по своей доброй воле не допустить те из них, которые не будут соответствовать избранному призванию. Необходимо пригвоздить к кресту Христову и свободную волю, дабы с этого самого времени не употреблять ее по своему усмотрению. Ибо всю свою жизнь вы должны будете лишь почтительно повиноваться". Значит, придется преодолеть себя и подчиниться уставу, - и обратился к Ромасу: - Помоги своему приятелю. Вдвоем будет веселее.

Юодейкис посмотрел на меня своими добрыми глазами, вроде как бы сочувствуя. Он взял тряпку и стал протирать пол. Немного погодя вложил тряпку в мои руки и сказал:

— Попробуй! Это совсем не тяжело...

Я нехотя взял ветошь, наклонился и, пересилив себя, стал протирать пол.

— А мы были в комнате святого Боско - в музее, — похвастал Ромас. — И в базилике были. Видели святые мощи.

Я внимательно слушал, но старался не показать, что мне это интересно.

— Экая невидаль — музей, — обронил я. — В Каунасе я побывал в нескольких. В одном показывали зверей, а другой был военный.

Закончив работу, мы вышли во двор. Ребята играли в футбол. Я не хотел присоединяться к ним, поэтому стал в сторонке и только наблюдал. Но вот ко мне подбежал монах, руководивший игрой, и подал мяч. Я незаметно втянулся в игру, и обида постепенно прошла. Когда мы кончили играть, я подошел к Ромасу и попросил:

— Отведи меня в комнату святого и в базилику...

— А если зайдет наставник?

— Сейчас же свободный час. Мы быстренько.

— Тогда бежим!

И мы припустили по узким улочкам. Преодолев ряд галерей, мы увидели здание редакции газеты „Салезианские новости", на которое нам указали, когда мы ехали с вокзала. Войдя на лестничную площадку, мы мигом поднялись на третий этаж, но двери музея были закрыты. Я наклонился и приник к замочной скважине. В комнате стоял простой письменный стол, пара стульев, на стене висело несколько фотографий. В углу узенькая кровать, а над нею книжная полка. Я больше ничего не мог рассмотреть. Никакого впечатления!

Кажется все так скромно, просто. А какой монастырь создал! Со всего света собираются сюда юноши. Из этих стен вышло столько священников, миссионеров, епископов и даже кардиналов.

Мы сошли вниз и направились к базилике. Рядом с ней стоял бронзовый памятник святому Боско. И здесь, как и на картинах, святого окружали дети бедняков, которых он благословлял.

Базилика показалась мне громадной. Рядом с ней я почувствовал себя таким маленьким, ничтожным 'и думал о том, какой же бог всемогущий.

Двери были приоткрыты, и мы вошли в храм. Он был пронизан светом различных оттенков, струящимся сквозь цветные оконные витражи. Высоко, к самому своду, уходили мраморные колонны, сверкала позолота алтарей. В храме было множество картин и статуй, изображающих святых. На некоторых из них висели маленькие серебряные и позолоченные сердечки, руки, ноги. Это были, как я впоследствии узнал, дары святому в благодарность за совершенное им чудесное исцеление. Значит, базилика была не только зданием, где возносились молитвы, но и местом, где совершались чудеса.

Один из алтарей украшало громадное изображение святого Боско. Под ним стоял застекленный саркофаг, внутри которого находилось тело святого. Вздрогнув, я застыл пораженный. Я никогда раньше не видел мощей.

— Ведь Боско давным-давно умер. Разве это он? — усомнился я.

— Наставник говорил, что он умер сорок лет назад.

— И за это время тело не сгнило? — продолжал я удивляться.

— Потому что он святой. Наставник говорил, что если мы станем такими же честными, обратим многочисленных язычников в христианство, то заслужим такую же славу.

— А там, гляди, второй гроб. Кто в нем похоронен?..

— Мария Мазарели. Посмотри, если хочешь.

Мы приблизились ко второму саркофагу и сквозь стекло увидели лежащую в гробу монахиню.

— А кем она была? — опять спросил я Ромаса.

— Помощницей святого Боско. Она создала женский монастырь пресвятой девы Марии. Воспитанницы этого монастыря вместе с миссионерами Боско работают в далеких миссиях.

Казалось, что Мазарели только что умерла, а может быть, она даже и жива.

— Смотри, смотри, - дернул я Ромаса за рукав. — Ее лицо вроде бы подкрашено.

— Что ты! — отпрянул он. — Это только артисты цирка красятся. Я видел, когда они приезжали в Казлу-Руда. Святые ведь не артисты.

— И Боско напудренный, — не унимался я. - Пойдем, увидишь.

— Обязательно надо сотворить молитву, если мы хотим быть хорошими, — наставлял меня Ромас. — Тогда благословение святых всегда будет нам сопутствовать. Так учил наставник.

И мы преклонили колени перед останками святого Боско. Я молился о том, чтобы как можно скорее начать учебу в гимназии, а закончив ее, уехать миссионером в Америку. И чтобы мне помогали монашки-литовки.

Когда мы вернулись на игровую площадку, нас там уже поджидал наставник. Он помахал нам рукой.

— Санта Барбара, ишь ты, пропали без вести, — выговаривал он нам. - Каждому запишу по минусу.

— За что? — возмутился я. - Мы ведь молились в базилике.

— Это правда. Мы долго молились у святого Боско и святой Мазарели, — подтвердил Ромас. — Ведь вы, наставник, говорили, что каждая молитва дает искупление грехов.

— Но молитва бессмысленна, если отсутствует послушание. Святой Бернард говорил: «Лучше умереть, чем утерять послушание». Последуем примеру Иисуса Христа, которого бог послал на смерть во имя спасения людей. Главная добродетель - это победить самого себя и стать безоговорочно послушным!

Итак, все под запретом. Ничего нельзя делать самому, только исполнять. Испрашивай разрешения на каждый свой шаг. Да разве можно терпеть такие муки!

— Разве и в церковь нельзя пойти без разрешения?.. — продолжал я с грустью в голосе. - Лучше было тогда сюда и не ехать...

— Возражения, как и непослушание, не украшают будущего миссионера, — авторитетно заявил наставник. - В уставе говорится, что, «подчиняясь старшему, ты как бы отвечаешь на голос самого Христа и должен бросить все, даже букву, которую

начал, но не успел написать». Нам нужны люди, преданные всем сердцем, всем разумом. А тебе самому, санта Барбара, не лучше ли стать ремесленником? У них гораздо свободнее, а в миссию поедешь вместе со священниками. Какая тебе работа по душе? Может быть, садовода? Сможешь создать при миссии плантации бананов, а то и сахарного тростника.

— Он ведь городской, — заметил Ромас. — Сельский труд ему незнаком.

— Это хуже, — задумался Бирбилас, но вдруг спохватился. — Нечего совать свой нос в чужие дела. Не видно, чтобы и ты был преисполнен послушания. Не предложить ли и тебе какое-нибудь ремесло...

Наставник не знал, что еще сказать. Воцарилось гнетущее молчание.

— А может быть, пойдешь учиться на типографского наборщика, санта Барбара, — наконец предложил он мне. — Будешь печатать „Салезианские новости" на литовском языке. Ты ведь, кажется, имел дело с газетами. Подумай!

Я ничего не ответил. Сделанное предложение было так неожиданно. Я ведь посещал курсы самообразования и окончил бы их. Конечно, дальше учиться было бы нелегко, но, может, дали бы какое-то денежное пособие или вообще кто-нибудь помог бы мне и я бы стал доктором либо инженером. Неужели теперь мне предначертано богом стать всего лишь наборщиком. Чем я разгневал господа? Непослушание! Вот в чем моя вина. Не послушаешься - никуда не попадешь! Могут еще и в ремесленники не определить, тогда вовсе ничему не научишься. И вообще неизвестно, кем станешь в жизни. Итак, мои надежды рушатся.

Все это меня очень угнетало. Несколько дней я ходил как в воду опущенный. За что я ни принимался, все валилось из рук. Мне не хотелось есть, а по ночам я не мог уснуть. Часто слезы, словно горошины, катились по щекам. Я очень много размышлял, но так и не решил, что же делать, как поступить.

И сейчас, рассказывая это, вспоминая обо всем этом, я не могу понять, как смог тогда выдержать.

Ромас видел, как мне тяжело. Он помогал выполнять порученную мне работу, частенько делал ее за меня. Однажды ночью он пробрался к моей кровати и предложил:

— Пойдем к главному ректору монастыря Филиппу Ринальди. Он ведь здесь самый старший. Пожалуемся. Он не позволит тебя обижать...

— Но ведь это опять же непослушание. Слышал, как нам объясняли, что без него не сможем обрести спасения? Ректор

может и не принять, а наставник еще больше разгневается. Миссиям в первую очередь нужны ремесленники. В читальне я листал «Салезианские новости» и обратил внимание на статью ректора, где говорилось, что для миссий необходимо подготовить побольше агрономов и техников.

— Но ведь обещали же! — продолжал подбадривать меня Ромас. — Помнишь, как вчера объяснял наставник. Вначале было слово, слово бога, как и Скелтиса, а потом уж только обещанный мир. Но тебе этого мира уже не обещают. Так для кого было предназначено это слово?

Утром, когда мы вернулись после молитвы из базилики, наставник велел нам идти в трапезную, а сам куда-то отправился по делам. Когда мы проходили мимо здания, в котором находился ректорат, я глянул на Ромаса. Он кивнул головой. Мы метнулись в подъезд и помчались вверх по лестнице. Вскоре мы очутились в просторном коридоре и, запыхавшиеся, с волнением и дрожью постучали в двери кабинета ректора. Я уже хотел было бежать назад, но в это время двери открылись и появился наш наставник.

— А вы здесь зачем? — от удивления он округлил глаза и не знал, что делать: прогнать нас или впустить. Из глубины комнаты послышался голос, приглашающий войти, и мы оба шмыгнули в кабинет.

За огромным столом сидел плотный монах в черной рясе. На его носу поблескивали очки в золотой оправе. Увидев нас, он тоже был удивлен. Стало ясно, что не нас он надеялся здесь увидеть.

— Что вам надобно, дети мои? — спросил он, изучающе глядя на нас, словно желая заглянуть в наши души. — Может быть, вас кто обидел? Не бойтесь. Если можно будет помочь, поможем...

Мы с Ромасом стояли в оцепенении. Я не смел говорить при воспитателе. Мне чудилось, что вот сейчас нам с Ромасом не только поставят по минусу, но и балл по поведению снизят. Гимназии не видать не только мне, но и Ромасу. Зачем он встревает в мои дела? Может быть, он такой смелый оттого, что его дядя священник. Его меньше заставляют работать, не следят за ним и... не ставят минусов. Тех, у кого родственники - ксендзы, Бирбилас опекает, а тех, кто не имеет заступников, норовит всячески ущемить.

Ромас осмелился первым:

— На духовных занятиях наставник говорил нам, что слово свято. Миссионер Скелтис обещал, что Викторас будет учиться в гимназии, а сейчас ему предлагают стать наборщиком. Значит,

слово перестало быть свято?

Конечно, мы очень плохо говорили по-итальянски, поэтому, произнесши одно-два слова, Ромас смотрел на наставника, а тот ему подсказывал. Не дождавшись решения ректора, Бирбилас поторопился сказать, что мои родители — люди бедные, не смогут оплатить учебу. Кроме того, я непослушный, часто возражаю, стараюсь казаться умнее, чем есть на самом деле. Все эти отрицательные черты характера в будущем, несомненно, помешают мне стать хорошим руководителем миссии.

Ринальди долго молчал, что-то про себя обдумывая, стараясь вникнуть в суть дела. Я стоял замерев и опустив глаза, голова шла кругом. Я презирал себя.

— Дорогой сын, — обратился ко мне ректор. - Слово воистину свято. Кто ему верит, того никогда не обманут. Но знай, Викторио, в гимназии легко не будет. Придется хорошенько изучить латинский, итальянский и греческий языки. Наряду с общим гимназическим курсом придется изучать и духовные науки. Надо будет и с медициной познакомиться. Не повредит и знание музыки. Сможешь ли справиться? Но попробовать, конечно, нужно...

Мне показалось, что я не расслышал и неправильно понял ректора. Неужели слово действительно может быть чудотворным?.. Меня приняли в гимназию!.. Я не чувствовал ног под собою, забыл, где и нахожусь. Но вот я пришел в себя, бросился к ректору и поцеловал его руку. Я был бесконечно счастлив и благодарен.

— Идем! — Ромас потянул меня за рукав. Попрощавшись, мы стремглав выскочили из кабинета, оставив там растерянного наставника.

5

Вскоре наша группа распалась. Будущих гимназистов увезли в новициат в городок Пероса-Арджентина. Мы ехали на том же дряхлом автобусе, мотор которого часто глохнул. Дорога была в рытвинах, разбита машинами. Меж высоких скал поблескивали многочисленные речушки. Изредка попадались большие кирпичные усадьбы. Иногда дорога петляла у опушки леса.

Мы обгоняли крестьян, едущих на двуколках, в которые были запряжены мулы или ослики. Встречались охотники верхом на лошадях, с ружьями, держащие на поводке гончих собак.

Проехав большую часть пути, наш автобус стал подниматься в гору. Вскоре у подножия горной гряды мы увидели шахтные сооружения. И только когда вечерние сумерки скрыли вершины гор, мы въехали в город. За оградой из серого камня виднелись домики с плоскими крышами. Кое-где сквозь густую листву деревьев виднелось развешанное белье.

Наша машина покатилась по пригороду, так и не повернув к центру. Монастырь, окруженный высокой каменной стеной, стоял, упершись в огромную скалу. Дальше начинались Альпы.

Нас встретил привратник-монах, открыл тяжелые металлические ворота, и мы въехали на просторный двор.

Наставник Бирбилас отвел нас в общежитие. Только мы успели разместиться, как послышался звон колокольчика, призывающего к вечерней молитве. В алтаре церкви я вновь увидел изображение святого Боско в окружении мальчиков. Сейчас он показался мне гораздо более близким. Я истово ему молился, веря в то, что ив дальнейшем он будет охранять меня.

Помолившись, я огляделся. Рядом со мною стояли на коленях незнакомые ребята. Впоследствии выяснилось, что это - чехи. Все они были одеты в черную форму с высокими, как у священников, воротничками. Они тоже поглядывали на нас и перешептывались.

«Интересно, как они сюда попали, — подумал я. — По своему желанию? А может, и они были проданы или просто отданы миссионерам?..»

В заключение мы прочитали общую благодарственную молитву. Слышалось лишь невнятное бормотание. Я был удивлен и подумал, как это бог различает и понимает, чья это молитва, хотя нам и объясняли, что бог «бесконечно мудр». Мне захотелось громче молиться, чтобы бог услышал нас первых и понял, что наша молитва усерднее других.

Ужинать нас отвели в трапезную, которая находилась в подвалах церкви. Мы расположились за общим столом вместе с

чехами. Их дежурные принесли нам по мисочке успевших надоесть макаронов, посыпанных тертым сыром. По случаю знакомства каждому из нас преподнесли по рюмочке итальянского вина. Но как познакомиться, если говорить по-итальянски никто из нас почти что не умел? Пришлось обменяться лишь дружелюбными улыбками.

После ужина, возвратись в общежитие, мы почувствовали усталость. Все потихоньку дремали. Но воспитатель повел нас на спортивную площадку, где были установлены баскетбольные щиты, сооружены обнесенные сеткой теннисные корты, беговые дорожки, качели...

Мне так захотелось прилечь на недавно скошенную лужайку, но я побоялся, что заработаю новый минус. Спустя некоторое время нас построили в шеренгу на поверку. После вызова своей фамилии каждый отвечал по-латыни:

- Adsum! Есть!

Потом все побежали в комнату для умывания. В комнате на скамейках были сложены деревянные шайки, на стенах укреплены краны. Мальчики толкались, смеялись, брызгались водой. За нами внимательно наблюдали воспитатели.

Наспех умывшись, мы пошли в спальню. Мне хотелось тотчас же упасть на кровать и уснуть. Но наставник построил нас и сказал:

— Сейчас вы можете сесть на кровати. Сложите на коленях руки и прослушайте слова господни.

После того как мы присели на кроватях, наставник раскрыл большой молитвенник и стал читать Символ веры. Мы же следили за ним и громко повторяли:

«Верую, господи, во все, что ты сотворил и во что велел нам верить посредством нашей святой церкви, потому что ты, будучи сама истина, не можешь ошибаться либо вводить других в заблуждение. Ты есть наша вера и свет».

Наставник оторвал глаза от книги и осмотрелся. Заметив, что один из воспитанников облокотился на колени, он подошел к нему и, ударив по щеке, погрозил пальцем. Бедняга в испуге вытаращил глаза.

А Бирбилас продолжал читать дальше: «Я люблю тебя, господи, всем сердцем своим, всею душою, всем разумом, всеми своими силами, ибо ты бесконечно добр, бесконечно достоин любви и величайшего уважения. Посредством молитвы ты даешь нам духовную пищу, подобно тому как даешь хлеб нашей плоти. Молитва — это таинственная лестница, по которой можно достичь твоего трона и поведать тебе о своих делах».

Я кусал губы, чтобы не заснуть. Чувствовал, как немеют

колени, но не смел оторвать глаз от наставника, хотя и ничего не слышал, что он там бормочет под нос.

«Когда же кончатся эти муки!» — в раздражении думал я и вздохнул с облегчением вместе со всеми, лишь когда услышал слово «аминь».

Я уже хотел было повалиться на бок, но наставник продолжал:

— За салезианскую конгрегацию и за всех замученных миссионеров прочтем по-латыни трижды молитву во здравие девы Марии и трижды заупокойную молитву.

«Кончатся ли когда эти молитвы? - я весь дрожал от злости. — Можно с ума сойти».

И опять я включился в общий нестройный хор.

Я и не заметил, как голова склонилась на грудь, и, только получив пощечину, раскрыл глаза и увидел рядом с собою черную рясу. Сильные пальцы Бирбиласа схватили меня за ухо. От боли я закричал:

— Sanctificetur nomen tuum[7].

— Что за молитву ты читаешь? - разозлился наставник. -У, бессовестный!

Только тогда я понял, что стал читать не ту молитву. Неужто опять будет минус? Кроме того, из гимназии могут исключить... Наконец молитвы закончились. Я забрался под тонкое одеяло, укрылся с головою и уснул.

Внезапно кто-то резко сдернул одеяло с головы. Неужели пора вставать к утренним молитвам? Ничего не соображая, я огляделся... Мальчики легонько посапывали, вокруг царила тишина, только горел ночник.

— Положи руки поверх одеяла, — услышал я голос наставника. — Если держать руки под одеялом, можно потерять целомудрие. Монах, будущий миссионер, не может позволить себе никаких наслаждений, даже прижимать свои руки к грешному телу. Ибо так нарушается обет невинности.

— Я не стану прижимать руки к телу, — не выдержав, возразил я.

— Руки и через рубашку будут ощущать теплоту тела, и ты можешь увидеть греховный сон, совершить недопустимый грех. Из-за него тебе придется раскаиваться.

— Я не смогу уснуть, — простонал я.

— Ничего, привыкнешь, как и другие, — продолжал наставник. — Прошу не возражать. Если еще раз увижу, что ты держишь руки под одеялом, будешь убирать туалет.

Вынув руки из-под одеяла, я поднял голову и посмотрел в окно. Было темно. Ребята ворочались, бормоча что-то во сне. Я

понял, что теперь началась настоящая монашеская жизнь: душу и тело опутали оковы.

6

Вскоре начался учебный год. В честь этого события церковь украсили. Сплели длинные цветочные гирлянды, и пономарь развесил их в храме. На алтарях среди свечей появилось множество цветов. Церковь словно посветлела и была наполнена нежным ароматом. Церковный двор посыпали красной мраморной крошкой, дорожки сверкали, словно их покрасили.

Нас переодели в новую гимназическую форму, такую же, как и у наших чешских друзей. Вид у всех был торжественный. Стройными рядами вошли мы в храм и были очень удивлены, когда рядом с нами оказались девочки. Они были в белых блузочках и черных юбках, на головах — черные береты. Я не знал, что при нашем монастыре имеется женский новициат, который основала в помощь миссионерам Мария Мазарели. И еще более поразился, услышав, что некоторые из девочек перешептываются по-литовски. Как они сюда попали?! Точно так же, как и мы? Как было бы сейчас интересно перемолвиться с ними хотя бы одним словечком. Но мы стояли по разные стороны серой ковровой дорожки, положенной вдоль храма.

Вскоре загудел большой церковный колокол. Его звуки долго отражались эхом от самых дальних вершин Альп. В церкви зажглись огромные светильники, стали явственнее фигуры святых, украшавшие алтари, амвон и исповедальни. На сводах празднично сверкали фрески, изображавшие жития святых. Стало торжественно и празднично. На сердце было легко, я радовался, что наконец стал гимназистом, новициатом монастыря, готовящимся вступить на путь миссионера в дальних странах.

Зазвенел колокольчик. В сопровождении служек вышел священник, облаченный в золоченую ризу, в руке он держал курящееся кадило. Помахивая им, а затем кропилом, он благословил находящихся в храме, изгоняя нечистую силу, дабы она не мешала верующим молиться и общаться с богом. Затем, переодевшись в светлый орнат, он подошел к алтарю, чтобы отслужить обедню. Это был директор гимназии дон Сальватик.

Раздались звуки органа, хор затянул гимн во славу господню. Все стали на колени и начали молиться.

Я глянул на рядом стоящего Ромаса. Он с восторгом смотрел на сияющий алтарь, молитвенно сложив руки.

Когда хор пропел псалом „Всесильный боже, очисти мое сердце и уста", священник взошел на амвон и стал читать проповедь:

— Ровно восемьдесят лет назад в пригороде Турина, на лугу,

неподалеку от костела святого Мартина, святой Боско стал обучать детей катехизису. Когда хозяин их прогнал, Боско снял полуразрушенный склад, в котором устроил часовню. В ней он создал первую в мире воскресную ораторию[8], которую и назвал именем святого Франциска Салезианского. Франциск жил в шестнадцатом веке. Он происходил из аристократического рода. Впоследствии он стал епископом в Женеве, доктором теологических наук. В 1665 году папа Александр VII причислил Франциска к лику святых, а в 1923 году Пий XI в своей энциклике «Rerum omnium» нарек его покровителем католических журналистов при святом престоле. Франциск особо опекал детей французских бедняков. Его примеру последовал и священник Боско, оратории которого вскоре распространились не только в Италии, но и по всей Европе. Оратории стали со временем начальными школами, гимназиями, монастырями, институтами, академиями. Папа Лев VIII благословил апостольскую деятельность Боско, а Пий XII нарек благословенным создателя нашей конгрегации. Мне выпала большая честь совершить открытие этого учебного года. Дабы был он успешным, мы никогда не забудем наставления святого Боско. Он говорил: «Da mihi animas, caetera tolle»[9]. Он указывал также, что молитва и труд — это самый прямой путь на небо; что безбожная книга — это адская книга. Лучше пусть она будет сожжена в пламени этого мира, чем ваши сердца в геенне огненной. Аминь.

По окончании службы для новициев и монахов в трапезной состоялся торжественный обед. За столом, украшенным цветами, царила тишина. Один из миссионеров, литовец, вернувшийся из джунглей Эквадора, рассказывал о различных печальных и трагических происшествиях. Потом мы спели несколько литовских песен.

После обеда Бирбилас повел нас в традиционный поход в Альпы. Это была наша первая прогулка в манящие, восхитительные, редчайшей красоты горы.

Сперва мы шли тропинкой, вьющейся среди виноградников. Мы поднимались все выше и выше. И вот начались альпийские луга. Здесь мы увидели девочек-новициаток. Они собирали цветы, плели из них венки, составляли букеты. Наставник весело приветствовал их и остановился. Нам он велел полюбоваться природой, а сам стал беседовать с воспитательницей девочек. Мы с Ромасом подошли к девочкам и стали их расспрашивать о девочках-литовках. Нам их показали, однако мы постеснялись заговорить с ними, а они тоже молчали.

В это время вернулся наставник и хлопнул в ладоши. Надо было идти дальше. Не успев даже проститься с девочками, мы

поспешили к Бирбиласу, слегка побаиваясь, что он будет ругать нас, но воспитатель ничего не сказал.

Наконец мы приблизились к горам вплотную. Их снежные вершины сверкали на солнце. Кое-где виднелись мрачные пропасти, в которые с угрожающим грохотом низвергались потоки. Мы подошли к голубеющим ледникам. Захотелось забраться на лед и покататься, как это бывало зимой на замерзшем Немане.

В горах что-то прогрохотало. Наставник остановился и стал с беспокойством оглядываться. Над нами угрожающе нависала громадная красноватая скала, похожая на зубра.

— Я еще никогда не слышал такого грохота, - сказал наставник и не решился идти дальше в горы. — Директор Сальватик предупреждал, что в горах может начаться гроза... Будем осторожны.

— Наставник, пойдемте дальше, — просили мы Бирбиласа, окружив его со всех сторон. — Хотя бы до ледников... Еще только начало сентября, а здесь уже зима. Это удивительно. Идёмте!

— Немножко, конечно, можно, — все еще озираясь, согласился Бирбилас.

— Ой, как красиво! — кричали мы в восторге.

— О-о-о!.. — неожиданно повторили горы.

Мы стали кричать, а нам отвечало эхо. Казалось, что с нами разговаривает кто-то, спрятавшийся в горах. Тянуло забраться повыше.

Когда мы чуть поднялись, то за поворотом вдруг увидели одного из чешских ребят. Спотыкаясь, он бежал к нам. Его лицо было в крови. Увидев нас, он метнулся к Бирбиласу и, указывая назад, на снежные вершины, бессвязно повторял:

— О боже... В одно мгновение... Что теперь будет?..

— Что там, что случилось? Где? — озабоченно спрашивал наставник.

— В одно мгновение, — повторял чех, дрожа как в ознобе. — В одно мгновение всех прямо-таки смело. Со страшным грохотом... О боже! Бежим скорее отсюда.

— Надо спешить на помощь, а не убегать.

— Лед всех их сбросил в пропасть. Я отстал, поэтому меня лишь забросало грязью, а осколок камня попал в голову.

С наставником внезапно произошла перемена. Лицо его стало решительным и строгим. Он поднял глаза к небу и, указывая пальцем на солнце, сказал:

— Директор предупреждал, чтобы не ходить далеко в горы. Не послушались. Вот господь и наказал. Жестоко наказал. Пошли обратно.

«Какой бог жестокий», — мелькнула в голове мысль, а губы стали непроизвольно шептать: «Господи, помилуй!»

7

В течение трех дней городские пожарные искали в обвале тела погибших чешских ребят и их наставника. Всех ли нашли, мы так и не узнали, но гробов было много. Мы тоже стояли в почетном карауле. Было очень жаль погибших.

Прозвучали заупокойные молитвы. Скорбно играл орган. Став на колени, мы молили бога, чтобы тех, кто за непослушание был наказан смертью, он не отправлял в ад.

На улицах у стен домов в скорбном молчании стояли горожане, провожая похоронную процессию. Таких трагедий Пероса-Арджентина не видела уже давно.

На кладбище чернели свежевыкопанные могилы. Гробы поставили рядом с ними. Директор дон Сальватик произнес скорбную речь.

— Бог справедливо гневается на тех, кто не внимает его предупреждениям, — подчеркнул он. - Чехи не послушали моих советов, и бог наказал их. Это не единственный случай, когда бог преподает нам урок. Год тому назад в городе Эсте сгорел новициат, в испанской Севилье — здание коллегии, в Аргентине, в Тревеле - собор. Помолимся господу, дабы он не посылал новых испытаний нашей конгрегации.

Вечером в читальном зале, листая выпускаемые на литовском языке «Салезианские новости», я увидел помещенное в них письмо главного ректора Филиппа Ринальдо. Он сокрушался, что салезианцы подвергаются преследованиям во многих местах. Ректор писал: «В Северной Бразилии миссионерам в Мату-Гросу пришлось пережить тяжелые минуты. Банды восставших вторглись в здания миссии и разрушили их. Изможденные, изголодавшиеся миссионеры начали восстановительные работы и ждут помощи».

Быть может, бог разгневался на салезианцев, раз посылает им такие тяжкие испытания? В чем они провинились перед господом? Возможно, после смерти Боско нашлись ослушавшиеся бога монахи и теперь из-за них страдают другие?..

На следующий день начались занятия. Большинство уроков было отведено разъяснению церковных догм. На первом из них наставник Бирбилас объяснял сотворение мира.

«Адама и Еву, как и чехов, бог покарал за то же самое - за непослушание», — сделал я для себя вывод. Вот почему и меня наставник так преследует. Для монаха самое главное - послушание.

В катехизисе я вычитал, что бог никогда никому не

показывается. Мне захотелось узнать, как же он обучал Адама и Еву закону божьему.

— Откуда первые люди знали, что нельзя вкушать яблока от древа познания? — спросил я наставника.

— Господь часто встречался с Адамом и Евой, даже гулял с ними в райских кущах, — объяснял Бирбилас. - Он учил их, как следует чтить и любить его. Только после их проступка бог не пожелал больше видеть ни Адама, ни Еву. Разве кому-нибудь хочется общаться с грешниками, тем более их создателю.

— А через кого господь впоследствии учил людей закону божьему? — опять спросил я.

— Через проповедников, — наставник благосклонно посмотрел на меня. — Знаменитыми проповедниками являются Исайя, Иеремия, Иезекииль и Даниил. Но самый выдающийся из них - это Моисей. На Синайской горе бог вручил ему десять заповедей, так называемый декалог. Но всевышний не явился Моисею, а лишь разговаривал с ним через неопалимую купину — горящий, но не сгорающий куст.

— Почему появились другие религии? — спросил кто-то из мальчиков.

— С ростом населения распространяемая богом вера стала приходить в упадок, — разъяснял наставник. — Вместо нее возникли другие. Но истинная вера сохранилась в еврейском народе. Ее дополнил и расширил ниспосланный господом с небес сын божий - Иисус Христос.

— Один безбожник говорил, что другие религии возникли потому, что люди сами стали богами, — шепнул мне Ромас.

— Не погладит тебя господь за такие слова, — пострашал я Ромаса.

— Это же не я так думаю, — ответил Ромас. - Я верю в нашего бога. Если бы не верил, то не принес бы себя ему в жертву...

8

Я полюбил языки. Охотно изучал итальянский, латинский и греческий. Их преподавал сам директор дон Сальватик. Вначале он познакомил нас с историей итальянского и латинского языков. На латинском языке разговаривали племена латинян еще до нашей эры. В древнеримской империи государственным языком тоже была латынь. Лишь в X—XII веках из латыни возник и стал развиваться итальянский литературный язык. В XIV веке он был признан государственным языком Италии.

В 1377 году, образовав в Риме „священное государство Ватикан", папа Григорий XI провозгласил в нем государственным и церковным языком латынь. Таким образом в христианском мире латинский язык стал языком бога.

Мне захотелось узнать, на каком языке разговаривали первые люди. Я поднял руку и спросил:

— А Адам с богом тоже разговаривали по-латыни?

Дон Сальватик, видимо, не ожидал такого вопроса. Он слегка растерялся, но, немного подумав, пояснил:

— Святое писание об этом не говорит. Это господня тайна.

— А как объясняет твой безбожник? — спросил я тихонько Ромаса.

— На литовском, — усмехнулся он.

— Врешь, — ответил я. — Литовский язык возник гораздо позднее. Нам это объясняли на курсах самообразования. А Адам и Ева вообще жили кто знает когда.

— Но литовский язык во многом схож с латинским: peda -pes (стопа), dantis — dins (зуб). Вот видишь!

Мы оба улыбнулись. Ромаса я полюбил еще больше. Его замечания были иногда неожиданными, но зато точными. Без них мне вроде бы чего-то не хватало.

В свободное послеобеденное время мы условились с Ро-масом поиграть в мяч в спортивном зале, а он куда-то исчез. На спортивной площадке, где обычно играли в волейбол, я его не нашел. Заглянул в часовню, где в это время, как правило, молились провинившиеся, но не увидел его и там. Зато встретил Казимираса Бурнейку, очень тихого и послушного мальчика, подлинное воплощение послушника. Я хотел было пригласить его на тренировку, но потом решил, что такой слюнтяй нам в команде не нужен. Наконец я увидел Ромаса и грозил ему. Он мне ответил тем же. Ромас готов был пройти мимо меня не задерживаясь. Какая муха его укусила?

— Чего ты сердишься? - я преградил ему дорогу.

— Предатель! — бросил он мне в лицо.

— Что ты сказал?.. Я?..

— Да, ты!..

— Подумай, что ты говоришь!

— Эх ты, ангел-хранитель! — не переставал обвинять меня Ромас. — Настоящий предатель! Настоящий!

— Не выдумывай, говори прямо, это кому же я на тебя донес? Наставнику или духовнику?

— Директору! Не хочу с тобой и разговаривать! Доносчик, подлиза! Стараешься, чтобы тебя похвалили на уроках латыни. Я тоже могу изучить латынь. Не велика премудрость.

— Неправда, я не предавал тебя! — возмущался я.

Я пытался вспомнить, с кем мне доводилось разговаривать о Ромасе. С мальчиками? Правда, меня приглашал духовник на разговор по душам. Он расспрашивал меня о родителях, братьях, не соскучился ли я по ним. Интересовался, какие вопросы возникают во время занятий по закону божьему. Хотел выведать, не насмехается ли кто над святыми деяниями. Пытался даже обвинить меня в том, будто в комнате для умывания я утверждал, что Христос всего лишь полубог, так как его мать была простой еврейской девушкой. Был такой разговор, но так шутил Ромас. Однако я его не выдал, хотя духовник уверял, что бог все знает и нечего тут скрывать.

— Казимирас Бурнейка! - внезапно осенило меня. — Он всегда ведет себя как святоша. Такие частенько и бывают предателями.

— Что ты! Он и слова плохого ни о ком не скажет. Такой тихоня!

— Разве ты не знаешь, что в тихом омуте черти водятся? Это он! Только он! — спорил я с Ромасом. — Я не раз его подозревал.

— Неужели он может быть таким подлецом?! — Ромас рассвирепел, но вместе с тем обрадовался, что предателем оказался не я. — Надо попытаться, чтобы он сам в этом признался.

— Попытаемся!

Мы помчались в читальню, но Бурнейки там не нашли. Заглянули в часовню, но и там его не было. Наконец застали парнишку на спортплощадке. Усевшись на качелях и отталкиваясь одной ногой, он тихонько раскачивался.

Подойдя к нему, мы, ухватившись за веревки, остановили качели.

Я двинул Бурнейку в спину кулаком, и он слетел с качелей. Когда он удивленно посмотрел на меня, я угрожающе заявил:

— Становись на колени и исповедуйся в грехах. Посмотрев на

меня, потом на Ромаса, он упал на колени, наклонил голову и крепко сжал губы. И все-таки молчал. Он не оправдывался, но и не говорил. Руки так и чесались, чтобы его отдубасить.

— Исповедуйся, жаба, а то ночью сотру в порошок, — процедил я сквозь зубы.

Казимирас еще больше сгорбился. Щеки дергались и дрожали, по ним катились слезы, но он не проронил ни слова.

— Ну! — я поднес кулак к его носу. Бурнейка задрожал от страха и пролепетал:

— Разве Ромас не сказал, что Христос не бог, а ребенок девки?

— Ах ты, ангел-хранитель! Не я так говорил, а мне в деревне говорил об этом один безбожник. На же! — И Ромас, не сдержавшись, двинул Бурнейку по спине кулаком. — Сколько сребреников получил Иуда за то, что предал меня?.. Убью тебя, дьявол.

— Я... Я не хотел, — размазывал слезы Казимирас. - Это наставник Бирбилас заставил. Он говорил, что быть ангелом-хранителем — это божеское занятие...

— Ты предатель, шпик, а не ангел-хранитель, — выговаривал ему в сердцах Ромас. — Что, и пошутить уже нельзя? За то, что донес, завтра прополешь мои пять грядок красного перца. А если еще раз донесешь, синяков тебе не сосчитать. Сможешь подаваться прямехонько в святые. Попробуй только, я на тебя напялю ореол мученика.

— Я больше не буду предавать, — пробормотал Казимирас, вытирая слезы. — И ангелом-хранителем не буду.

— Ангел-хранитель все равно будет нужен, — вмешался я. — Так лучше будь им и дальше. Но только не обо всем доноси, что уши слышат, что видят глаза. Не будь подлецом, который коварно нападает исподтишка. У, выродок!

— Я никогда на вас не стану жаловаться, никогда, — божился Казимирас.

Мы повернулись и ушли, оставив Казимираса стоящим у качелей на коленях. Противно было смотреть на него.

9

Наставник Бирбилас объяснял нам монастырский устав. Одно из основных его требований — это соблюдение целомудрия. Монах не вправе создавать семью, ему запрещается даже думать об этом. Более того, он обязан отречься даже от родителей и родных, так как духовных отцов и братьев он находит в монастыре. Христос был одинок среди своих учеников, и даже Марию, свою мать, он не выделял среди других, называя ее просто женщиной. Каждая женщина, как учил раннехристианский богослов Тертуллиан, является «вратами ада», поэтому «необходимо обречь себя на одиночество, даже если из-за этого прекратится род человеческий». Все зло мира воплощено в женщине. Из-за грехопадения Евы человечество терпит теперь и мучения, и болезни, и все другие несчастья. «Грех ведет свое начало от женщины, и только из-за нее все мы обречены на смерть».

— Женщин следует избегать, — подчеркивал наставник. — Их взгляды притягивают как магнит. Весьма важно не попадать в создаваемое ими духовно-электрическое поле, в котором особенно активно подвизается дьявол.

Затем он объяснил, что ад — это место вечных мучений. Ад находится в недрах земли, в самом ее центре, в самом горячем ее месте. Обреченные все время варятся в громадных котлах с кипящей смолой. Потерявший целомудрие монах также будет там гореть вечно.

К потере целомудрия ведут желания, мысли, воспоминания, страсти, даже эротические сны. Твоя вина тем тяжелее, чем большую свободу ты даешь своим глазам, посещая непристойные фильмы, читая запрещенные книги, и ушам, прислушиваясь к расточаемым тебе похвалам, увлекаясь песнями о любви. Не меньший грех, когда дается воля языку, когда произносятся двусмысленные слова, соблазнительные речи... Необходимы умеренность и воздержание во всем - в еде, сне, отдыхе. Лучше чаще поститься, чем, объевшись, видеть греховные сны.

Постоянно слушая эти навязчиво повторяемые наставления, я стал подозрительно относиться к каждому своему слову и действию. Казалось, что я все еще не так веду себя, как того требует устав. Без разрешения наставника я боялся даже подобрать себе книжку. Я старался не слушать вольнодумных реплик Ромаса. Частенько бегал в часовню и, став на колени у алтаря, молил пресвятую деву Марию указать мне путь для достижения духовного совершенства и святости. Я потерял

уверенность в себе. Мне казалось, что без помощи бога или девы Марии невозможно обрести душевное равновесие. Я без устали молился, чтобы на меня снизошла божья благодать.

Однажды после обеда нас повели в кинотеатр. Он принадлежал нашему монастырю и находился рядом с церковью. Уже издали мы увидели большую, красочно оформленную афишу. На ней была изображена Мария Магдалина, припавшая к стопам Иисуса Христа.

Не будет ли любовных сцен? Ведь Магдалина была в свое время величайшей развратницей. А наставник говорил, что новицию не к лицу смотреть на все то, что не является целомудренным. Однако в кино привел нас именно он, тот, который обязан охранять наше целомудрие. Он не совершит ошибки.

Наставник на минутку оставил нас одних в фойе кинотеатра. Неподалеку стояла небольшая группа девочек-нови-циаток. Я хотел было отойти подальше, чтобы, не дай бог, хорошенькое личико не привлекло мой взгляд. Но в это время Ромас как ни в чем не бывало заговорил с девочками. А ведь оставить друга в беде — грех.

И, не взглянув даже в сторону новициаток, я дернул Ромаса за рукав.

— Помнишь, что говорил наставник? — прошептал я ему на ухо. – «Улыбка девушки - это змеиный яд».

— Но они же литовки, — Ромас оттолкнул меня локтем.

— Все равно яд!

— Скоро и с людьми не смогу поговорить... Отстань!

— Новиций должен брать пример с Христа и быть образцом для других.

Но Ромас меня не слушал.

Широко распахнулись двери кинозала. Вначале вошли девочки, а за ними и мы. Нас разместили в самых первых рядах. Потом впустили остальных зрителей. Продолговатый зал был переполнен. Люди громко переговаривались, и этот галдеж подавлял меня, становилось грустно и даже горько, хотя по кино я соскучился.

Ромас не понимал, зачем нас сюда привели.

— Неужели здесь состоятся какие-то моления? — спросил он, посмотрев на экран.

— Будут показывать фильм. Разве ты не видел кино?.. — удивился я.

— Нет, не видел. В деревне ведь кино не было. Цирк видел, там всякие акробаты выступали.

— А здесь на белой простыне будут показывать разные

картины. Будут бегать люди, появляться дома, города...

— Так это будет театр? Будут представлять?!

— Это будут не живые люди, а их фотографии. Живые фотографии.

— Живые фотографии? Интересно! Внезапно погас свет.

Ромас, словно испугавшись чего-то, ухватил меня за руку и прижался ко мне. Я осторожно отодвинул его и высвободил свою руку. Чувствовать тепло другого тела - это тоже грешно.

Темноту зала рассек луч света. На прямоугольном полотне появились виды города. Ромас вновь ухватил мою руку и громко зашептал:

— Дома в зале! Словно дворцы. Смотри, смотри! Я вырвал свою руку и сердито ответил:

— Здесь никакого чуда нет. Картинки, изображения вещей просвечиваются и отражаются на полотне.

— Но ведь люди двигаются как живые. Разве это не чудо? А ведь их там нет.

— Смотри сам и не мешай другим, — прервал я его.

В богатом особняке Магдалины был в разгаре большой пир. Разряженные женщины обнимаются с мужчинами. Мария, самая красивая из женщин, носится по залу. Подходит то к одному, то к другому расфранченному мужчине, повисает у него на шее и целует, целует...

Я был в растерянности. Все это начало меня волновать. Я то закрывал глаза, то вновь смотрел на экран. Но разве не грешно смотреть такой фильм? Стану страшным грешником. И зачем нас сюда привели?

А Ромас ерзал на стуле, подпрыгивал, потирал руки.

— Это чудо! Настоящее чудо!

В новом кадре Мария — на узенькой, пыльной улочке. Горожанки бросают в нее камнями, старухи издеваются, обзывая ее шлюхой. Мария мечется. Я нисколько ее не жалею. Пусть убивают такую развратницу.

На другом конце улицы появляется Христос с апостолами. Мария припадает к его ногам. Толпа женщин окружает их. Они должны выслушать, что скажет сын божий. Во время проповеди Христа Мария взволнована, бьет себя в грудь, обещает исправиться. Тогда Христос наклоняется к Марии. Она же своими волосами стирает пыль с его ног, натирает их благовониями, а слезы так и льются из ее глаз. Христос, глядя на взволнованную красавицу, простирает руки и обращается к женщинам:

— Кто из вас без греха, пусть первая возьмет камень и бросит в эту несчастную.

Женщины в растерянности. Воцаряется тишина. Христос

вновь говорит:

— Знайте, кто много и сильно любил, тому и грехи отпускаются! — и обращается к Марии Магдалине: — Если хочешь обрести царство небесное, отдай все нищим, замаливай грехи и следуй за мною.

Ромас толкнул меня локтем и прошептал:

— Слышал, что сказал Христос? Слышал? Кто много и горячо любил... А!.. Тому и грехи отпускаются.

Я пожал плечами. Слова Христа не только растрогали меня, но и очень удивили. Оказывается, можно жить греховно, только следует вовремя раскаяться в своих грехах.

На экране вновь появилась Мария, раздающая свое имущество нищим. Однако дьявол продолжал ее преследовать. Он искушал, призывая не слушаться Христа, сулил необыкновенной красоты дворец, праздную, роскошную жизнь. Но Мария раздала свои красивые одежды, расплела косы и босиком, надев рубище, нищей последовала за Христом. Она не покидает его в дальних странствиях, следует за Христом и тогда, когда он несет свой крест на Голгофу. Она переживает муки Христа на кресте, а после его смерти помогает снять тело Христово и похоронить его. Когда Христос восстал из гроба, ангелы сообщили ей, что она может с ним встретиться. Она присутствует при вознесении сына божьего на небо. Вскоре ангелы поднимают на небеса и Марию. Мария и Христос ходят по небу. А посрамленный дьявол удаляется в ад.

Фильм окончился. Зажегся свет.

— Разве не верно говорил безбожник, что Мария Магдалина — это любовница сына божьего? — спросил Ромас, выходя из зала. — Не успел Христос вознестись на небо, как ангелы тут же привели к нему Марию. Как на земле, так и в небесах. Мужчины любят женщин, а вот нам запрещают любить.

Я промолчал. Трудно было понять земное и небесное целомудрие.

10

Наступила долгожданная весна. Зазеленели деревья, расцвели цветы. Мне особенно нравились великолепные соцветия каштанов, которые горели как розовые свечи. А какой удивительный аромат у них! Я вдыхал его полной грудью и прямо-таки пьянел.

Меня гораздо меньше стали привлекать уроки итальянского языка, хотя я охотно разговаривал по-итальянски и хорошо учился. Реже стал я ходить и в часовню, но в свободное время заглядывал туда, трижды творя молитву «Аве, Мария», за что воспитатель ставил в мою личную книжечку крестик. Уже прошла половина первого периода новициата. Под воздействием горячего весеннего солнца я стал совсем ленивым и ко всему безразличным. Лень было даже молиться, а ведь в молитве спасение человека. Однажды после уроков, переодевшись в одежду попроще, я отправился на спортивную площадку, но меня остановил наставник.

— Сбегай, пожалуйста, в храм, — попросил он. — Я забыл там на алтаре молитвенник. Будь добр, принеси его.

Принесу молитвенник, подумал я с досадой, еще куда-нибудь пошлет. Вот так свободное время! Но тут же вспомнил про устав, где сказано: «Монах обязан со слепым послушанием поступиться собственным мнением и воззрениями, безоговорочно всем подчиняться». Улыбнувшись, словно воспитатель доставил мне радость, я заторопился в церковь.

Парадный вход был заперт. Я направился к боковым дверям. Войдя внутрь храма, я преклонил колени перед главным алтарем, затем поднялся по ступенькам. Но никакой книги я там не увидел. Тогда я сошел вниз и направился к боковому алтарю. Здесь опять постоял коленопреклоненным. У своих ног я заметил ключ с крестиком. Подняв и осмотрев его, я вспомнил, что это ключ от ящика для пожертвований. Мы неоднократно вместе с воспитателем открывали его этим ключом, вынимали пожертвованные деньги.

Ящик для пожертвований был вмурован в стену рядом с алтарем Марии Мазарели. Люди жертвовали помногу, вымаливая у святой чудеса. Возник соблазн отпереть ящик и посмотреть, сколько там скопилось денег.

А быть может, лучше оставить ключ на прежнем месте, там, где я его нашел, сделать вид, что я его не заметил? Но разве это будет правильно?.. Найдет его кто-нибудь нечестный и не постесняется отпереть наш ящик. Разве такое не случалось?..

Я поднял ключ с пола, взял с алтаря молитвенник, который оказался здесь, и поспешил к наставнику. Передавая ему ключ, я обронил:

— Кто-то потерял.

— Ты хорошо поступил, что принес ключ, — похвалил меня Бирбилас, загадочно улыбаясь. — Сейчас пойдешь к директору и передашь ключ ему. Пусть похвалит и гордится тобою...

Я не понял, что должны были означать эти как-то странно произнесенные слова. Почему директор должен гордиться мною? Подумаешь, принес найденную вещь. Точно так же поступили бы и другие новиции, да и вообще каждый честный человек.

Я поспешил к директору дону Сальватику, стал перед ним на колени и, положив ключ на стол, сказал:

— Я нашел его у алтаря матери Мазарели. Директор ласково посмотрел на меня и сказал:

— Ты выдержал тайное духовное испытание, — привлек меня к себе и поцеловал в щеку. — Иди и дальше такими же прекрасными духовными ступенями все выше и выше. Предлагаю тебе вступить в группу новициев-мучеников. Не каждый кандидат удостаивается такого почетного предложения. Ты сможешь многого достичь, готовясь в святые миссии. Очень многого...

Нам всегда поясняли, что, для того чтобы угодить господу богу, следует истязать себя, ибо святые подвергались многим мучениям...

Какой тайный экзамен довелось мне выдержать, я так и не понял. А расспрашивать директора не посмел — это не принято. Отказаться же от предложения не мог — это вызвало бы подозрения. Пропали бы все старания в достижении совершенства.

— Хорошо, — согласился я, но в глубине души чувствовал сомнение.

Когда я вернулся к наставнику Бирбиласу, он отвел меня к брату кастеляну, кладовщику. У него я получил груботканую рубашку, ботинки на толстенной подошве, внутри которых торчали острые гвозди. Дали мне также цепь, чтобы носить ее на бедрах.

Все эти вещи смущали меня. Я уже сожалел, что так легкомысленно дал согласие вступить в группу мучеников. Наставник заметил мои переживания и утешил:

— Не бойся. Рубашку будешь надевать только вечером, а ботинки, только идя в церковь. Привыкнешь!..

Из общежития новициев меня перевели в отдельную мрачную келью. У боковой ее стены стоял маленький алтарь, покрытый белым холстом. Напротив алтаря висело большое черное

распятие. На столе покоился череп, возле него молитвенник, рядом стояли две свечи. На узкой деревянной кровати вместо соломенного матраса лежал лист жести, в котором были пробиты многочисленные дырки с торчащими острыми краями.

Мне стало не по себе. Я долго стоял в келье, держа в руках свои „сокровища", и не знал, что и делать. Чем же я понравился директору, что он меня так оценил? А может быть, все заранее было так решено и только сделали вид, что я веду себя примерно, по всем правилам новициата.

Во время вечерней молитвы в часовне я думал, размышлял, по нескольку раз читал псалмы и совсем не торопился вернуться в свою келью.

Наконец все же ушел из часовни. В коридоре встретил Ромаса. С ним мы уже реже виделись, так как он был переведен в другую группу. Я хотел было излить перед ним всю свою душевную боль, но заметил, что он сам еле сдерживает слезы.

— Может быть, и ты призван в группу мучеников? — поинтересовался я.

Он иронически усмехнулся и только махнул рукой.

— Волчий билет мне вручили, а не путь святой указали.

— То есть как? — не понял я товарища. — Не угодил чем-нибудь?..

— Вот именно...

—Может быть, ты все же ошибаешься?..

— Нет, уже все кончено. Завтра уезжаю в Литву.

— Ты с ума сошел! Наверное, из-за девчонок? За то, что разговаривал с ними?

— Да нет, не за разговоры. Это верно, я писал им записки и через окошко, что возле туалета, выстреливал на их половину из рогатки. Но от этого я отвертелся. С той историей покончено.

— Так что же может быть еще хуже?..

— Проворовался.

— Не верю.

— Правда! Сам сатана ввел меня в соблазн отпереть ящик для пожертвований в церкви. Думал, возьму несколько лир и ни одна собака не гавкнет. Так, захотелось купить каких-нибудь сладостей. Надоели мне эти спагетти. Я не итальянец, чтобы одними макаронами быть сытым.

— А как же узнали?..

— Наблюдали, спрятавшись за колонной, негодяи!

— Так ты повинись, умоляй, и простят.

— Я уже валялся в ногах у директора, умолял наставника. Учли и засчитали не только воровство, но и отставание в учебе, по работе, неумение заботиться больше о своей душе, чем о

плоти. Наконец, сказали, что нет у меня призвания быть миссионером.

— Так, значит, и родство со священником не помогло?

— Нет. Уж слишком я их, видно, обозлил. Ну, до свидания. Будь счастлив! — пожелал мне Ромас и ушел.

Я побрел в келью и, надев жесткую, колючую рубашку, лег на свое ложе пыток. Уж лучше терпеть, чем получить волчий билет.

Ромаса я очень жалел. С ним мне было как-то спокойнее. Мысленно я обвинял наших духовных отцов за их уловки и провокации, которыми они унижали наше человеческое достоинство.

На утренней молитве Ромас уже не присутствовал.

11

Тяжело, очень тяжело добровольно подвергать себя пыткам. Острые гвозди в ботинках изранили ступни ног. Идя в часовню, я хромал, хотя это и запрещалось правилами группы мучеников. После обеда вместо того, чтобы поливать виноградник в монастырском саду, я снимал со стены плеть и, распевая «Miserere mei deus, secundum magnam miserecordiam tuam»[10][1], полосовал себе спину.

После этого я опоясывался цепью, которая словно клещами сжимала мои бедра, и ощущал приступы тошноты. Молясь, я то становился на колени, то поднимался и стоял, а острые шипы, нанизанные на цепь, впивались в тело. Они иногда так глубоко вонзались в мышцы, что боль пронизывала всю ногу, кололо в плечах, которые и так уже жестоко болели после истязания плетью. Казалось, что все тело горит в страшном адовом огне.

Истязая себя, я не раз думал, почему должен губить свое здоровье? Вот именно почему? Христос ведь претерпел муки за первородный грех людей, сейчас пусть каждый сам за свои грехи страдает. Может, бог и простит, ведь он милосердный. Однажды я не выдержал и поведал о своих сомнениях духовнику. Он с удивлением воззрился на меня и стал истово поучать:

- Ты должен бы радоваться, попав в группу мучеников. Вспомни святого Франциска. Живя в пустыне, он питался только кореньями, истязал себя плетью и много молился. За это Христос наградил его стигмами — святыми знаками. Каждую пятницу на его ладонях и голове открывались страшные раны. А когда они исчезали, Франциск молил бога вернуть их ему на более длительное время. Твои мысли — это дьявольская западня, берегись их, преодолевай. Найди еще более тяжкие истязания, и ты дождешься Христова благословения.

Наслушавшись советов духовника и возвратясь в келью, я начал еще яростнее истязать себя, так сильно стянув цепь, что, как только опустился на колени, на бедрах выступили капли крови. Сжав зубы, я молил бога, чтобы боль подольше не проходила. Может быть, и я тогда дождусь стигм?.. Соорудят в мою честь храм, воздвигнут алтарь, люди станут возносить ко мне молитвы, испрашивая чудес.

Все это я проделывал с юношеским пылом и чистосердечием.

Однажды я потерял сознание. Когда пришел в себя, была глубокая ночь, сильно болела голова, а я дрожал как в лихорадке. Во рту было противно, неудержимо катились слезы.

Кое-как я забрался на кровать и лег, долго ворочался на

своем ложе пыток и не мог заснуть. Иногда вновь терял сознание. Утром позвали врача, дали лекарство и посоветовали прекратить на некоторое время самоистязания.

Понемногу я отошел, только причиняли страдания незажившие раны. Страшно чесались спина, бедра, ступни ног. Чтобы усилить самоистязание, устав запрещал чесаться, но это было выше моих сил. Я хватал молитвенник или какой-нибудь учебник и чесал ими плечи, спину. А когда и это не помогало, ложился на свое колючее ложе и осторожно ерзал всем телом. Иногда, конечно, только раздражал этим заживающие раны. И вновь боль пронизывала меня.

Некоторые из послушников в группе мучеников не выдерживали испытаний и просили отпустить их. Но это было запрещено, им продлевали срок новициата, как лицам недопонимающим смысл истязаний. Попадались и такие, которые пытались сбежать из новициата, но их ловили и возвращали обратно. Духовный совет наказывал их месячным пребыванием в карцере, где они получали только хлеб и воду.

Я выдержал. Иной раз даже восхищался тем, что являюсь мучеником. Наставник Бирбилас не ругал меня, не принуждал работать, учителя относились ко мне внимательно, даже директор похваливал меня во время занятий, приводя в качестве примера, достойного подражания.

Когда учебный год закончился, наступила жара, к которой я не привык. Рядовые новиции частенько отправлялись в горы, а мы, мученики, предавались медитациям в часовне.

Вначале духовные размышления мне не удавались. Я не мог как следует внутренне сосредоточиться. Мысли зачастую возвращались в Каунас. Почувствовав, что я вновь витаю в родных краях, я старался прогнать эти видения. Вот возьму и закричу: «Господи, отдай мне свой крест, и я понесу его!» Я даже начинал уже чувствовать тяжесть этого креста, мне казалось, что Мария Магдалина утирает мне лицо, а я весь излучаю свет и опять... вхожу в отчий дом. Мать припадает ко мне, обнимает, целует. Приходит отец, встает передо мной на колени и начинает молиться. Наконец-то я стал достойным поклонения. Не пропали даром мои мучения!

Подобные видения частенько навещали меня. Что это было — уничижение или гордыня? Я и сам не знал.

После долгих изнурительных упражнений я научился сосредоточиваться. Мысли ни на секунду не отвлекались в сторону. Все послеобеденное время я представлял себе, как фарисеи прибивали Христа к кресту. Мне казалось, что все это я вижу наяву, даже ощущаю боль, словно это происходит со мною.

12

Наступило время принятия обета. Несколько дней мы готовились к исповеди. Из храма торопились в часовню, из часовни в храм. В одном месте произносились скорбные проповеди, в другом — мы сводили счеты со своей совестью. Мы предавались размышлениям, ползали на коленях по «крестному пути», распевали жалобные песни. Казалось, что наступают последние дни нашей жизни и вскоре придет конец мира.

Нам предстояло исповедоваться за всю свою жизнь. Я неоднократно и добросовестно обдумывал каждое свое прегрешение, которое только мог вспомнить.

«Но как быть с теми грехами, которые я не могу даже вспомнить?» — подумал я и растерялся.

Мать рассказывала, что в детстве я был шаловливым и непослушным ребенком. Настоящий шалопай. Как же вспомнить те прегрешения, которые я тогда, несомненно, совершал?.. А не исповедуешься в них — совершишь святотатство. Бог ведь все видит и все знает.

Обуреваемый сомнениями, я стал на колени у окошка исповедальни, но исповедующий священник как раз вышел. На его место прибыл наш наставник Бирбилас.

Я совсем расстроился. Как же признаться, что мы его обзывали «санта Барбара»?.. Не раз мысленно я называл его предателем, подлецом и даже подлизой. Сейчас он может не дать мне отпущение грехов. Тогда не спасет меня и звание мученика. Отправят обратно в Литву, как Ромаса.

Исповедовался я долго. Рассказывал о мельчайших прегрешениях в отношении родителей, учителей и даже друзей. Волнуясь, я рассказал и о том, как обесчестил святые облатки, ища в них тело и кровь Иисуса Христа. Признался также и в том, что во время медитаций мыслями витал в Каунасе на набережной Немана.

Бирбилас, вероятно, подумал, что я закончил свою исповедь. Он стал усердно поучать меня, как избегать прегрешений, как в дальнейшем заботиться о своем духовном совершенстве. Я не все хорошо расслышал, потому что пытался перебить его, дабы еще признаться в том, что я о нем думал. Но исповедник поднял руку, сказал: «Ego te absolve»[11] — и перекрестил меня. Он отвернулся и стал выслушивать исповедь другого новиция.

Я не знал, что и делать. Медленно поднялся, поцеловал краешек сутаны исповедника и отправился на свою скамеечку.

Хотел было вернуться обратно, извиниться перед

исповедником и рассказать то, что я утаил, но ко мне подошел один из наших новициев и прошептал на ухо.

— Духовник беспокоится, ступай в ризницу.

— Я ведь только что исповедовался, — ответил я с опаской. — Зачем я нужен? Никуда ведь не денусь!

— Пойдешь первым. Поторопись!

В это время зажглись громадные люстры. Я увидел идущего Филиппа Ринальди, нашего ректора. Он шествовал торжественно, на плечах развевалась пелерина, лицо было просветленным, слегка улыбающимся.

Заиграл орган, хор монахов пропел торжественный гимн «Esse sacerdos magnus»[12].

Я был ошарашен и не знал, что же мне делать. Где-то в глубине души звучали слова исповедующего: „Ego te absolvo", но разум не соглашался с этим. „Святотатство!"

В пресбитерий, словно лебедушки, проплыли в белых платьях новициатки, все такие красивые, румяные. Нас в монастыре уверяли, что новиций — самый святой человек, если бы он умер, то мог бы прямехонько направляться в рай. Интересно, попал ли бы я туда со своими мыслями? Скорее, чего доброго, в ад, в лапы самому сатане.

Из ризницы меня поманил пальцем духовник. Я встал и направился к нему. Все послушники, наряженные в белые кружевные накидки — комжи, были уже построены и ждали лишь меня.

— Ты почему опаздываешь, сын мой? — с трудом сдерживаясь, резко спросил меня духовник.

— Я совершал покаяние.

— Никуда не уйдет твое покаяние. И после обетов сможешь отчитаться. Усердие не ко времени - плохое усердие.

Итак, я заставил духовника нервничать, это тоже прегрешение. После самой искренней исповеди я вновь полон прегрешений. Что делать, чтобы стать чистым как ангел?! И вообще можно ли обрести полную чистоту?! Ведь провиниться так легко, даже в самом святом месте...

Я быстро надел комжу, и мы вышли. Построились рядом с послушницами у главного алтаря. Я тайком поглядывал на девушек, нет ли среди них литовок. Они стояли в первых рядах. Интересно, что они чувствуют, что переживают?..

Прозвучал колокольчик. Сверкая золотом священнического облачения, Ринальди вышел служить мессу. Ему ассистировали наш наставник и духовник. Когда орган умолк, ректор стал напротив нас. Широким взмахом руки он перекрестил всех и сказал:

— Да приидут посвящаемые в монахи.

Смотря в открытую книгу, директор дон Сальватик произнес:

— Викторио Заука!..

— Adsum! - машинально произнес я и, став на колени, почти касался головой сверкающего облачения Ринальди. Меня била дрожь, сердце болезненно сжалось.

Ректор возложил руки на мою голову и вопросил:

— Отдашь ли монастырю целиком свое сердце, душу, разум, волю, тело и всего себя, дабы церковь обрела абсолютную власть над тобою, над всей твоей жизнью?..

— Да, господи, — отвечал я, весь дрожа.

— Согласен ты стать униженным, поруганным, порицаемым, оклеветанным ради матери-церкви?..

— Да, господи, согласен.

— Согласен ли ты терпеть телесную боль, душевные муки, нищету?..

— Да, господи, я на все готов.

— Да благословит наш господь твое прекрасное намерение, — произнес ректор и перекрестил меня.

Я встал, протянул руки к наставнику, и тот положил на них сутану. Это означало, что я принят клириком в духовную семинарию.

Счастливый, я отошел в сторону, а директор уже называл другую фамилию, вызывая следующего новиция.

В ризнице я переоделся. Резко повернулся, чтобы возвратиться в костел, наступил на сутану и чуть не упал. Странно чувствовал я себя в этом одеянии, ходить в нем было неудобно, но я ликовал, ибо стал членом сообщества, почти равным наставнику. Так хотелось, чтобы сейчас меня увидела мать. Ведь она мечтала о духовной карьере для меня.

После нас наступил черед давать обет девушкам. Затем Ринальди взошел на амвон, прочитал предназначенную на это воскресенье главу из священного писания и, воздев руки, вновь благословил нас, сказав.

— Вы пополнили наши ряды, возрадовали господа бога, церковь, монастырь, все миссии. Видя вашу преданность всевышнему, многие присутствующие здесь плакали, потому что они восхищаются вами, некоторым даже кажется, что вы расстаетесь с жизнью. Да, велика ваша жертва! Вы попрали наслаждения и радости мира сего, богатство и почести. Но вы будете тысячекратно еще более ценимы, когда приобщите язычников к истинному богу. Вы — свет мира, духовные маяки человечества. Живите, и да дарует вам бог силы, чтобы переносить тяжкие муки, ибо жизнь вас не будет баловать.

Его последние слова меня особенно взволновали. Отныне все монахи стали мне еще более близкими, ведь я теперь такой же, как и они. Я был горд. Теперь я ни за что не хотел бы вернуться на родину. Меня манили далекие миссии, я был просто помешан на них. Хотелось побыстрее уехать в джунгли Америки, жить там среди индейцев или отправиться в Конго, к неграм, — словом, туда, где подвизались салезианские миссионеры.

Когда торжественный молебен был завершен, все монахи построились в центральном нефе, и, когда мы медленно проходили мимо них, они каждого из нас поздравляли и целовали в щеку. В тишине храма звучали лишь их слова: «Pax tecum! Pax tecum!»[13]

Я не чувствовал ног под собою. Монастырь приготовил нам торжественный обед. Хор пел нам хвалу, а мы, герои дня, уселись между старшими монахами. Меня, как отличившегося, мученика, ректор Ринальди усадил рядом с собою. Я был горд этим, но заметил, что все поглядывают на меня с завистью, а ведь это тоже греховное чувство. Воистину, peccatur intra muros et extra[14], утешал и оправдывал я себя.

— Дрожайшие сыны мои, вас обрел неутомимый дух священника Иоанна Боско. Этот дух поведет вас в языческие страны, дабы зажечь там огонь истинной веры. Так пусть же он никогда не угасает в ваших сердцах. Знайте, что труд и терпение все преодолевают.

13

Из Перосы-Арджентины некоторых новициев отправили обратно в Турин обучаться ремеслу, так как у них не оказалось способностей к богословию, других же просто оставили в новициате. Нескольких ребят из группы мучеников, в том числе и меня, послали в духовную семинарию.

Семинария была расположена вблизи давно потухшего вулкана, склоны которого покрывали густые леса. У здания, где мы разместились, росли неведомые нам деревья, ветви которых так переплелись, что образовали настоящую крышу. Вдоль дорожек для прогулок росли платаны, взоры притягивали к себе великолепные магнолии. Перед зданием пестрели громадные цветники.

Это поместье подарил монахам Иосиф Фестини. Здесь в свое время была его летняя резиденция, где он в юности развлекался вместе с друзьями. Стремясь искупить свои прегрешения, он постригся в монахи, а дворец отдал монастырю. Прогуливаясь по великолепным, старательно ухоженным аллеям, я встречал семинаристов, которые разговаривали между собой на французском, испанском, японском языках. Среди них были и негры, и мулаты. Хотелось с ними заговорить, но я не осмеливался. Меня удерживали природная застенчивость и покорность, которую привили мне в монастыре.

В семинарии нам внушали, что вера в бога обогащает человека, раскрывает смысл жизни и приобщает к источнику счастья. Я был преисполнен жажды самосовершенствования, но меня терзало одиночество. Среди литовцев, с которыми я приехал, не нашлось близкого мне по духу человека, с иностранцами же я не сдружился. И вот ходил в одиночестве, словно отверженный. Общение с одним только богом не приносило полного духовного удовлетворения, хотелось спрашивать, слушать, что говорят другие, спорить. Словом, тянуло к общению с людьми.

Меня заинтересовал смуглый, с нежными чертами лица, небольшого роста семинарист, по имени Сильвио Сингх. По его словам, он был родом из Италии, но больше походил на индуса. Откуда, когда и как он очутился у салезианцев, никто не знал. Говорили, что он круглый сирота, подкидыш.

Сильвио Сингх ни с кем не дружил, гулял всегда один, опустив глаза. Сингха считали странным и сторонились его. Мне стало его жаль. Как-то во время перерыва я подошел к нему и о чем-то спросил. Он ответил и сам стал спрашивать меня, откуда я

родом, а узнав, что из Литвы, попросил произнести несколько слов по-литовски.

— Девас (бог), - сказал я, указывая на образ Христа.

— Погоди, погоди, - он ухватил меня за руку. - Ведь это похоже на санскритский язык. Девас — дэвас...

— Я слышал, что среди индоевропейских языков литовский и санскрит самые древние. Хотелось бы изучить его.

— Еще что-нибудь скажи...

— Думас (дым).

— Дхумас.

— Шака (ветка).

— Шакха.

— Нактис (ночь).

— Нактис. Ха, ха, ха, — рассмеялся Сингх, и, кажется, я впервые увидел его таким веселым. - А теперь я скажу: кто твои есть? Правильно?..

— Кто ты есть?

— Я изучаю санскрит, научи меня и литовскому языку. — попросил меня Сингх. - Обязательно!

Я согласился.

Во время перерывов мы часто гуляли вместе. Я его обучал литовскому. Мы сравнивали санскритские слова с литовскими. Некоторые из них были весьма схожи, многие имели одинаковые или близкие корни.

Мы обратили внимание, что за нами стал следить куратор курса Джовани де Бартолини. Он был очень подозрительным и постоянно досаждал семинаристам, но нам-то нечего было бояться. Однажды он остановил нас:

—- Я не понимаю, синьоры, чем вы занимаетесь?..

— Я учу Сильвио своему родному языку, — ответил я не без гордости.

— Что? — не понял куратор.

— Учу литовскому языку, — повторил я.

— А ты, дорогой сын, разве не знаешь, что в семинарии можно разговаривать только на итальянском, латинском и греческом, ну еще на английском и на хинди. А здесь какой-то провинциальный язык? Больше такими делами не занимайтесь. Предупреждаю вас.

Я почувствовал, как кровь застучала в висках. В душе шевельнулось недоброе чувство. Я заторопился в аудиторию. Сингх, догнав меня, стел успокаивать:

— Наш духовник всегда придирается. Уж я-то его так слушаюсь и все равно не могу угодить. Не переживай, мы и дальше будем изучать литовский язык. Он для меня настоящая

находка.

— Неужели ради монастыря я должен забыть и родной язык? — не мог я успокоиться. - Как же, возвратясь на родину, я смогу тогда говорить со своими родителями, родственниками?

— Не горюй, Викторио, — Сильвио пожал мне руку. — Ты можешь гордиться тем, что у тебя есть родина, родители. Вот я... Ни родины, ни родных, никого. Многие даже сомневаются в том, что я итальянец. Как будет по-литовски «kada ratho va hati» («когда колеса катятся»)? Обожди, обожди, я сам скажу: «Kada ratai vaziuoja». Разве не так?

— Да, конечно! - я заставил себя улыбнуться. — Ты очень хороший друг, Сильвио.

— Так пусть же наши колеса катятся дальше.

— Ну что ж. Не будем искать волос на блохе, как говорят у нас. Воздадим хвалу господу!

В свободное время я продолжал обучать Сингха литовскому языку. Учебников у меня не было, так что я сам составил словарь и правила грамматики. Вскоре мы могли говорить с ним по-литовски, а несколько позже Сильвио стал писать мне письма. Однажды в конспектах по философии я нашел записку:

«Викторио, ты мне брат. Я скоро стану настоящим литовцем. Ты мне очень нравишься. Я тебя страшно люблю.

Сильвио Сингх» .

В семинарии вели активную деятельность духовные братства. Одни уговаривали меня вступить в братство четников, другие - в братство общения святых, третьи - в братство евхаристических воинов. Но меня не привлекало ни одно из них, поэтому все предложения я отвергал:

— Я мученик.

И меня оставили в покое. Но группа мучеников в семинарии была незначительная и активностью не отличалась. Самоистязаться мы не могли, потому что в пансионате жили все вместе. Не было у нас и соответствующих кроватей, на которых полагалось спать мученикам. Плеть и цепи валялись без надобности в шкафу. Только иногда, желая показать, что я все-таки мученик, я уходил в келью покаяния, брал с собою плеть и хлестал себя.

Сильвио, как одному из наиболее дисциплинированных, ректор поручил организовать братство святого Иосифа, цель которого состояла в том, чтобы пропагандировать физический труд. Но эта затея успеха не имела. Семинаристы отлично знали, что бог, изгнав Адама и Еву из рая, наказал их именно трудом. «В поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю...» — сказал господь Адаму.

Никому из семинаристов не захотелось вне очереди работать на кухне или в огороде, помогать эконому или сторожу. Каждый норовил погулять в каштановой роще.

Однажды Сильвио, убрав туалетную комнату, обрушился на меня:

— Ты мне друг или нет?

— Друг. А что?

— Тогда почему не вступаешь в братство святого Иосифа? Третий день я один ухаживаю за больными. Никто не хочет выполнять общественные поручения.

— Я принадлежу к мученикам.

— Я слышал — мучеников упразднят. Говорят, что миссионеры, прибывшие из Индии, смеются над индусами - санньяси[15], которые истязают себя почти до умопомешательства. Они их называют дикарями и варварами. И даже хуже - разумными безумцами.

— А Христос разве не страдал? Вот и мы вместе с ним.

— Христа мучили другие, а вы сами себя. Это варварство. Самоистязание еще не говорит о том, что ты достойный монах.

Слушая его, я вдруг подумал, что он глубоко прав.

— Давай придумаем новое братство, предложил я Сильвио.

— Новое? А зачем?

— Надо всколыхнуть здешнее болото, мы ведь киснем взаперти. Знаешь что, давай организуем братство святого Христофора. Он ведь покровитель спортсменов. Молодым, таким, как мы, спорт должен понравиться.

— Это семинаристам-то?!

— Так ведь они не старики! Чем мы в миссиях будем привлекать к себе молодежь: молитвами, размышлениями? Этого мало. Нужен спорт. Ведь мы не умеем как следует провести спортивное соревнование, не умеем даже играть в баскетбол. Неплохо было бы поучиться самозащите, дзюдо. Неизвестно, кого еще встретишь в джунглях.

— Ты что, совсем спятил? — испугался Сильвио. —Из мученика в спортсмены. Радуйся, что позволяют играть на спортплощадке. Посмотри на камадулов[16]. Они вообще заперты в кельях-одиночках, не хуже индуистских санньяси. Лучше и не заикайся об этом, а то может быть еще хуже.

— А я все равно попытаюсь.

— Викторио, ради бога! Я боюсь...

— Мы не камадулы. Их орден создан в мрачном средневековье, наша конгрегация — в новые времена. Они презирают плоть, считают ее преградой для вечной жизни, а мы проповедуем возрождение человечества через молитвы и труд.

Сильвио молчал. Он не мог себе представить, как можно что-либо организовывать, что-то сделать и даже о чем-то думать без ведома отцов-монахов. Но я еще не потерял способности самостоятельно мыслить. Мне хотелось внести что-то новое в жизнь семинарии. Я не мог сидеть сложа руки. Во время перерыва я встал на стул в коридоре и крикнул:

— Многоуважаемые синьоры, приглашаю вас вступить в братство святого Христофора. Кто желает?

Семинаристы смотрели на меня, озирались по сторонам, кто-то усмехался, не понимая, шучу я или говорю серьезно. Но все же окружили меня.

— Что за братство? Чем будем в нем заниматься?

Я объяснял, как умел, говорил, что будут работать различные спортивные секции, будет даже фехтование и конный спорт.

Я составил список желающих вступить в новое братство, не обращая внимания на то, что многие из них были уже членами других братств.

Вскоре мы приступили к тренировкам. Семинаристы охотнее шли на спортивную площадку, чем на занятия других братств. Только Сильвио не появлялся. Я, конечно, нервничал, ждал, что ректор вот-вот вызовет меня для объяснений по поводу этой моей ни с кем не согласованной деятельности. Но меня не вызывали. Неужто он одобрительно отнесся к моей затее?

14

На классных занятиях нас знакомили с различными религиозными течениями. Преподаватели уверяли, что первые люди на земле - Адам и Ева, да и Каин с Авелем и семейство Ноя поклонялись истинному богу, творцу неба и земли. Но впоследствии люди, за исключением еврейского народа, забыли господа бога, ударились в фетишизм, магию, анимизм. Еще позже они стали обоготворять силы природы. Так, египтяне поклонялись богу солнца Ра, богу луны Тоту, богу земли Гебу. Греки представляли себе богов небожителями. Главным из них был Зевс, обитающий на горе Олимп; его жена Гера была покровительницей брака и семьи; Афродита была богиней любви и красоты; Аполлон — богом солнца. Но затем эти религии исчезли, ибо они не были истинными.

Позднее возникли новые религии, существующие и поныне.

Несколько шире нас познакомили с буддизмом, имея в виду, что нам придется работать в странах, где много приверженцев этой религии.

Изучая различные религии, я со временем пришел к выводу, что все они похожи одна на другую.

Христиане, католики и православные, как и приверженцы различных направлений протестантизма, верят в святую троицу: бога-отца, бога-сына и святого духа. Индуисты также признают троицу: Брахму - бога-созидателя, Вишну - бога-хранителя и Шиву - бога-разрушителя.

Сам не знаю, как мне тогда пришли в голову такие сравнения, в какой-то степени принижающие христианскую веру. Боясь таких мыслей, я пытался подвергнуть критике нехристианские религии, стремясь тем самым искупить свои грехи.

Я внушал себе, что истинный бог - это лишь христианский бог уже хотя бы потому, что он создал человека по своему подобию. Лишь когда прародитель людей Адам вкусил запретный плод, бог изгнал его вместе с Евой из рая, одновременно обрекая все человечество на муки и смерть. Но все же бог был к людям бесконечно милостив: изгоняя Адама и Еву из рая, он дал им одежду. Праведнику Ною он помог построить ковчег и тем спас его и его семью от потопа. Позднее на горе Синайской он вручил предводителю еврейского народа Моисею каменные скрижали, на которых были начертаны десять заповедей о том, как нужно жить на земле. Наконец, бог пожертвовал своим сыном Иисусом Христом ради вечного спасения людей. Христос прожил на земле

тридцать три года и вместе со своими учениками - апостолами - учил людей, как жить, чтобы очистить свои души и вновь стать достойными божественной благодати.

Вот каков истинный бог! Только к такому богу следует приобщить человечество!

Так как же я осмелился сравнивать языческих богов с христианскими? Наверное, дьявол попутал меня, желая, чтобы я, как и он, восстал против бога. Многие жертвовали собою, наставляя иноверцев в католическую веру. И я твердо решил пожертвовать собой.

Для подкрепления своего решения быть непреклонным на избранном мною пути я направился в часовню помолиться. Неожиданно ко мне подошел духовник Джовани де Бартолини. Он подождал, пока я закончу молитву, и сообщил:

— Тебя вызывает ректор. Я глянул на него.

— Провинился!

«Неужели ректор знает, о чем я думаю? - мелькнуло в голове. — Нет, не может этого быть! Наверное, запретит наше спортивное братство. Ну и посмеются же надо мной семинаристы».

Робко вошел я в кабинет ректора, в котором уже давно не был. Ректор не велел мне повиниться. Зато он молча протянул записку, написанную на литовском языке:

«Викторио, брат мой, не сердись. Я не сомневаюсь в твоем братстве. Я хочу играть вместе с тобою в волейбол, стрелять из лука.

Сильвио Сингх».

Прочитав записку, я так растерялся, что даже покраснел. Сейчас вот ректор возьмет и запретит мне посещать даже те спортивные занятия, которые доступны всем семинаристам.

— Многие святые ценили спорт весьма высоко! — пылко произнес я. — Кроме того, спортивная закалка может пригодиться нам в миссиях...

— Мы приветствуем то, что вы организовали братство святого Христофора, — похвалил меня ректор. — Городская спортивная федерация нашей провинции предлагает организовать соревнования по стрельбе. Есть ли в ваших рядах стрелки?

— Есть! — ответил я радостно. — Я сам неплохо стреляю, и Сильвио тоже большой любитель этого вида спорта. Только он не посмел записаться в братство.

— Но речь сейчас не о том, — строго сказал ректор. — Почему Сильвио пишет тебе по-литовски? Разве ты забыл слова Христа: «Кто приходит ко мне и не питает ненависти к своему отцу, матери, братьям, сестрам и даже к своей жизни, тот не

может быть моим учеником». Служа церкви, необходимо отречься не только от своих родных, но и от своего языка. Кто не сделал этого да еще учит другого своему языку, тот грешит. В отпущение твоего прегрешения предашься в часовне размышлениям над словами святого Августина: «Roma locuta, canza finite»[17].

Я преклонил колено и поцеловал руку ректора. Затем поднялся и, боясь, как бы он меня еще в чем-нибудь не обвинил, быстро ушел. Прибежав в читальню, я отыскал Сильвио:

— Ты знаешь, какую кашу заварил своими записками? — гневно набросился я на него. — Чуть было не погубил братство святого Христофора.

Сильвио округлил глаза и молчал.

— Зачем тебе понадобилось посылать мне записку, вдобавок по-литовски? Ты что, с ума сошел?

— Я только хотел порадовать тебя, - ответил Сильвио, — ты так любишь родной язык.

— Любить — это грех, понимаешь? Монах, если что и любит, должен от этого отказаться. Так сказал ректор. Кого ты просил передать записку?

— Никого! Я вложил ее в учебник греческого языка.

— Где он?

Сильвио вынул из стола книгу и стал ее листать. Записки в ней, конечно, не оказалось. Сильвио с виноватым видом опустил глаза.

— Скорее всего ее забрал духовник, - тихо промолвил он, — просматривал, вероятно, книжки и... забрал. Он по ночам проверяет ящики столов.

— За эту записку на меня наложено покаяние.

— Меня ждет то же самое, - печально продолжал Сильвио.

— Конечно. Кайся, раз ты такой ротозей.

А про себя подумал: «Хорошо, что никто не знает о моих мыслях, а то выгнали бы из семинарии за ересь».

15

На первых тренировках по стрельбе у нас был только один револьвер. Позднее ректор одолжил нам второй, затем каждому подарили по револьверу бывшие миссионеры. Мы упорно тренировались. В чинаровой роще, где было оборудовано стрельбище, то и дело раздавались выстрелы. Приходил пострелять и сам ректор. Случалось, что стрелки забывали про обедню и даже про вечерние моления. Но никто нас за это не бранил — честь семинарии была превыше всего.

Отобрали пять лучших стрелков, в том числе меня и Сильвио. У него от природы был меткий глаз, но все же я частенько выбивал больше очков и очень гордился этим.

Когда наступил день соревнований, мы направились в помещение городской спортивной федерации. Здесь собрались также стрелки из фашистской организации «Молния». Многие из них были в полной военной форме: зеленые мундиры, аксельбанты, на рукавах знаки отличия. У каждого на поясе была кобура с револьвером. Мы же свое оружие прятали в карманах ряс.

Посмотреть на соревнование пришли горожане, особенно много было молодежи. Сенсация! Монахи будут соревноваться с фашистами. Мы были преисполнены чувства огромной ответственности.

Нас поставили перед мишенями. Я молил святого Христофора помочь мне победить и заметил, что мои товарищи тоже поглядывают на небо.

По команде судьи мы вынули револьверы, зарядили их и прицелились. Прозвучали выстрелы, залп следовал за залпом. Судьи объявили результаты по первому упражнению. Оказалось, что лучше всех стрелял Сильвио. Вторым был я, но в целом лучше стреляли фашисты. По второму упражнению результаты были равные, но у нашей команды были некоторые преимущества. Победа была присуждена нам. Проигравшие пытались протестовать, они не могли примириться с тем, что какие-то монахи стреляют лучше их, фашистов. Но судьи утвердили результат в нашу пользу.

Нас окружили зрители, которые на радостях стали даже нас качать. Вокруг только и раздавалось: «Saluto! Saluto!» Когда мы вернулись в монастырь, нас пригласил к себе ректор. Он поздравил команду и сказал:

— Молодость и бог - вот источник сил. Поэтому вы и вырвали победу. Пусть ваш пример поможет привлечь больше душ на

сторону истинного бога, — ректор обратился к нам с Сильвио: — Мне звонили из муниципалитета. Сам мэр Касола просил разрешения зачислить вас в команду „Молнии". Я дал согласие - с мнением начальства следует считаться.

— А как же с занятиями? — спросил я с некоторым удивлением.

— И с молениями? — добавил Сильвио.

— Занятия в федерации будут проводиться после обеда, — объяснил нам ректор. — Учебе это не помешает. А от вечерних молений я вас освобожу. Ваши спортивные победы также послужат во славу господа. Ваше участие в «Молнии» придаст популярность нашей конгрегации.

Мы стали посещать совместные тренировки по стрельбе. Было непривычно, что мы одни, без сопровождающих, можем идти в город. Непривычными были также уличный шум и людской поток, которые даже слегка пугали нас. На стрельбище мы чувствовали себя менее скованными.

Я стал замечать, что на нас часто погладывает тренирующаяся вблизи теннисистка. Худощавая, темноволосая, с миловидным личиком. Я старался не смотреть в ее сторону, зная, что „всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем". Но глаза сами отыскивали ее и следили за тем, как виртуозно она отбивает мячи.

И вот однажды она подошла ко мне и, словно мы были давно знакомы, спросила:

— Вы итальянец?

— Нет, литовец, а вот мой друг — итальянец, - ответил я и бистро отвел глаза в сторону, давая понять, что разговор окончен, хотя втайне желал, чтобы она продолжала меня расспрашивать.

Девушка внимательно посмотрела на Сильвио своими большими глазами и произнесла:

— Он индус, а может быть... Нет, он — настоящий индус.

Я вновь улыбнулся. Девушка, тряхнув кудрями, посмотрела на меня и, стараясь не проявить своей заинтересованности, произнесла:

— После тренировки пойдемте к нам. Отец просил вас пригласить. Надеюсь, вы не откажетесь?

Мы с Сильвио переглянулись. Имеем ли мы право принять такое приглашение без ведома ректора? Не нарушим ли устав? А может, данное нам семинарией разрешение посещать стрельбище федерации позволяет бывать везде?

Я спросил у девушки:

— Скажите, кто ваш отец?

— Вы не знаете? Он мэр города. Ведь это он пригласил вас в «Молнию».

Сильвио вопросительно посмотрел на меня, а я подумал, что отказаться невежливо, тем более если приглашение исходит от городских властей. Бросив робкий взгляд на теннисистку, я ответил:

— Если только мы вас не очень обременим...

— Не причиним хлопот, — добавил Сильвио.

— Что вы? — лицо девушки озарила белозубая улыбка. — Мы всегда рады гостям. Моя фамилия Касола. Виргиния Касола.

Мы предложили Виргинии пострелять из револьвера по движущейся мишени. Она попала только один раз. Мы весело смеялись, позабыв, что девушка создает „духовно-электрическое" поле, которым пугали нас в монастыре, что она может нас соблазнить, что любовь - это рана, посыпанная солью.

После тренировки Виргиния повела нас к своей машине. Она села за руль, а мы с Сильвио — на заднее сиденье. Когда машина тронулась, по спине побежали мурашки. Что мы делаем? Семинаристы рядом с девушкой! Я не смел даже глянуть в окно машины, чтобы кто-нибудь невзначай не увидел меня. Сильвио тоже жался в угол сиденья.

Мы подъехали к каменному дому, окруженному высокой металлической оградой. Под сенью развесистых каштанов пестрели цветы. За домом росли пинии. Вокруг царила тишина, как и в нашем монастыре.

У дверей застекленной веранды нас встретил сам господин Касола, с вьющимися с проседью волосами, острым, испытующим взглядом. Он обнял нас, словно старых знакомых:

— Приветствую вас, святые стрелки! Отрадно, что вы не возгордились и приехали к нам... Прошу вас, входите.

В просторном холле на полу лежали шкуры антилоп, на которые мы стеснялись ступать. Стены были украшены картинами. Повсюду масса цветов. Все это нас ошеломило.

Вначале мы стояли, не зная, как вести себя, что делать, о чем говорить. Слова застревали, в горле першило. Я нервничал, боясь показаться бестолковым и неотесанным, бессознательно потирал ладони и морщился.

Хозяин предложил нам посмотреть его картины. Он останавливался у каждой, рассказывал об ее авторе, художественных достоинствах. Мы выпили предложенное вино. Я почув-

ствовал легкое головокружение, думать стало легче, веселее, возникло желание разговаривать, шутить. Постепенно мы разговорились о религии.

— Я очень ценю людей, которые жертвуют собою ради блага других, — разглагольствовал Касола. — Но иногда и религия бывает лицемерной.

Я не понял мысли хозяина, к чему он клонит, поэтому старался не противоречить ему.

— Несомненно, есть религии истинные и не истинные, как и пророки. На Востоке индусы имеют сотни, а может, и тысячи богов. Даже своих брахманов они считают всемогущими и почитают их. Конечно, такая религия не истинная - она сформировалась из народных сказаний и мифов.

— Существуют религии, созданные личностями, известными истории. Как по-вашему, в таких случаях это истинные религии? — обратился к нам Касола.

— Что вы имеете в виду? — спросил я.

.— Ислам, мусульманство, — не раздумывая, ответил Касола. — Эту религию, как мы знаем, создала личность вполне реальная, зафиксированная в истории, Мухаммед. Не так ли?..

— Да, - согласился я. — Он был проводником караванов, позднее стал главой Ятрибского государства. Считается, будто сам Аллах вдохновил его на проповедь новой религии.

— Значит, это истинная религия? — спросил Касола.

— Нет, христианство более истинно, - решительно заявил я. — Его провозгласил сам сын божий.

— Но разве Христос — историческая личность? — усомнился хозяин и сам же пояснил: — Простите меня, но я... старый либерал. Ранее я склонялся в сторону социализма. Но когда мне довелось познакомиться с идеями фашизма... мне показалось, что фашизм - это будущее. Но к какой бы политической доктрине я ни склонялся, меня все время интересуют мировые религии. Возможно, поэтому и поддерживаю связь с духовными лицами. Быть может, им удастся вернуть меня на стезю божью. Ведь бывают же на свете чудеса. Не так ли?..

Несколько придя в себя от такой неожиданности, я запротестовал:

— Почему вы, господин мэр, говорите, что Христос не является исторической личностью, если о нем упоминает в своих трудах ряд историков? Возьмите, например, труды еврейского историка Иосифа Флавия.

— Разве вы не знаете, что фразы о Христе в труде Флавия «Иудейские древности» появились спустя четыре столетия после написания книги, — не уступал Касола. — Вы не сердитесь, но ведь их вставили монахи, переписывая книгу. Это историческая фальсификация.

— Ну, а Цельс? — внезапно включился в разговор Сильвио. —

Он упоминает о Христе в своем «Правдивом слове». Цельс был греком. Ему нельзя не верить.

— А Плиний Младший! Он также писал о сыне божьем, жившем на земле, — демонстрировал я свои познания хозяину. — А Светоний, Лукиан...

— Не путайте, они писали не о Христе как основоположнике христианства, а лишь о христианской религии вообще. Само же христианство возникло из других древних религий, сформировалось в Римской империи, здесь, у нас, и отсюда распространялось в разные страны.

— Следовательно, по-вашему, христианство, как и индуизм, берет свое начало из народных мифов, сказаний, песнопений? — спросил я удивленно.

— Вы можете мне не верить, однако я, интересуясь религиями, пришел именно к таким выводам, — признался Касола. — Может быть, моя точка зрения и неверна, но я не могу ее изменить. У меня нет других аргументов.

Я отодвинул в сторону бокал с вином и встал, бросив взгляд на Сильвио.

— Извините, но нам пора в монастырь, — сказал я.

— Таких суждений, господин Касола, я нигде не слышал. Стоило бы подискутировать, — заявил, вставая, Сильвио. — Это очень интересно... Ваши рассуждения заставляют задуматься...

— Заходите почаще, — приглашал нас с улыбкой Касола. — Мы вместе поищем основы божественного. Человек боится бога до тех пор, пока не обрел веры в себя.

Мы откланялись, еще раз поблагодарив за приглашение.

В монастырь мы возвратились возбужденные и огорошенные. Нас поразили и смутили мысли, высказанные Касолой. Да, сразу и не узнаешь, где свил себе гнездо дьявол.

16

Мы продолжали посещать тренировки по стрельбе, были активными участниками спортивных соревнований, проводимых и в других городах: Милане, Генуе и даже в Риме. Нередко мы возвращались с соревнований победителями. Завоеванные медали и другие награды вручали ректору, а цветы -Виргинии. На ее машине мы частенько ездили на загородную виллу. Если хозяин был дома, то время проходило в ожесточенных спорах о религии, после которых каждый оставался при своем мнении. Если же хозяин отсутствовал, то мы пили вино и рассуждали о спорте, теннисе, стрельбе. Виргиния стала нам близким человеком, вроде сестры.

Я начал замечать, что Сильвио ведет себя как-то странно. После тренировок он частенько где-то пропадал и просил, чтобы я дожидался его в городе. В ожидании его я заходил то в кино, то в кафе, навещал членов нашей сборной по стрельбе.

Однажды я в шутку спросил Сильвио:

— Уж не притянуло ли тебя духовно-магнитное поле Виргинии?

— Не волнуйся, на меня ее токи не влияют, — усмехнувшись, ответил он. — Я у них читаю светские газеты. В монастырской читальне таких нет.

— И что же ты интересного вычитал?

— Салезианцы в Индии покупают детей.

— Да ты что?! — не поверил я. — Это клевета!..

— Газета социалистов «Лаворо нуово» поместила об этом репортаж, — с горечью произнес Сильвио. — Быть может, и меня когда-то купили?! Хотя монахи утверждают, что я сирота. Но фамилия у меня индийская. Почти все уверяют меня, что я похож на индуса...

— А я тебе говорю, что социалисты клевещут на монахов, — не уступал я. — Не придавай значения тому, что пишут их газеты. Подлинной правды нигде не найти. Да и с Касолой надо прекращать дружбу. Еще где-нибудь проговоришься о покупке детей, и не видать тебе посвящения. Тогда твоим надеждам придет конец, навсегда останешься в Италии.

— А если я был куплен? — упорствовал Сильвио.

Я пожал плечами и ничего не смог ему ответить. Я понимал, как тяжело ему без родины, без родных. Мечется как зверек, запертый в клетке. Мне все-таки легче. Хотя монахи и запрещали говорить на родном языке, я иногда сам с собою разговаривал по-литовски, писал письма родителям, родственникам, друзьям,

молился по-литовски. И бог ни разу не наказал меня за это. По-видимому, бог-таки умнее монахов.

Сильвио по-прежнему навещал семью Касола. Случалось, что он долго там задерживался и тем доставлял мне много тревожных минут. Я боялся, что нам могут запретить тренировки. Но пока что везло, нас никто не предал. Кроме нас, никто из семинаристов не мог свободно выходить в город, только мы пользовались этим правом.

Так промчались три года учебы. Подходил к концу четвёртый, когда меня пригласил к себе ректор. Как обычно, он долго и пристально глядел на меня, словно пытаясь проникнуть в самую душу. Я не знал, о чем он будет говорить, однако ничего хорошего не ждал. Но ректор вдруг сделал совершенно неожиданное предложение:

— Мы собираемся, Викторио, послать тебя в Индию, в миссию. Тебе легко даются языки, там же пройдешь практику. Потом вернешься, закончишь учебу и будешь посвящен.

Я давно мечтал об Индии, но думал, что Сильвио для этого больше подходит. Кроме того, он очень хотел выяснить тайну своего происхождения. Может быть, в Индии это ему удастся?

— Спасибо, — поблагодарил я ректора. — Но не лучше ли послать Сильвио? Он интересуется Индией, знает санскрит, хорошо разбирается в индуизме.

— Как же его послать, если он ушел из монастыря? — развел руками ректор.

— То есть как - ушел? - страшно удивился я.

— Очень просто... Вчера он не вернулся от Касолы. Запутали его либералы.

Я стоял пораженный. Новость была столь неожиданной, что я не знал, что и сказать.

— Конечно, может быть, и нецелесообразно посылать тебя в конце учебного года, — продолжал ректор. — Но там, в Индии, на территории Гиманджунгской миссии появился тигр-людоед. Он терроризирует прихожан. Уже растерзал нескольких человек. Всех там охватила паника. Ты хороший стрелок и справишься со зверем. Окажешь миссии большую помощь. Готовься в путь, мой дорогой. Да благословит тебя господь.

Я не знал, радоваться мне или сожалеть, что посылают в миссию. Жаль было расставаться с братством Христофора, стрелковыми соревнованиями. А может, меня посылают вовсе не потому, что я хороший стрелок, а опасаются, как бы я не последовал примеру Сильвио и не бежал на родину?

Но в то же время Индия влекла меня своими тайнами, экзотикой, неизведанной жизнью миссии. Семинария не уйдет,

успею ее окончить, не минует меня и посвящение. Лишь бы мне удалось помочь миссии. Сейчас главное - изучить бенгальский язык. Но если ты знаешь несколько языков, нетрудно выучить еще один, если это необходимо...

Я опустился на колени и с волнением воскликнул:

— Благословите, отец мой.

— Мир тебе, - ректор перекрестил меня и поцеловал.

17

Так закончил свой рассказ о жизни в салезианском монастыре в Италии Викторас Заука. Было видно, что воспоминания о годах, проведенных в новициате и семинарии, угнетали его. Хотя ему, сыну рабочего, можно сказать - нищему, казалось, очень повезло. И я сказал:

— На что ты жалуешься? Не так уж тяжело тебе приходилось. Ведь ты многого достиг.

Викторас нахмурил густые поседевшие брови, долго молчал. Потом с горечью сказал:

— Больше всего меня угнетает сознание того, что лучшая часть моей жизни прошла впустую.

— Почему - впустую? Конечно, ты много пережил, однако многому и научился. Если бы не учился, еще не известно, стал бы ты атеистом или нет. Слышал я, что лекции сейчас на антирелигиозные темы читаешь, многим помог покончить с суевериями. Это много, очень много!..

— Может быть, твоя правда, — согласился Викторас. — Но чертовски жаль юности, растраченной в монастырских стенах. А тебе, скажи, разве тяжелее было? Ты ведь тоже был монахом.

— Да, был, но попал к ним с большим трудом. Стучал в двери различных монастырей, писал, ездил, искал протекции. Просителем быть тяжелее, чем приглашенным. Был я и у этих самых салезианцев, но таких мук, как ты, не испытал.

— Разве у вас не было «ангелов-хранителей»? — поинтересовался Викторас.

— Были, но не слишком себя проявляли.

— А группы мучеников?

— О мучениках я лишь от тебя узнал.

— Вот видишь, поэтому тебе трудно меня понять. Ведь монастырь - это подлинная тюрьма, на которую ты сам себя обрек, — с глубокой убежденностью продолжал Заука. — Можно идти на муки, если это имеет смысл. А здесь? Сплошная бессмыслица.

Некоторое время мы молчали.

— А ты не был в Италии? — спросил Викторас.

— Собирался. И если бы поехал туда, то скорее всего пошел бы по твоему пути, — ответил я.

— Жаль, что ты не видел Италию, - огорчился Викторас. - Такая интересная страна.

— Я побывал там совсем недавно. И в Неаполе, и в Генуе, и даже на Сицилии. Там, в Катании, я заглянул к салезианцам.

— И впустили тебя? — поинтересовался Викторас. — Пригласили погостить. Было в самом деле интересно!

— Как они там сейчас живут?

— Как и раньше. У них ремесленное училище, воскресная оратория. Ребят там полно. Забивают .им головы сказками о вечной жизни.

— Ничего другого они и не могут придумать, — махнул рукой Викторас и встал. — Ну, мне пора.

— А об Индии? Когда же ты расскажешь о ней?..

— Как нибудь в другой раз, — пообещал он, посматривая на часы. — Вот внучку должен привести из садика.

— Внучку? - поразился я. - Стало быть, и жена есть?..

— Какой же мужчина без жены!

— Ты что же, привез ее из миссии?..

— Угадал.

— Индуска?

— Расскажу в другой раз. Хорошо? Теперь чаще будем встречаться. Позвони.

— Обязательно!

Часть 2

1

Мы долго не встречались с Викторасом. Все как-то не было подходящего случая. Но однажды я позвонил ему, и мы договорились о встрече. В старый город я пришел несколько раньше назначенного времени. Именно отсюда началась одиссея Викторасa, в которую его втянул миссионер Скелтис.

Я подошел к месту впадения Нерис в Неман, постоял, полюбовался видом, потом побрел дальше. Не заметил и сам, как оказался у костела Витовта. Я вошел в костел. Шла служба, торжественно звучал орган, несколько пожилых людей молились, перебирая четки. Над главным алтарем бросалась в глаза большая картина: Мария возносится на небо, а ее провожает взглядом, став на одно колено, князь Витовт. Он в кольчуге, вид у него весьма достойный. Изображение Витовта в алтаре! Неужто он святой?.. Поразительно! Скорее всего духовенство решило, что его имя укрепит величие церкви. Воистину неисповедимы пути господни. Зато замысел людской понятен.

Я вышел из костела, смотрю, идет Викторас.

— Ты уже здесь? — удивился он.

— Я пришел чуть пораньше и зашел от нечего делать в костел.

— А ты знаешь, — он на минуту задумался, — уезжая в Италию, мы дали обет Скелтису именно перед изображением Витовта. Он нам объяснил, что Витовт — креститель Литвы, первый литовский миссионер.

— Когда церковникам выгодно, кого угодно сделают святыми, — невольно вырвалось у меня.

— Да, если чувствуют в этом необходимость или пользу, — поддержал меня Викторас. — Так куда же пойдем?

— Может, в какой-нибудь кабачок — в «Гильдию» или «Музу»?

— Давай лучше пойдем к Неману. Я сегодня целый день хожу по городу. Был и в ратуше, и в магазины заходил. Хотелось бы побыть на природе.

Беседуя, мы спустились вниз, к Неману, отыскали укромное местечко, уселись и некоторое время помолчали, каждый углубившись в свои думы. Но вот Викторас начал свой рассказ — неторопливо, с паузами, заново переживая минувшее.

2

Я и духовник Джовани де Бартолини приехали в Геную поездом. В порту у причала чуть покачивался пришвартованный толстыми канатами белый, словно лебедь, красавец пароход «Виктория». На его верхней палубе развевалось множество разноцветных флажков. Из толстенной закопченной трубы вырывались клубы черного дыма. Пароход готовился к отплытию.

Держась за веревочные поручни, мы медленно взошли на судно по металлическому трапу, истертому до блеска множеством ног. Немного оглядевшись, поднялись на палубу с каютами первого класса и отыскали свою. Она была для двоих тесноватой. У одной стены — двухэтажная койка, у окна столик, напротив него — вешалка. Сквозь толстое стекло иллюминатора пробивался мутный свет. Неприветливые сумерки бередили сердце. Плыву куда-то на край света. Вернусь ли? Меня охватил ужас. Мысленно я все время повторял: «Господи, куда ты меня забрасываешь. Увижу ли когда-нибудь свои родные края?»

— Пойду в корабельную часовню, — сказал я Бартолини. — Сосредоточусь, может быть, успокоюсь...

— Ступай, сын мой, помолись и за мои душевные терзания. Да снизойдет на тебя успокоение, — перекрестил он меня. — Я очень устал в поезде, так что прилягу отдохнуть. Потом и я приду в часовню возблагодарить господа за счастливое путешествие. Ступай.

Пестрая толпа пассажиров все еще заполняла палубу. Женщины тащили детей, мужчины несли тяжелые чемоданы. Некоторые шли с пустыми руками, словно собрались на прогулку, — их поклажу отнесли в каюты носильщики.

Мое внимание привлекла панорама города, полукругом опоясавшего порт. Дома с красными крышами поднимались террасами в гору. Выше крыш виднелись верхушки осокорей и пиний. Город гудел, а залив дышал покоем.

Опершись о бортовые поручни, я восхищенно смотрел на голубую воду внизу. Вокруг шныряли парусные яхты, тихо покачивались небольшие лодочки.

Движение на палубе постепенно замирало. Басовито проревел гудок. Внизу у причала взмахнули платками провожающие. Наш пароход тронулся. Медленно он удалялся от пристани, направляясь в открытое море.

Я так и не пошел в часовню. Не мог налюбоваться видом удаляющегося города и открывающимся перед нами морским простором. Человеку необходимо иногда одиночество, лишь

тогда он может сосредоточиться и отдохнуть.

На следующий день словно со дна морского выросли силуэт вулкана и густо поросший деревьями большой остров. Это была Сицилия с вулканом Этной. Мне вспомнились слова из прочитанной в детстве книги под названием «Ад»: «На Этне находится огнедышащая пещера. Это адова печная труба». А сейчас я сам ее вижу, и мне ни капельки не страшно.

О «вратах ада» на Этне я за все время учебы в семинарии так ни разу и не услышал. Считалось, что место ада - в человеческом сердце. А в самом деле, где же находится ад? Может быть, он и впрямь только в сердце человека? Я быстро отогнал греховные мысли.

Мы миновали Александрию, широко разветвленную дельту Нила, Порт-Саид, вошли в Суэцкий канал. Появились песчаные дюны и голые скалы, опаленные зноем. Впереди было Красное море. Однажды, выйдя на палубу, я заметил, что люди оглядываются в сторону востока. Заинтригованный этим, и я стал глядеть туда же. Вдали - а может быть, только в моем воображении — появилась знаменитая священная Синайская гора. Чтя святое место, я снял шляпу и преклонил голову. Смотря на эти священные места, я ощущал большой душевный подъем. Мне казалось, что я удостоился божьей благодати.

Подошел Бартолини и уставился на меня недовольным взглядом:

— Дорогой сын, я не застал тебя в часовне. Вероятно, палуба парохода тебе дороже дома божьего?..

— Простите, синьор, но я здесь общался с господом, — отвечал я с достоинством.

— Как это прикажете понимать? — накинулся на меня Бартолини.

— Только что мы проплыли мимо Синайской горы!..

— Синайской горы?! Быть этого не может!

— Все, кто был на палубе, смотрели и видели...

— Господи, прости меня! - духовник снял шляпу и перекрестился. - Я так мечтал увидеть Синай и вот просидел в часовне.

Стремясь его утешить, я сказал:

— Синьор, приближается другое священное место!

— Какое? - удивленно спросил Бартолини.

— Мекка!

— Но ведь она священна не для католиков, а лишь для мусульман. Лучше я вновь отправлюсь в часовню. И тебе, сын мой, советую так же поступить.

Расстроенный тем, что не увидел Синайской горы, духовник

ушел молиться. А я размышлял об исламе. Может быть, Аллах, мусульманский бог, - это все тот же христианский бог, только назван другим именем? Ведь и мусульманская и христианская религии весьма схожи. Обе' признают вечную жизнь, воскрешение умерших, рай, страшный ад, благодетельных ангелов и приносящих зло дьяволов. Ислам тоже считает первыми людьми Адама и Еву, признает святыми праведниками Ноя и Моисея - героя еврейского народа. Только Христа он считает не сыном божьим, а пророком. Так, может быть, следует поклониться и Мекке, где Мухаммед начал проповедовать ислам.

В бинокль на побережье Красного моря все чаще можно было разглядеть караваны верблюдов. Верблюды раскачивались в такт ходьбы, на их горбах были укреплены большие ящики и другая поклажа, сидели купцы. В конце караванов, как правило, шли несколько паломников в длинных, развевающихся на ветру одеждах, с черными чалмами на головах. По этой бескрайней пустыне паломники направлялись в Мекку.

Но вот начался сильный ветер, поднявший тучи пыли, которые заслонили побережье. Паломников не стало видно. Вернувшись в каюту, я застал духовника читающим молитвенник. У меня сорвалось с языка:

— Мы проплываем мимо арабских стран, дышим воздухом, которым дышат и мусульмане. Надо бы воздать хвалу исламу.

— Посмотрим, что ты скажешь, когда вернешься из Индии, - сердито оборвал меня Бартолини, оторвав глаза от книги.

— Почему? — не понял я. — Они ведь с уважением относятся к христианству, признают избранников божьих, уважают Христа.

— Ты говоришь, что мусульмане относятся с уважением к христианству? — иронически усмехнулся Бартолини. — А кто изгнал католиков из Алжира, Марокко, Туниса? Кто?.. Ты это знаешь? Это ведь арабы разрушили храмы, а верующих превратили в рабов...

— Варвары!

— А ты, сын мой, еще восхищаешься ими. И не стыдно тебе? Ты же призван христианством ad majoram dei glo-riam[18].

После нескольких скучных, довольно однообразных дней плавания по Индийскому океану наш пароход прибыл наконец в Бомбей — морские ворота Индии. Когда „Виктория" пришвартовалась, мы, благословив друг друга, сошли на берег. Там нас встретил архиепископ Матхи - индус в белом одеянии. Его лицо украшала длинная, раздвоенная, огненного цвета борода. Улыбаясь, он обнял нас, словно родных детей.

— Сам господь бог послал вас, — радовался архиепископ. — Настало тяжкое время для наших миссий. Весьма не хватает

хороших духовных пастырей! Весьма!

Он усадил нас в свою роскошную, удобную машину, и мы выехали из порта. Город был весь в кипучем движении, перекатывались людские толпы, человеческие голоса заглушал рев моторов. Звенели колокольчики двухэтажных трамваев, сигналили грузовики и легковые автомашины, пронзительно покрикивали рикши. Внезапно шум утих, все остановились, замерли. Мы огляделись... Поперек улицы медленно шествовала корова с загнутыми вверх рогами. Это она заставила всех остановиться и... поклониться ей.

Вот гак мы сразу же и столкнулись с одной из многих индийских святынь.

Мы останавливались по той же причине еще несколько раз, пока наконец не приехали в индийский центр салезианских миссий. Это было двухэтажное здание, ничем не отличавшееся от других городских домов. Там же находились и покои архиепископа.

После небольшого отдыха в скромной комнате, где под потолком вращался большой вентилятор, нас пригласили ознакомиться с городом.

Мы медленно ехали на машине, оглядываясь по сторонам. Из роскошных, непривычного вида особняков выходили женщины, одетые в разноцветные сари, которых сопровождало множество слуг, охранявших их от всяких неожиданностей, главным образом от приставания нищих. А их здесь было великое множество. По улицам бродили словно сошедшие со страниц книг заклинатели змей и факиры.

Мы остановились у храма индуистского бога Шивы. Это было громадное здание из белого мрамора, украшенное множеством скульптур. Странно было наблюдать, как по этим скульптурам лазали обезьяны. Они шныряли и среди прохожих. Одна из них прыгнула мне на плечо, погладила лапкой мою щеку и лизнула ее. Так она выпрашивала угощение.

Внутри храма раздавались звуки бубнов, доносились нежные голоса флейт. Шло богослужение. Я хотел было войти внутрь, но архиепископ Матхи сказал, что во время богослужений вход иноверцам, а тем более духовным лицам запрещен. Рассматривая храм, мы обошли его вокруг. На тротуарах лежали больные люди, по улицам бродили коровы, бегали бездомные собаки.

На обратном пути мы поднялись по узенькой улочке на холм, поросший деревьями. На его вершине стояла круглая, примерно двадцатиметровой высоты башня. Над нею кружились с резкими криками грифы, словно готовясь напасть на нас. Стало как-то не по себе.

— Эти башни принадлежат парсам — огнепоклонникам, — пояснил архиепископ Матхи. — Они называются башнями молчания, хотя здесь все время кричат хищные грифы. Парсы приносят в башни тела умерших, раздевают покойников, ломают им кости и оставляют здесь, дабы мертвые спокойно отдыхали. Вот тогда-то грифы и набрасываются на них, разрывая и расклевывая тела.

— Почему же их не хоронят в земле? — спросил я архиепископа.

— Чтобы человеческое тело не оскверняло землю, а душе легче было с ним расстаться. Так считают парсы.

Во время осмотра города я обратил внимание, что он расположен на островах, соединенных между собой насыпными дамбами и мостиками, напоминающими любимую мною Венецию. Но вот архитектура была совершенно другая. Здания были украшены различными резными и лепными фигурами, башенками. Многие из них имели балконы, лоджии, колонны.

Вечером мы долго беседовали с архиепископом. Он сказал нам, что в Бомбее насчитывается 23 католических храма, 90 мусульманских мечетей, 100 индуистских храмов. Кроме того, в городе проживают буддисты, протестанты, джайнисты, представители других религий, и все они имеют свои храмы.

На прощание архиепископ одел нам на шею кресты миссионеров и пожелал успеха в создании новых многочисленных католических приходов.

Я был очень взволнован новыми впечатлениями, пожеланиями и наставлениями Матхи. Я чувствовал, что наступают большие события в моей жизни, понимал, какая громадная ответственность ложится на меня.

3

Из Бомбея мы отправились поездом в Калькутту. Билеты нам взяли в вагон первого класса. Кроме нас в вагоне ехал магараджа, несколько индусских купцов и английских чиновников. Магараджа был одет в длинный, расшитый золотом кафтан со стоячим воротником, голову его украшал такого же цвета тюрбан из тончайшего шелка с большим бриллиантом.

Купцы были в белых тюрбанах и таких же кафтанах, перепоясанных шелковыми дхоти[19]. На англичанах - серые европейские костюмы. Только мы выделялись своими черными сутанами.

В вагоне царила тишина. Индусы, как, впрочем, и англичане, держались с достоинством и почти не разговаривали между собой. Мы тоже не смели заговорить с ними и сидели, забившись в угол, рассматривая сквозь запыленные окна незнакомую своеобразную природу. Проплывали лимонные, апельсиновые рощи, большие чайные и кофейные плантации, неоглядные хлопковые поля. Поражали воображение веерные и громадные финиковые пальмы. А конца дороги все не видно. Станция сменяла станцию, на некоторых из них мы подолгу стояли. Так мы ехали несколько дней.

Наконец Калькутта. Пересев в автобус, мы покатили сперва вдоль долины Ганга, а затем вдоль реки Брахмапут-ра В этих краях стали чаще попадаться квадраты рисовых полей, покрытые водой. Выше их росли тутовые деревья, виноград, грецкий орех. Мы видели также следы недавнего урагана: разрушенные дома, рухнувшие мосты. Казалось, что этому путешествию не будет конца.

Мы вздохнули с облегчением, когда достигли города Шиллонга. Он расположен почти у самого подножия Гималаев. На севере, упираясь в небо, белели островерхие гигантские горы, вокруг толпились хребты поменьше. Их прорезали долины быстрых рек.

Католическая миссия находилась почти в центре города. Здесь возвышалось большое здание кафедрального собора, рядом с ним философско-теологический институт, детский приют, несколько воскресных ораторий для городской молодежи. Всю территорию миссии окружала высокая каменная стена с навесами, дававшими укрытие от палящих солнечных лучей.

Встречал нас весь здешний отряд миссионеров, одетых в белые сутаны и широкополые шляпы. Многие из них были худы, с изможденными бородатыми лицами. Миссионеры радушно

приветствовали нас, спрашивали, что нового в Европе, как поживают в Турине монахи-салезианцы. Мы старались на все дать исчерпывающие ответы, не желая показать, что многого и сами не знаем.

Среди мессионеров я заметил литовца, которого не раз встречал в семинарии, профессора Юозаса Густаса. Семинаристы утверждали, что это умный, высокообразованный человек. Густас окончил философско-теологическии факультет в Турине и духовную академию в Риме, где получил ученую степень лиценциата. В семинарии я не осмеливался даже здороваться с ним. Здесь же мы бросились друг к другу и долго стояли обнявшись. Потом беседовали по-литовски, и только о Литве.

Я поразился, что Густас, который был довольно крупным мужчиной, склонным к полноте, за несколько лет, проведенных в Индии, как-то усох и словно бы постарел. Неужели его так изнурила непривычная жара? Что же останется от меня, такого худого? Превращусь, чего доброго, в скелет... Смогу ли выдержать?

Отдыхали мы несколько дней. Джовани де Бартолини был оставлен в качестве духовника в Шиллонгском институте, а меня, как и было предусмотрено, определили практикантом в миссию Гиманджунга.

Из Гиманджунгской миссии приехала тонга[20] и двое возниц-бенгальцев. Они были одеты в длинные рубахи, опоясанные традиционными дхоти. Казалось, что им не страшна никакая жара. Бенгальцы привезли для Шиллонгской миссии плоды папайи и початки кукурузы, а на следующий день на обратном пути должны были захватить меня.

Утром, еще до восхода солнца, в тонгу уложили весь мой скарб: ящики с оружием и боеприпасами, капканы и другие принадлежности для ловли зверей. Когда все уже было готово к отъезду, я забрался в своеобразную будку, сплетенную из прутьев, и уселся там на скамеечке напротив дверцы, а возчики расположились перед будкой.

Под крышей я чувствовал себя в безопасности и довольно уютно. Было не слишком жарко. Прохладу давали и огромные, растущие вдоль дороги деревья, названия которых я не знал. Их стволы были покрыты наростами, обвиты лианами, а ветви так переплелись, что образовали туннель, непроницаемый для горячего тропического солнца.

Проехали длинный мост через Брахмапутру. Стало попадаться все больше пальм. Кое-где зеленели бамбуковые рощи. Деревья становились все выше. Как-то незаметно мы очутились в джунглях. Вдруг под ногами лошади я увидел пятна,

похожие на спекшуюся кровь. Меня передернуло. Неужели вот здесь, прямо на дороге, звери растерзали кого-то? Может быть, таких же путешественников, как и мы? Тихонько вытащив из ящика ружье и положив его на колени, я стал пристально всматриваться в высоченную плотную стену из деревьев и кустарника.

Ближе к полудню лошади стали проявлять признаки усталости, возницы повернули к росшей невдалеке финиковой пальме и остановились. Рядом была лужайка, поросшая густой травой. Пока бенгальцы возились с лошадью, я, осторожно озираясь, выбрался из плетеного кузова тонги. Вокруг гомонило великое множество птиц. Одни ворковали как голуби, другие монотонно цокали, свистели, верещали, хохотали. Их голоса заглушал иногда звериный рев.

Я долго вслушивался в звуки джунглей, а взгляд мой все чаще обращался к финиковой пальме в поисках плодов — уж больно хотелось их попробовать. Я было собрался уже залезть на дерево, как вдруг неподалеку в джунглях что-то затрещало. Возница испуганно припал к моим ногам и, устремив вверх наполненные ужасом карие глаза, прошептал в страхе:

— Леопард...

Мой лоб покрыла холодная испарина. Казалось, что вот-вот из чащи бросится на нас зверь. Вдруг бенгалец побежал в сторону стены из деревьев, а я, схватив ружье, выстрелил в ту сторону, куда помчался возница.

Бенгалец внезапно остановился. Из чащи медленно, потупя глаза вышел другой мой провожатый. Он приблизился ко мне и упал на колени, словно перед алтарем. Воздев руки вверх и беспрерывно кланяясь мне, он что-то бормотал по-бенгальски.

Возницы стали почему-то заискивающе-вежливыми и все кланялись. Я испытывал к ним чувство благодарности за то, что они, жертвуя собою, пытались спасти меня.

К вечеру, когда в воздухе повеяло прохладой, мы поехали побыстрее, боясь, как бы ночь не застала нас в джунглях. Я считал, что тогда мы непременно подверглись бы нападению хищников. От них не спрячешься ни в тонге, ни на деревьях. Но вот джунгли стали редеть, вдали показались контуры конического храма. И вскоре мы были уже рядом с глинобитными домиками. Я вздохнул с облегчением, хотя и не знал, достигли мы места своего назначения или это просто какая-то деревня. Важно, что я буду спать в помещении, а не под открытым небом.

Оказалось, что это и есть Гиманджунга. В центре ее стояло несколько двухэтажных домов. Поодаль виднелась мусульманская мечеть. Наконец мы подъехали к католической церкви. Это было

приземистое здание с колоколенкой, побеленной известью. Рядом с церковью - жилой дом. Вот и вся Гиманджунгская католическая миссия, весьма скромная на вид. Во всяком случае, такой она мне тогда показалась.

У ворот, ведущих во двор, нас встретил священник Камиль Фасати, итальянец, такой же худой, как и возницы-бенгальцы. Мои вещи отнесли в дом, а лошадь поставили под навес.

Не успели мы войти, как я не удержался и похвастал:

— Я прибыл сюда, чтобы охотиться на хищников. С одним уже довелось повстречаться.

— Вот как? — удивился миссионер Фасати и внимательно посмотрел на меня. Но, словно что-то вспомнив, улыбнулся:

— Наверное, бенгальцы ринулись в чащу догонять леопарда? Они всегда пугают европейцев хищниками. А за то, что они прогнали леопарда, не попросили с тебя десять рупий?

— Нет, когда они бросились в джунгли, я с испугу выстрелил, — признался я. — Тогда они вдруг пали передо мной на колени.

— Это потому, что ты показал им свою силу. Они тебе воздали почести, как божеству.

— Не может быть, — засомневался я. — Я сам видел на земле пятна крови. Не растерзали ли кого звери?..

— Ха-ха-ха! - весело засмеялся Фасати. - Это косточки памских орехов. Индусы любят сосать эти орехи вместо табака А выплюнутые косточки образуют пятна, похожие на кровь. Поживешь - привыкнешь к любым индийским диковинкам

Хитро придумано! Знают, что для тебя все внове, все видишь впервые, вот и пользуются этим. Неплохие психологи, хотя и неграмотные. Я немного злился, но больше смеялся над собой, что меня так ловко провели.

Ведя неторопливую беседу, мы вошли в здание миссии. Комната Фасати была небольшой. На стене висело массивное распятие, по бокам - образа святых. В углу стоял старый стол, рядом с ним - несколько стульев. В другом углу комнаты лежала груда циновок и подушек. Видимо, одна половина комнаты предназначалась для индийцев, а вторая – для европейцев.

В комнате уже царил полумрак, и Фасати зажег керосиновую лампу. Я хотел угостить хозяина, достал из чемодана банку консервов и положил на стол. Фасати тут же схватил ее бросил обратно в чемодан и потушил свет.

— Вы не любите консервов? — удивился я. — Это свинина, очень вкусное мясо.

— Да нет, люблю! Очень даже люблю! — прошептал Фасати. — Но... не принято! '

— То есть как? — не понял я. — Почему не принято?!

— Бенгальцы, как и все индусы, вегетарианцы, — объяснил мне Фасати. — И я тоже должен этого придерживаться, иначе они перестанут мне доверять. Поэтому я сейчас не могу попробовать консервы. Еще кто-нибудь в окно увидит. Надо быть осторожным.

— Странные здесь порядки, — я удивленно пожал плечами и вновь отметил про себя, как мало я смыслю в деятельности миссионеров, хотя и готовился к ней. Семинария - это только азбука, подлинная школа - это жизнь.

Фасати вышел во двор, занавесил снаружи окна циновками и прижал их бамбуковыми жердями. Возвратясь в комнату он запер двери на засов, зажег маленькую свечку и сказал:

— Теперь можем и угощаться. Ужасно соскучился по мясу Здесь поневоле становишься аскетом. Жизнь заставляет!

Когда мы закусили и выпили привезенного мною вина, миссионер развеселился. Он открыл шкаф, вынул оттуда шкатулку. Отперев ее двумя ключами, он промолвил, хитро улыбаясь:

— Посмотри, ты только посмотри, что здесь у меня...

Из шкатулки разносился неизвестный мне ароматный запах. Я осторожно заглянул туда. Там были какие-то листья, засохшие цветы, корешки.

— Это чай? — спросил я.

— Нет, не чай, — заговорщически подмигнул мне Фасати. — Это лекарственные травы!.. Ты только посмотри. Мак! В нем много алкалоидов. Отлично успокаивает боль. А вот это цитварное семя. Изгоняет глисты, укрепляет нервы. Эти корешки восстанавливают силы, молодят. Вот так-то!

— Вы лечите людей? — спросил я миссионера.

— Нет, не я. Посылаю травы своему брату в Италию... А я врачую здесь души индусов...

Я не разбирался в лечебных травах, поэтому с большим уважением смотрел на миссионера. Даже захотел узнать, чем излечивают ревматизм. Мать постоянно жаловалась на боли в суставах. Может быть, здесь можно приобрести нужные снадобья для облегчения ее страданий. Я отправил бы тогда посылочку. Однако спросить не осмелился. Вероятно, это дорогая штука, ведь Фасати хранит травы в несгораемом ящике, следит за тем, чтобы чужие глаза их не видели. А возможно, их запрещают собирать и хранить? Кто знает? Здесь столько странностей.

4

Было воскресенье. Пока не наступила жара, Фасати собрался в церковь, чтобы провести богослужение. Облачившись в белую сутану из индийского шелка, расчесав черную с сильной проседью бороду, он надушил розовым маслом лоб, как это делают бенгальцы. Я пошел с ним.

Перед церковью не было никакого дворика, не росло ни одного дерева. Вид прямо-таки убогий. Бедность царила и внутри. Алтарь, эдакий продолговатый и низкий ящик, сбитый из досок, стоял посередине. Покрыт он был белой скатертью с бахромой. Рядом с алтарем - исповедальня.

Меня поразило, что помещение было разделено на множество отсеков. В них толпились женщины, задрапированные в красочные сари. В руках четки, у некоторых молитвенники. Были и мужчины в белых рубахах, перехваченных дхоти.

— Почему верующие собираются по разным отсекам? — спросил я Фасати в ризнице.

— Разве ты не знаешь, что индийцы разделены на касты?! — удивился он.

Странным и непонятным было для меня это приспособление христианства к кастовой системе. Я вспомнил, что в семинарии нам говорили об индуизме и кастах. Индуизм гласит, что миром правит тримурти: бог-создатель - Брахма, бог-хранитель - Вишну и бог-разрушитель - Шива. Человека, как и весь мир, сотворил Брахма. Однако людей разных каст он создавал из различных частей своего тела: брахманов -из своих губ, чтобы они могли стать жрецами и исполнять священные обряды; кшатриев-воинов — из своих рук; вайшьев — земледельцев, ремесленников, торговцев - из своих чресл; шудров — из своих ступней, дабы они могли всем прислуживать. Кем ты родился, тем ты и обязан оставаться до смерти, заслуживая своим поведением более высокое положение при следующем рождении. Вайшья, будучи добросовестным и трудолюбивым, может родиться вновь кшатрием; храбрый и дисциплинированный кшатрий в будущем перерождении может стать брахманом; если ты хороший брахман, то после своей смерти можешь воссоединиться с божественной оболочкой тримурти - атманом. Если же ты не достигнешь требуемой степени совершенства, то после своей смерти не только не поднимешься в высшую касту, но можешь перейти в более низкую, а то и вовсе воплотиться в животное.

— Выходит, и христиане, которые провозглашают равенство людей, должны тем не менее делить верующих на касты? Тогда

наша религия теряет свой смысл, — сказал я, обращаясь к Фасати.

— Если мы здесь не станем считаться с кастовой системой, никто, даже нищие, не перейдет в христианство. Зря бы только трудились, да и вообще пришлось бы отказаться от миссий, — ответил миссионер.

— Так кто же все-таки переходит в католическую веру?

— Только те, кого исключают из каст, и поэтому они обречены заново родиться уже животными. Иначе индуист не приемлет другой религии, хоть ты посули ему рай на земле.

— Интересно, а за что исключают из каст?

— Скажем, кто-нибудь нечаянно или из-за голода убьет животное. Такого тотчас же исключают.

— Ну а кого еще? — заинтересовался я.

— Тех, у кого была интимная связь с женщиной из другой касты, либо тех, кто не соблюдает ежедневного пуджа — жертвоприношения богам у домашнего алтаря. Или, скажем, не в состоянии содержать своего семейного жреца — пандита. Это главные проступки в отношении касты.

— А как исключают из каст?

— Обыкновенно: собирается в храме панчаят — совет касты. Приглашают обвиняемого и судят его. Поначалу, конечно, устанавливают наказание, но если он его не исполняет, то исключают. Такой исключенный из касты хуже прокаженного. Вот такие-то и приходят к нам, а мы совершаем над ними обряд крещения.

— Так зачем же тогда соблюдать принцип разделения на касты? — вновь удивился я. — Куда деваться исключенному из касты? Он все равно придет к католикам.

— Но ведь в Индии действуют не только католики, — усмехнулся Фасати. — Исключенных из каст заманивают мусульмане, протестанты, огнепоклонники и представители целого ряда других религиозных течений. Мы придерживаемся принципа разделения на касты, чтобы люди не чувствовали даже внешней разницы между католической и индуистской религиями. Мы достигнем большего, влияя на них постепенно.

— Скажите, Камиль, — допытывался я, — сейчас в костеле собрались верующие из какой касты?

— Только вайшьи. Сейчас начнется богослужение для них.

— Но почему они не держатся вместе?

— Видишь ли, каждая каста разделяется еще на отдельные группы, согласно исполняемым обязанностям. Вот собираются крестьяне: отдельно богатые и отдельно малоземельные. Ремесленники тоже разделяются на категории - ни один из них не

зайдет туда, куда ему не положено. А если бы такое и случилось, нарушителя порядка тут же выдворили бы вон. Пришлось бы и мне вмешаться.

После разъяснений миссионера и я стал различать, где кто собрался. В некоторых отсеках не было никого. Вообще верующих в церкви было мало.

Фасати одел кружевную белую комжу и накинул фиолетовую стулу. Он хотел было преклонить колени возле алтаря и помолиться, но только махнул рукой и пошел в исповедальню. Сев там на скамеечку, он исповедовал нескольких зажиточных крестьян. Потом перетащил легкую исповедальню к торговцам. И так по очереди, кочуя со своей исповедальней то к одним, то к другим, он выслушал исповеди всех верующих.

Потом он взял чашу со святыми дарами и, прочитав «Ecce Agnus Dei»[21], совершил обряд причащения. Начал его с богатых крестьян и так по очереди с верующими из каждой группы, соответственно их общественному положению, чтобы никого не обидеть. В проповеди миссионер подчеркнул, что душа человека бессмертна и не может воплотиться в других людей, а тем более — в животных; душа также никогда не воссоединится с божественной оболочкой, как учат Веды[22]. Если человек жил на земле согласно христианскому учению, душа его обретет вечную жизнь в царстве небесном; если он провинился перед богом и людьми и не покаялся, душа его попадет в чистилище; если же человек не соблюдал заповедей божьих, жил и умер во грехе, душа его попадет в ад, где будет вечно мучиться. Кто хочет достичь вечной жизни на небесах, тот, во-первых, должен жертвовать на церковь, помогать неимущим, заботиться о душах умерших и твердо верить в христианского бога.

По окончании богослужения торжественно заиграл орган. Я рассчитывал на то, что тотчас же освобожусь и смогу ознакомиться с городом, его окрестностями. Но пока органист играл, в другие отсеки костела стали собираться новые верующие. Они были почти голыми. Даже грудь у женщин не была прикрыта. Я не смел глядеть на них и даже рассердился: разве можно допускать в храм божий голых?

Я поспешил в ризницу к Фасати.

— В костеле собираются какие-то голые, — встревожен-но сказал я.

— Какие — голые? — не понял миссионер. — А, это скорее всего шудры.

— Не знаю, кто они. Приходят в храм раздетыми. Я не в силах даже смотреть на это зрелище. Как им не стыдно?!

Фасати пожал плечами. Он выглянул из ризницы, огляделся и

ответил:

— Это шудры! Видишь, сколько их собралось. Больше, чем вайшьев. Есть среди них и неприкасаемые, их еще называют хариджанами. Они вообще лишены каких-либо прав. Другие касты считают их «говорящими животными». Им нет места среди людей. Только мы принимаем их в храме. Индуистские святыни они обязаны обходить далеко стороной.

— Но ведь они голые! — повторял я возмущенно.

— А откуда им раздобыть одежду, если они даже не в состоянии заработать себе на пропитание и вечно голодают? Да и в церковь они приходят только потому, что я раздаю им иногда по горсточке риса. Тяжкая у них доля.

Я знал, что шудры не имеют права есть в присутствии брахманов, пить из колодцев людей зажиточных. Они обязаны всегда держаться в стороне от других каст, их дети не имеют права учиться, заниматься каким-либо ремеслом. Однако я и представить себе не мог, что шудры так бедны. Мне их стало очень жалко.

— В следующее воскресенье надо будет пригласить их вместе с вайшьями, — предложил я Фасати. — Это будет по-христиански, как учит святое евангелие.

— Я это пробовал, — признался миссионер, — да только ничего не вышло. И одни и другие разбежались. Брахманы пожаловались архиепископу, что я нарушаю закон каст. Если бы архиепископ не перевел меня из той миссии, где я это затеял, брахманы потребовали бы вовсе отстранить меня от миссионерской деятельности. Да и в этой церкви как только я впустил в нее шудров, хотя и после богослужения, вайшьи потребовали «очистить» храм раствором коровьего навоза. Правда, сейчас они уже попривыкли.

— Выходит, что евангелие подействовало на них?..

— Выходит, что да. Но разве так уж важно слово евангелия? !

— А что?..

— Главное — это уравнять шудров с другими кастами. Необходимо добиться того, чтобы и их дети могли учиться. Теперь же шудры считаются самыми что ни на есть ничтожными и темными людьми. Кроме того, они, дескать, все лентяи, лжецы, озлобленные и сварливые. Шудры — воплощение всего дурного. На самом же деле они всего лишь необразованные, отсталые и вечно преследуемые, словно бродячие собаки, люди. Участь их воистину ужасна.

Я подошел к алтарю, зажег свечи, поправил цветы. Но на этих голых людей все равно не смел глядеть.

Закончив богослужение для шудров, Фасати произнес

проповедь. Но содержание ее было совсем не христианским. Он наставлял шудров не мириться со своей участью, не уступать вайшьям, работодателям, требовать большего вознаграждения за работу, сокращения рабочего дня, добиваться того, чтобы хоть один ребенок в семье мог посещать школу миссии и обучаться грамоте.

Я не разобрался в замыслах миссионера Фасати, но его наставления мне импонировали. Более того, он растрогал меня, когда после богослужения стал раздавать женщинам, пришедшим в церковь с детьми, рис. Женщины, получившие несколько горсточек риса, становились перед миссионером на колени и целовали, словно у какого-то святого, край его рясы.

— Горсточка риса — это не заманивание в церковь, — пояснял он мне. Это только пример их угнетателям. Конечно, брахманам не нравится, что я раздаю рис. Они даже предупредили меня, чтобы я не подстрекал шудров. Но вообще-то запретить мне это делать они не могут, так как боятся возмущения неприкасаемых.

— Подаяние — это по-христиански, — поддержал я Фасати.

После второго богослужения мы вышли из церкви. К Фасати подошла красивая индуска в оранжевом сари. В носу у нее блестела золотая серьга, руки украшало несколько золотых браслетов, на пальцах сверкали кольца. Видимо, она принадлежала к высшей касте. С собою она привела совершенно голого, худенького мальчика лет десяти.

— Ночью его мать растерзал тигр, — сказала она на бенгальском языке. — Возьмите сироту в приют. Я из комитета благотворительности.

Фасати оглядел мальчика и спросил:

— А отец его где?

— Он погиб во время урагана.

— Так, может, родственники заберут мальчонку?

— Какие там родственники — шудры! Они сами голодают, а у вас он будет сыт, да и обучится грамоте...

— Принять примем. Но как же так — совсем без одежды? А вы не смогли бы что-нибудь дать? У нас в миссии сейчас ничего нет.

Индуска посмотрела на сироту с некоторым удивлением и вместе с тем презрительно:

— Он недостоин носить одежду. Ведь это шудр.

Фасати взял мальчика за руку, но тот вырвал ее и, плача, попытался убежать. Мы помчались вдогонку. Я догнал мальчика, взял на руки, и, крепко прижав к себе, понес в миссию.

«Вот таким же путем мог очутиться в салезианской

конгрегации и Сингх, — подумал я. — Зря он ушел из монастыря. Здесь, в миссии, вместе с нами он мог бы помочь здешним беднякам бороться против унижения и страшной нищеты».

Когда женщина ушла, Фасати вдруг спохватился:

— Мы ведь не спросили ее, в какой деревне объявился тигр-людоед, — и обратился ко мне: — Присмотри за мальчиком, а я отыщу женщину и расспрошу ее, где произошло несчастье. Мы отправимся туда и устроим облаву на хищника.

Пытаясь успокоить мальчонку, я достал привезенные из Италии конфеты и протянул их сироте. Тот удивленно посмотрел на конфеты, потом схватил их и запихал себе в рот. Прожевав конфеты, мальчик стал просительно смотреть на меня, не дам ли ему еще. Я обнял его и прижал к себе. Он сидел тихонько. Как мало нужно, чтобы подкупить голодного ребенка. Но все же во что одеть несчастного?

В это время в миссию пришла худая заплаканная женщина с лицом, изборожденным морщинами, одетая в тряпье.

На руках она держала маленького ребенка. Протянув его мне, она произнесла:

— Берите!

Думая, что и эта женщина принесла сироту, я протянул руки, чтобы принять у нее ребенка, но она отстранила меня.

— Сколько дадите? — сердито спросила она и утерла слезы. «Неужели хочет продать?» — растерялся я.

— Не купите — отдам зверям! — попыталась она взять меня на испуг и ждала, что же я предприму.

«Быть может, краденый? — пришло мне в голову. — Надо это выяснить».

— Обождите, сейчас придет старший, — я оглянулся, не видно ли Фасати. — Не знаю, имеем ли мы право покупать детей. А сколько вы хотите за него?

— Пятьдесят рупий, — проговорила женщина.

— А двадцати не хватит? — попытался я было торговаться.

— Мало, — она еще больше сморщила и без того морщинистое лицо. — Зачем же я его тогда растила? Сорок рупий. Младенец ведь здоровый! Берите... Очень вас прошу. Вся семья помирает с голоду.

— Не знаю, что и делать... Старшего-то нет. Женщина повернулась, чтобы уйти.

— Тридцать рупий! — крикнул я, хотя столько у меня не было.

Но тут пришел Фасати. Женщина его узнала, низко поклонилась, смахнула рукою пыль с его ботинок.

— Продает ребенка, — пояснил я. — Просит сорок рупий.

— Какого возраста?..

— Кажется, годовалый. Такой тощий, что даже оторопь берет.

— Мальчик или девочка?..

— Кажется, мальчик.

— Дай тридцать, — сказал Фасати. — Или нет. Пускай уносит, подрастет, тогда посмотрим. Авось не умрет...

— Грозится, что отдаст зверью. Говорит, что вся ее семья умирает с голоду.

— Вроде бы и жалко мальчонку. Дай, сколько просит, — подобрел миссионер. — Вот деньги.

— А если он ворованный?.. — засомневался я.

— Не беспокойся, у них и своих предостаточно. Родятся и родятся, как котята. Девочек даром отдают. Маленьких мы даже не берем. Такова доля хариджан...

Я взял у миссионера рупии. Женщина, увидев деньги, подскочила, выхватила их у меня из рук и, оставив нам ребенка, убежала. Я долго не мог прийти в себя после случившегося, чувствовал свое бессилие перед царящей здесь нищетой, страданиями, голодом.

«Неужели человек на земле приговорен к одним лишь страданиям?» — подумал я, но постарался побыстрее прогнать эту мысль, чтобы не прогневить господа, однако мне это не удалось. Мне казалось, что нищета отнимает у человека буквально все: и веру в жизнь, и веру в самих людей. Человек становится нищим и духовно, и умственно. Это ужасно! Купленного младенца я отнес в миссию и передал служанке Фасати. В небольшой комнатке уже находилось несколько детишек. Служанка присматривала за ними до тех пор, пока их не передавали в пансионат Шиллонгской миссии.

5

Фасати узнал от индуски, которая привела мальчика-сироту, что женщина, растерзанная тигром, уже сожжена и прах ее брошен в реку. Никто точно не мог указать место, где на нее напал тигр. Во время проповеди в церкви миссионер попросил, чтобы в будущем на месте, где тигр-людоед совершит нападение, не трогали тел убитых им людей. Только тогда можно будет отыскать хищника и расправиться с ним. Фасати поручил мне обучать взрослых индийцев, собирающихся перейти в католическую веру, катехизису. Это были люди из различных каст, которых за „тяжкие прегрешения" изгнали из общин.

Однажды, когда я обучал катехизису нескольких женщин, в церковь вошел молодой индиец. Он подошел ко мне и заявил, что принадлежит к касте шудров, батрачит у вайшьи и решил жениться на дочери хозяина. Шудры, которых приняли в католическую веру, сказали ему, что душа христиан не перевоплощается в людей других каст, что все души могут достичь нирваны и соединиться с богом.

Я поправил его, сказав, что души христиан не только не возрождаются в новом виде, но и не воссоединяются с богом, как он это себе представляет, а попадают в рай или в ад.

Я спросил его:

- Скажи, что тебе надо от миссионера? Он посмотрел на меня и неохотно ответил:

- Пурогит не венчает меня с дочерью хозяина, поэтому я и пришел к вам. Могу ли я перейти в католики?

- А почему пурогит не желает обвенчать вас? — поинтересовался я. — Может, ты в чем-то провинился? Не изгнали ли тебя из касты?

— Нет, не изгнали. Но я шудр, а моя невеста из касты вайшьев. Если я перейду в католики, вы обвенчаете нас?

— Но нужно будет учить катехизис, — подчеркнул я. — Затем принять крещение, исповедоваться, причаститься и все время посещать церковь. Точно так же должна будет поступить и твоя невеста. Вы согласны?

— А вы нас дома обвенчаете?..

— Нет, в церкви. Вы оба должны будете носить обручальные кольца, как символ семейной верности. Так принято у католиков.

— А если бы я один принял католическую веру?

— А невеста осталась бы индуисткой?

— Да!

— Нет, так нельзя. Это был бы недействительный брак.

Юноша призадумался. Я видел, как нелегко ему разобраться в столь сложных вещах, а еще тяжелее потерять любимую девушку, тем более что родители давали за девушкой участок земли в два акра вместе с постройками. Сейчас у того же хозяина он работал за горсть риса, а после женитьбы сам бы стал землевладельцем.

Так ничего определенного не сказав, он ушел. Видимо, хотел посоветоваться с родителями невесты, ее родственниками. Для индуса не сдержать слово - смертный грех, ведь в таком случае он возродится к новой жизни в низшей касте, а то и в обличье животного. А кто же хочет стать четвероногим?.. Никто!

На следующий день юноша не появился. А в воскресенье я увидел его в церкви с девушкой. Смуглолицая, красивая, она была одета в голубое сари. Я подумал о том, что любовь сокрушает даже кастовые преграды.

Тут в ризницу вошла старушка. Она низко поклонилась, затем воздела руки и сказала:

— Я честная женщина, добрая христианка, а ведь рядом со мною стоит шудр. Я не в силах молиться. Если вы его не прогоните, мы все уйдем из церкви.

Вот тебе и христианская любовь и равенство! Как теперь быть с юношей? Я хотел было пригласить его в миссию, но должен был читать проповедь. Поэтому, подойдя к алтарю и став рядом на колени со служившим обедню Фасати, я шепнул ему: „Продли чтение евангелия". А юношу вместе с девушкой я пригласил в ризницу. Там я вручил им катехизис на бенгальском языке и велел читать его до моего возвращения. Но юноша отодвинул книжечку:

— Я не умею читать. Шудров никто не учит грамоте. В нашей чери[23] даже староста неграмотный.

— Так, может быть, невеста почитает, - предложил я.

— Разве кто обучает женщин грамоте? — удивился он.

Я не знал, как быть. У алтаря меня уже дожидался Фасати. Если эта парочка вновь появится в церкви, верующие разойдутся. Как их тогда вернуть обратно? Если же выпроводить помолвленных, они больше никогда к нам не вернутся и мы лишимся новых прихожан. Волей-неволей пришлось прибегнуть ко лжи:

— Во время богослужения иноверцам нельзя находиться в храме, — объявил я молодым людям. — Кстати, такого же правила придерживаются и брахманы. Так что зайдите после окончания службы.

Постояв в нерешительности, молодые ушли из ризницы, а я поспешил к амвону. На ломаном бенгальском языке я начал проповедь. В своей проповеди я старался убедить прихожан в том,

что католический бог не признает каст, что он провозгласил равенство людей, братство и любовь между ними. Я видел, что многим эти слова пришлись не по душе.

Тем не менее паству надо было приблизить к христианству, к новой религии и новому богу. Ведь это основная цель миссионеров.

Молодые влюбленные долго не появлялись в миссии. Но вот однажды я вновь увидел их в церкви. Сосредоточенные, преисполненные внимания, они старались все понять. Если чего и недопонимали, тотчас же спрашивали, выясняли. Но сами отвечали неохотно, односложно и даже сердито. Казалось, их раздражает то, что они обязаны отвечать на мои вопросы.

В конце концов они приняли крещение, исповедовались и причастились. Приближался день их свадьбы, и я объяснил им, что согласно церковному обряду в храме должны присутствовать их родители, друзья и подруги, сваты и шаферы. Я наставлял, как невеста обязана провести последний вечер перед свадьбой, как должна проститься с родителями, — словом, познакомил их со всеми известными мне литовскими свадебными обрядами и традициями.

Жених и невеста согласились со всеми моими наставлениями и даже радовались, что свадьба будет такая интересная. Но вскоре в миссию пришли родители помолвленных, и тогда оказалось, что отец девушки со многим не желает согласиться и настаивает на том, чтобы во время свадьбы были совершены и индуистские обряды. Он начал со мной то ли спор, то ли торг.

— А вы знаете, что пурогит проклял нас. А гиманджунгский махант[24] подал на нас в суд за то, что мы разрешили окреститься нашим детям. Вы должны понять сложность нашего положения. Разрешите хотя бы соорудить дома пандал[25].

— Пандал, пожалуйста, да и свадебную процессию в деревне можете организовать, — сказал я им. — Но индуистских молитв я читать не стану.

— А вы будете участвовать в свадебном обряде? — спросил меня отец невесты.

— Если пригласите, — отвечал я с улыбкой. — Я ведь не являюсь духовником вашей семьи и сам приходить к вам не могу.

— Мы очень просим вас руководить нами и в храме и дома, — сказали родители, низко кланяясь.

— Но за исполнение обряда придется вам пожертвовать церкви какое-нибудь золотое украшение, — вмешался в наш разговор Фасати.

Я с удивлением посмотрел на него. Зачем это? Миссионерам, которые дали обет жить в бедности, запрещено принимать

подношения.

Родители помолвленных опустили головы.

— Не надо нам никаких драгоценностей, — вмешался я. — Миссионер Фасати пошутил.

Фасати виновато улыбнулся, но ничего не сказал. Не в его правилах, видимо, было отказываться от подарков. Это меня возмутило.

6

В назначенный день я отправился в деревню, чтобы помочь в приготовлениях к свадьбе. По дороге меня нагнала тонга, которой правил индус в одной лишь набедренной повязке. Рядом с ним сидел Фасати. Мужчина, возбужденно жестикулируя, рассказал, что в их деревне появился тигр, который ранил мальчика и растерзал его мать. Как просили во время проповеди, к телу погибшей никто не прикасался.

— Поезжай туда, — сказал Фасати, — а я отправлюсь к новобрачным.

Миссионер сошел, а я в тонге вернулся в миссию. Захватив с собою капканы и винтовку, я отправился к месту трагического происшествия.

Когда мы подъехали к рисовым полям, на которых работали женщины, они, завидев нас, прикрыли платками лица и отвернулись. Дети, игравшие возле хижин, вдруг исчезли в них. Мужчин на нолях не было, скорее всего они трудились на землях богатеев.

Мы остановились у глинобитной хибары, в которой лежал пострадавший мальчик. Проникнув внутрь через низенькие двери, я заметил под ворохом тряпья худого изможденного старика. От него исходил смрад гниющего тела. Комната была полна больших мух. С трудом разглядев лицо старика, я понял, что это прокаженный, и побоялся к нему приблизиться.

В другом углу дрожал бледный мальчонка, в широко раскрытых глазах которого затаился ужас. По его щекам катились слезы.

Я поманил мальчика пальцем, чтобы убедиться, в состоянии ли он подняться. Опершись обеими руками о земляной пол, он встал и приковылял ко мне, вопрошая взглядом, что я буду с ним делать. Отлегло от сердца — не придется осматривать парнишку рядом с прокаженным. Я тут же вывел пострадавшего на улицу и усадил на тонгу. Осторожно сняв с него лохмотья, я спиртом промыл раны, смыл кровь с тела. У мальчика были искусаны плечи и разодрана кожа на груди. Наложив повязки на раны, я велел отвезти его в миссию.

Выгрузив поклажу, я осмотрелся. Хибарка женщины, которую растерзал тигр, стояла на окраине деревни, совсем рядом были джунгли. Она, как и другие домишки, была глинобитной, с крошечными окошками и низенькой дверью. Почти ползком я проник вовнутрь. В луже спекшейся крови лежал труп женщины. В крыше дома зияло отверстие. По всей видимости, тигр проник в

хижину через крышу и бросился сначала на мальчика. Мать кинулась к ребенку, тогда хищник напал на женщину, а мальчик убежал.

Я вытащил тело женщины наружу и велел отвезти к старосте деревни, чтобы сжечь его, согласно местным обычаям. Затем положил на пол хижины кусок мяса, которым снабдил меня Фасати. Я захватил с собою капсулу цианистого калия. Осторожно высыпав ее содержимое на припасенное мясо, я выполз из хибарки.

Напротив двери хижины я установил капкан, прикрыв его ветками и травой. Другой капкан замаскировал у самого порога. Когда я готовил капканы, ко мне подошел высохший старик. Он уселся рядом, раскурил глиняную трубку и стал недоверчиво наблюдать за мной. Он долго всматривался в замаскированные капканы, потом поглядел на меня и то ли мне, то ли про себя сказал:

- Напрасно, совсем зря трудитесь, сааб[26].

- Почему? - спросил я с удивлением.

- Эх, господин, разве это звери нападают на людей? Нет! - продолжал старик хриплым голосом. - Это злые духи! А их не отравишь, пулями и капканами не возьмешь. Бесполезное это занятие.

- Какой же тут злой дух, это тигр-людоед, и с ним нужно покончить.

- Нет, господин, это злой дух, принявший образ тигра. Его нельзя поймать или убить.

Старик недолго сидел рядом со мною. Чуть только стало темнеть, он ушел в деревню. Зарядив винтовку, я забрался на решетчатый навес, находившийся рядом с хижиной, и там устроился. Мне стало страшновато одному под открытым небом. Хотел было собрать мужчин, но двери всех хижин были заперты, и в деревне еще до заката воцарилась настороженная тишина.

Я лежал и поглядывал то на хижину, то на ближайший кустарник. Успею ли нажать на курок? Такая охота была для меня внове, это тебе не стендовая стрельба.

Вдруг где-то поблизости раздался лай, рев, угрожающее рычание. Казалось, джунгли кишат хищным зверьем. Стало совсем страшно.

Однако, хотя и с трудом, мне удалось побороть приступ страха. Прислушиваясь к каждому шороху, я все время озирался, не спуская пальца с курка винтовки. А ночь такая длинная, время течет медленно, минуты тянутся словно вечность. Я стал нервничать, усталость брала свое, а тигр все не появлялся. Может, зря торчу здесь?..

Внезапно стало светлеть. Вот проступила опушка джунглей, стали видны деревья, взошло солнце. На сей раз мне не повезло.

Я собрал капканы, сложил все снаряжение в тонгу и вернулся в миссию. Меня, конечно, интересовало, как шла подготовка к свадьбе, но я так устал, так был измотан ночным бдением и страхом, что сразу же повалился на кровать и тут же уснул.

Проснулся я только после полудня. Фасати уже не было в миссии. Под окнами меня ждала тонга. И вновь я поехал к той же хижине подстерегать тигра-людоеда. Говорят, что он обычно возвращается к оставленной жертве. Он должен прийти. Непременно!

Я опять расставил капканы, отправился в деревню и привел с собою старосту. Это был небольшого роста щуплый индус. Он отнекивался, всячески изворачивался, явно труся, но все же согласился пойти со мной. Я и сам тревожно озирался по сторонам, боясь, как бы нас хищник не застал врасплох.

И вот, лишь только все вокруг затихло, из джунглей вышел тигр. Зверь с беспокойством оглянулся. Я не успел и прицелиться, как он одним прыжком вскочил на крышу хижины и через отверстие в ней проник внутрь дома. Вскоре послышались урчание и хруст костей. Видимо, зверь изрядно проголодался.

Я было решил тоже забраться на крышу хижины и через дыру в ней застрелить тигра. Но не успел и пошевелиться, как появился второй тигр. Староста в страхе прижался ко мне. Я медлил, не зная, что делать.

Тигр на миг замер, прижавшись к земле. Потом напрягся и сделал огромный прыжок в сторону хижины. Но тут .сработал капкан, и раздался яростный рев. Находившийся в хижине тигр мигом перемахнул через мечущегося в тисках капкана хищника. Я прицелился, спустил курок, но второпях не попал ни в одного зверя. После второго выстрела тигр, угодивший в капкан, упал и затих.

Тогда мы не спеша слезли с навеса и извлекли из капкана мертвого зверя. Созвав мужчин и взвалив тело тигра на бамбуковые жерди, мы отнесли его к старосте. Договорились, что на следующую ночь устроим засаду на сбежавшего хищника. Я прилег на циновках в хибаре старосты, чтобы отдохнуть. Но уснуть не мог — по мне беспрерывно ползали какие-то насекомые. Я долго ворочался с боку на бок, но сон так и не приходил. Наконец я встал, с помощью старосты снял шкуру с тигра, а тушу мы закопали.

Возвратившись в миссию, я натянул тигровую шкуру на деревянную раму и стал собираться на свадьбу. Облачился в недавно пошитую белую рясу, обул новые сандалии и надел

широкополую шляпу. Вскоре показалось несколько повозок, запряженных буйволами. В первой сидела невеста. Она была в белом платье, голову украшала вуаль. Жених был наряжен в белую рубаху, подпоясанную полотняной дхоти. С ним ехали его дружки. В других повозках сидели остальные гости. Позади повозок, оглашая воздух криками и свистом, следовала толпа любопытных.

У церкви новобрачных встретил пономарь. Он ввел жениха и невесту в храм. Любопытные ввалились вслед за ними, не соблюдая кастовых запретов.

Я встал на колени перед алтарем и запел:

— Veni creator spiritus[27].

Заиграл орган. Храм наполнился звуками торжественной музыки.

При обмене кольцами миссионер спросил жениха:

— По своей ли воле избрал ты в жены Индру? Тот не смекнул, что ответить, и я ему подсказал:

— Говори, по своей, по своей воле! Наконец он произнес нужные слова.

— Будешь ли ты любить жену всю свою жизнь? — продолжал спрашивать Фасати.

Жених вновь растерялся. Невеста сообразила быстрее его и прошептала «да».

Миссионер в знак нерушимости семейных уз связал руки новобрачных, а я окропил молодых святой водой и дал поцеловать крест.

Когда присутствующие стали выходить из церкви, органист заиграл марш. Орган звучал до тех пор, пока все не уселись в повозки. Мы с Фасати сели в свою тонгу и отправились им вслед.

Уже издали была видна арка из пальмовых ветвей, сооруженная на дороге. За ней, как я и предполагал, стоял стол, украшенный цветами.

Свадебный кортеж встретили у арки празднично одетые старики. Вокруг толпилось много народу.

Повозки остановились, новобрачный и его шаферы подошли к столу. Один из них спросил:

— Не здесь ли кончается дорога?..

— Нет, дорога отсюда только начинается, — ответил один из стариков. — И она отмечена счастьем. Чтобы проехать по ней, нужно внести плату.

— Киджяй! Киджяй![28] —послышались возгласы одобрения.

Шаферы, посоветовавшись с новобрачным, поставили на стол несколько бутылок сомы. Дружки жениха разбросали среди собравшихся конфеты. Тогда старики убрали стол, и повозки

помчались дальше. Дорога была усыпана красными цветами и пальмовыми ветками.

Возле дома новобрачной, во дворе, мы увидели искусно разукрашенный пандал молодоженов. Здесь собрались родственники и близкие молодой четы. Когда повозка с молодыми приблизилась, загремели барабаны, нежно запели флейты, им подыгрывали цимбалы. Но вот молодая чета сошла с повозки, гости склонились до земли, затем стали поздравлять молодых, мазать им лоб священным маслом. Когда же молодые сели на пандал, один из шаферов зажег заранее сложенный костер. Тогда молодой супруг встал и запел священную песнь Бхагавадгиты, посвященную огню:

Я - жертва, я - жертвоприношение,
я - подаяние духам предков.
Я - корень, я - мантра,
я - чистое масло, я - высокое пламя.
Я - дорога, я - супруг, я - повелитель,
я - свидетель, покрывало, товарищ, бытие.
Я - появление, исчезновение, опора, сокровище,
а также вечное семя.

Новобрачная в это время бросала в огонь веточки баньяна, рис, различные плоды и цветы. Закончив свой гимн, супруг взял молодую жену за руку и трижды обвел вокруг костра. Матери молодоженов принесли им на банановых листьях рис, финики и пригласили всех угощаться. Начался свадебный пир.

В это время к дому новобрачных приблизился верхом на буйволе староста деревни, с которым мы охотились на тигра. Он вез что-то перекинутое через спину буйвола. Увидев застолье, он стал кричать:

— Тигр! Тигр!

Веселившиеся и шутившие люди притихли. Я был в растерянности. Откуда в полдень мог появиться хищник? Но, присмотревшись получше к подъезжавшему, я понял, что поперек буйвола перекинут мертвый тигр.

— Этого людоеда отравил миссионер Заука, — пустился в объяснения староста. — Не бойтесь, тигр мертв. Мы его нашли в поле.

Староста соскочил с буйвола. Мужчины стащили с буйвола и положили на землю громадного зверя. Гости стояли потрясенные, боясь шевельнуться. Отец невесты принес мне на глиняной тарелке горсть рупий, орехи, фрукты. Его примеру последовали другие, делая все новые подношения.

— Что все это значит? — спросил я у стоявшего рядом Фасати.

— Так они чествуют того, кто убьет тигра-людоеда, — пояснил миссионер. — Такому человеку поклоняются как богу. И свадьба, и успешная охота на тигров — это наша двойная удача.

Когда мы вернулись в миссию, Фасати показал мне сверкающий камешек.

— Топаз! Самый дорогой камень из тех, которые мне доводилось получить.

— Откуда?.. — удивился я.

— За то, что я связал молодых, — усмехнулся он и сжал в руке драгоценный камень.

7

Весть о двух убитых тиграх быстро распространилась. К дому нашей миссии стали стекаться люди, прося показать им шкуры хищников. Я вынес шкуры во двор и повесил на стене дома миссии. Более смелые подходили, чтобы пощупать шкуры, убедиться, что они настоящие. Кое-кто, воздев руки к небу, читал молитвы. Меня благодарили за избавление от страха перед хищниками.

В миссию пришел брахман из храма Шивы. Он низко поклонился и стал нам разъяснять, что индуистская религия самая благородная и самая святая. Исповедующие ее весьма явственно ощущают божество в каждом растении, в каждом животном, в каждом из людей. Индуист не позволит себе даже травинку примять или сорвать без нужды цветок, ибо их вера — это гимн богам.

Мы понимали, что брахман пришел вовсе не для того, чтобы расхваливать свою религию. Его речь была лишь вступлением, а потому я спросил:

— Чем можем быть полезны?

Брахман осуждающе посмотрел на меня, затем на Фасати и, сосредоточенно помолчав, сказал:

— Я пришел пригласить вас на праздник упанаяны[29] сына маханта храма Шивы Ахтара Магджуры. Милости просим.

— Спасибо за приглашение. Мы обязательно придем, — ответил Фасати и низко поклонился, показывая тем самым, что разговор окончен.

Когда брахман с поклоном удалился, Фасати сказал мне:

— Сколько я здесь миссионерствую, ни разу не удостоился приглашения к ним на праздник. Наоборот, меня всячески избегали. А сейчас вот приглашают участвовать в упанаяне! Вот что значит прикончить тигра!

— Спасибо за похвалу, но я ее не заслужил, — поблагодарил я миссионера. — Давай лучше подумаем, что мы понесем в подарок сыну маханта.

— Тут и раздумывать нечего, — отмахнулся Фасати, — подарим ему амбру. Брахманы очень любят благовония, к тому же это будет и символично. Вручим ее юному брахману, которому только что предоставлены права священнослужителя.

— А может быть, что-нибудь пооригинальнее? — предложил я.

— А именно? — поинтересовался Фасати.

— Может, подарим ему шкуру тигра?

— Тигра? Стоит ли? Индуизм запрещает убивать зверей.

— Но ведь если мы подарим сыну маханта шкуру тигра, то, значит, к нему перейдет часть божественной силы, которой, как считают индусы, обладает тигр.

— А что? Неплохо придумано, — обрадовался Фасати. — Интересно, как они оценят подарок?

Мы отдали скорняку-мусульманину шкуру на выделку. В день праздника мы отправились в храм Шивы. У его дверей, украшенных гирляндами цветов, нас встретил сам махант Ахтар Магджура. Он приветствовал нас, прижав ладони ко лбу и низко поклонившись.

Махант провел нас на середину храма, где стояла большая бронзовая статуя коровы. У ее ног лежали круглые циновки, на которые он пригласил нас присесть, а сам ушел. Мы стали разглядывать храм. Наше внимание привлекла стоящая у дальней стены громадная бронзовая скульптура Шивы. Шива грациозно развел свои четыре руки, а сам словно оцепенел в танце. На его лбу, на месте третьего глаза, сверкал драгоценный камень. Талию обвивали три змеи, из раскрытых пастей которых высовывались раздвоенные языки.

Я долго всматривался в Шиву. Он олицетворяет вечную схватку между жизнью и смертью. Поэтому в нем как бы воплощаются несколько богов. Он и свирепый, грозный Рудр, и не знающая пощады Кали, но вместе с тем и милосердный Шанкар, и защитник всех людей Пашупа.

У подножия скульптуры был сооружен пандал, оплетенный цветами. Это — место для совершения обрядов. Держа в руках сосуды со священным маслом, у пандала собрались брахманы, пурогиты, гуру. Зазвенели колокольчики, и появился Ахтар Магджура со своим пятилетним сыном. Мальчика усадили на циновку у пандала. Он, словно кого-то благословляя, протянул руки. К нему подошел брахман и подрезал ножницами ногти на руках и на ногах, а волосы на голове остриг машинкой, оставив лишь небольшой пучок на макушке. Брахманы умастили свои лбы священным маслом, пропели в честь Шивы гимн: «Ты танцуй, танцуй, свирепый Шива». Затем мальчика вывели во двор храма. Мы также вышли. Сверкала на солнце вода в прудах. Вокруг росли высокие веерные пальмы. В их кронах резвились маленькие обезьяны. Одна из обезьянок прыгнула мальчику на плечо и дружески погладила пучок волос на его макушке.

Раздался звон колоколов, и брахманы стали читать очистительные мантры. Пурогит семьи маханта разделся сам и, раздев мальчика, вошел с ним в пруд, дабы совершить обряд очищения.

Затем мы вернулись в храм. Священнослужители уселись на циновках напротив статуи Шивы и зажгли сандаловые палочки. Аромат распространился по всему храму. Пу-рогит, взяв с золотого подноса веревочку, сплетенную из трех ниток и обозначающую тримурти, запел гимн. Его пение сопровождалось приглушенным гулом барабанов и звоном цимбал. Пурогит опоясал веревочкой талию мальчика. С этого момента он стал брахмачарием — учеником, двенадцать лет он будет изучать Веды — священные книги индуизма. Затем пурогит окурил мальчика ароматной амброй и увел за ширму, где его ожидал отец Ахтар Магджура. Теперь наступила очередь наставлений отца. Из-за ширмы время от времени до нас доносился звонкий детский голосок:

— Я буду исполнять все твои указания, отец.

Мальчик вернулся к пандалу. Священнослужители стали складывать у его ног подарки. Мы с Фасати расстелили перед ним тигровую шкуру. Мальчик вручил нам статуэтку танцующего Шивы из слоновой кости — знак того, что наш подарок высоко оценили.

После окончания обряда упанаяны пурогит семьи маханта пригласил всех на трапезу в другой храм. Священнослужители и мы, как и подобает духовным лицам, медленно, в молчании двинулись по пальмовой аллее, ведущей к храму. У его дверей нас встретили храмовые служительницы, одетые в белые сари. Они посвятили себя тримурти. Это либо вдовы, либо те, кто не могут рожать. Женщины надели каждому из нас на шею гирлянду цветов и проводили внутрь храма.

В одной из ниш на ковре были приготовлены угощения. На громадных серебряных подносах возвышались горы традиционной индийской жевательной массы из ароматного сандалового крема и растертых листьев бетеля с сушеными орехами. В хрустальных вазах красовались оранжевые апельсины, огромные плоды манго, ароматные финики и гроздья бананов.

Напротив нас была статуя Шивы, сидящего в позе лотоса. Угрюмое, задумчивое лицо, губы сжаты, на шее ожерелье из черепов. Могучий бог размышляет о быстротекущем времени, о смерти.

Молча и сосредоточенно сидели мы некоторое время. Между тем женщины разложили на банановых листьях нейведию[30], налили каждому по большому хрустальному бокалу хмельной сомы и пригласили угощаться.

Я присмотрелся к обслуживавшей меня женщине. В носу у нее поблескивало золотое кольцо, кольца сверкали также на пальцах рук. Ее волосы были гладко причесаны на пробор.

Женщина была на редкость красива.

Когда мы поели, женщины принесли глиняные трубки с длинными чубуками. Трубки были набиты гашишем, который брахманы очень любят. Я сделал несколько затяжек, выпустил дым и впал в какое-то блаженное состояние. На Фасати гашиш подействовал по-другому. Он со злостью стал выговаривать брахманам:

— Напрасно вы вините нас в том, что хариджане переходят в христианство. Вы же сами толкаете их на это.

— Как это мы?.. — удивленно воскликнул махант Магджура.

— Вы не заботитесь о бедных! Подумайте сами: харид жанин, повстречав брахмана, обязан обойти его за несколько шагов, а брахман боится даже глаза поднять на этого несчастного.

— В чем же здесь наша вина? — не согласился Магджура. — Такова уж карма у хариджан, такими их создал Шива.

Теперь уж я не выдержал и резко сказал Магджуре:

— Но ведь и Махатма Ганди требует равенства каст. Магджура ничего не ответил. Брахманы выпили еще по одному бокалу сомы и выкурили по трубке гашиша.

— Махатма Ганди сплачивает индусов против англичан, — вновь заговорил Магджура. — Ганди призывает организовывать демонстрации, забастовки, чтобы такими ненасильственными действиями добиться независимости. Это соответствует сокровеннейшим желаниям каждого индуса.

— Правильно, - согласился я. — Но вместе с национальным освобождением он требует уничтожения института неприкасаемых.

Заметив, что наш спор обостряется, женщины попросили музыкантов сыграть танец падам. И начали танцевать. Они ходили на цыпочках, грациозно двигали поднятыми руками, головой. Все восхищались танцовщицами. Некоторые брахманы стали в круг танцующих. Женщины пригласили и нас танцевать, мы не осмелились отказаться. Я танцевать не умел, однако старался подражать движениям других. Но куда там... Узнав от Фасати, что я родом из Литвы, женщины попросили меня станцевать литовский народный танец. Я вспомнил только танец «Хочу спать», который знал с детства. Попробовал. Все стали кричать: «Ки джай!» Фасати же танцевать отказался, сославшись на то, что в монастыре танцам не обучали. Я обратил внимание, что некоторые брахманы стали уходить вместе с женщинами. Мы с Фасати тоже собрались было уходить, но брахманы не хотели нас отпускать, и пурогит предложил:

— Взгляните на любую женщину, которая вам нравится, и она придет к вам.

— Нам запрещено такого рода общение с женщинами.

— Как?.. Вам запрещено величайшее наслаждение?.. Боги и то от этого не отказываются, - пурогит был потрясен. — Вам же приходится хуже, чем аскетам.

-—Это так... Верно сказано, — согласился Фасати. — Останусь. Живешь ведь только раз.

Пожав плечами, я ушел. Давно стал я замечать странности Фасати. То обедню укоротит, то другие обряды, а то и молитвы, копит драгоценности, не прочь выпить. А теперь вот остался с брахманами. Разве так должен вести себя католический миссионер? Где же его обет самопожертвования, любовь к богу? Возмутительно!

8

Мальчика, раненного тигром, я не отправил в детский приют в Шиллонге, а оставил у нас в миссии. Звали его Лалус Чаухан. В нашем городке врача не было, поэтому я сам лечил мальчика. Рана на его руке никак не заживала, начала гноиться. Я решил самостоятельно сделать операцию. Протер скальпель спиртом и хотел уже было вскрыть гнойник, но мальчик стал плакать, не позволяя мне прикоснуться к нему. Пришлось позвать Фасати.

Когда миссионер пришел и взял ласково руку мальчика, тот сразу успокоился. Я осторожно вскрыл нарыв. Лалус только вскрикнул и побледнел.

— Потерпи, — упрашивал я его. — Будь мужчиной.

Я быстро перевязал ему руку и хотел уложить в постель, но мальчик стал просить, чтобы я дал ему грифельную доску и показал, как писать новую для него букву «R».

Когда я собрался на урок в школу при миссии, где обучал детей, Лалус увязался со мною. Желание учиться у него было сильнее боли.

Я велел пономарю вынести грифельную доску во двор и поставить под олеандром, где тихо сидело несколько мальчуганов. Я удивился, почему они не шумят, как обычно. Но едва подошел к доске, как кто-то сзади крепко обхватил меня за плечи. Вздрогнув, я обернулся - это был профессор Юозас Густас.

— Каким ветром? — спросил я радостно по-литовски, и даже дрожь пробежала по телу — так отвык от родного языка.

— Вот, прибыл поздравить тебя, как обладателя божественной силы, которая победила тигров, а заодно посмотреть, как работаешь, — ответил он улыбаясь. — К тому же у меня есть к тебе предложение.

— Предложение? — переспросил я с удивлением. — Опять на тигров охотиться?

— Не угадал, на сей раз речь идет о продолжении твоей учебы. Работая в миссии, ты можешь окончить теолого-философский институт. Ведь ты дьякон. Не нужно будет и в Италию возвращаться. Надо воспользоваться случаем.

— Неужели это возможно?

— Все возможно, было бы желание. Хоть сегодня можешь сдавать догматику. Профессор перед тобою. После посвящения в сан ты сможешь преподавать в нашем институте физкультуру. Охотник за тиграми! Это тебе не шутки! Мы должны поддерживать друг друга. Мы ведь здесь как братья.

— Спасибо за заботу, — поблагодарил я.

— Трудись, и бог поможет тебе...

Мне захотелось развлечь Густаса, и я подозвал одного из мальчиков, рядом с которым стояла корзинка:

— Подойди! Покажи, что сегодня у тебя есть. Он взял корзинку и подошел к нам.

— Так что там у тебя?.. Попугай?

— Да нет, кобра.

— Кобра?..

— Могу показать, - сказал мальчик, глядя на нас своими добрыми глазами. - Можно?..

Он достал тростниковую дудочку и приложил ее к губам. Поплыла удивительно нежная мелодия. Из корзинки появилась голова очковой змеи. Она раздула шею и огляделась, словно выбирая жертву.

Мальчик продолжал играть. Кобра поворачивала свою страшную голову. Дудочка умолкла, и кобра, еще раз оглядев нас, медленно опустилась на дно корзинки. Мальчик улыбался и ждал похвалы. Я погладил его растрепанные волосы.

— Будешь факиром, — похвалил я парнишку.

— Его отец факир, — уточнил кто-то из учеников.

— Неси кобру домой, — велел я ему.

— А если он по дороге упустит ее? — вмешался профессор. — Может быть, я его все же провожу. Представится случай и факира повидать.

— Тогда и я с вами. Заодно познакомлюсь с родителями мальчика, — сказал я и посмотрел на Чаухана. - Лалус, ты научишь своих друзей писать букву «N», а заодно вместе повторите прошлые уроки.

Чаухан подошел к доске, начертил линию и стал писать буквы.

А мы втроем отправились в городок. Миновали несколько лавок, храм Шивы, мусульманскую мечеть. У одного домишки мы увидели группу сидящих детей и мужчин. Когда мы подошли, темнокожий индус указал на меня пальцем и сказал:

— Это гуру моего сына, — потом обратился к нам. — Позвольте вам показать, что я умею.

Мы с профессором присели рядом с индусами на землю.

— Вот лестница! — произнес факир уверенным голосом.

Он быстро отвязал висящую у пояса веревочную лестницу, подбросил ее вверх, и она повисла в воздухе. Факир посмотрел на сына и приказал ему:

— Полезай наверх!

Мальчик ухватился за висящую в воздухе лестницу и быстро взобрался по ней. Внезапно он исчез.

— Где ты, непослушный? — стал кричать факир. — Слезай вниз.

Мы были поражены, увидев мальчика на другой стороне улицы, и не понимали, как он там очутился. Лицо отца выражало гнев. Он выхватил из-за пояса кирпан — индийский кривой меч — и одним махом отсек мальчику голову. Мы оцепенели и смотрели друг на друга, ничего не понимая. А факир как ни в чем не бывало начал обходить зрителей с жестянкой и просить:

— Бакшиш!

Когда он подошел ко мне, я не выдержал:

— Что ты сделал с сыном? Факир вдруг исчез.

Оглянувшись, мы увидели их обоих, отца и сына, в обнимку приближающихся к нам. Подойдя, отец вновь протянул свою жестянку:

— Бакшиш!

Я бросил три рупии в протянутую жестянку. Факир достал откуда-то стакан и, улыбаясь, начал его грызть. На наших глазах он со смаком съел его. Потом факир обратился ко мне:

— Пришли Чаухана, я его обучу своему ремеслу. Это гораздо легче, чем убивать хищников.

Я ничего не ответил, только подумал, что Чаухана и впрямь следовало бы обучить какому-нибудь ремеслу. Способный мальчик. Может быть, устроить его к маханту Магджуру в класс рисования? Но ведь тот не примет шудра.

На обратном пути в миссию я спросил сына факира:

— Почему ты пришел учиться в католическую школу?

— Вы учите даром, а в других нужно платить за учебу, ответил он не раздумывая.

— А зачем тебе нужна учеба?

— Хочу поступить в цирк. А туда неграмотных не принимают.

— В цирк? — удивился я. — Отец тебя обучит своим фокусам, и ты легко проживешь.

— Фокусы отца надоели. Я хочу выступать в красивом цирке. И поэтому я должен учиться.

В миссии Чаухан усердно обучал мальчишек.

9

Перед отъездом профессор Густас поинтересовался у меня мировоззрением Фасати. Насколько глубока и искренна его вера? Я не знал, что ему ответить, но с того времени стал внимательнее наблюдать за Фасати. Однажды, выслушав исповедь, он взял облатки и пошел к алтарю. Затем стал причащать верующих. Когда Фасати вернулся в ризницу, я осторожно, чтобы не обидеть, спросил его:

— Ты не забыл освятить облатки?

— Какая разница, освящены они или нет, — пожал он плечами. — Все равно верующие восприняли облатки как тело Христово. Главное — это верить. Неверующим и освященные облатки не помогут.

— А ты веришь в то, что делаешь? — спросил я.

Не ожидавший такого вопроса Фасати слегка смутился, растерянно улыбнулся и сказал:

— С помощью религии я стараюсь поднять достоинство людей. Разве этого мало? — Он посмотрел на меня так, словно желал прочесть мои мысли. - А духовные иллюзии, которые распространяем мы — католики, индуисты или буддисты, — одни и те же. Только облечены они в разные формы, но предназначены для обмана людей.

— Если ты не веришь в бога, зачем в таком случае миссионерствуешь? — возмутился я. — Это ведь лицемерие. Или ты извлекаешь из этого какую-то выгоду?

Фасати не успел мне ответить, так как в ризницу зашли два индуса, споря между собою. Это были отцы наших недавних новобрачных. Невозможно было понять, чего они хотят. Показывая пальцем на своего свата, отец девушки начал объяснять:

— Во время сватовства об этом договоренности не было, а он вломился в мой дом и живет там. Разве есть такое право?

— Как же я не имею права, сват? — наступал отец юноши. — Мой сын теперь хозяин твоего дома. Он обещал в старости ухаживать за мной. Теперь у всех нас права на этот дом, и ты меня не выгонишь...

— Законы Ману[31] говорят, что когда человека убелит седина и он дождется внуков, то обязан порвать все земные связи. А ведь у твоего старшего сына уже есть дети, — не сдавался первый. — Отправляйся в джунгли.

— Не спорьте, — пробовал утихомирить их Фасати.

— А он разве пойдет в лес, когда дождется внуков? — не

хотел остаться в долгу второй. — Все хотят жить!

— Ты хочешь воспользоваться положением своего сына, нечистая твоя душа, — вскочил отец девушки.

— Идите во двор, разберитесь между собой, тогда поговорим, — махнул рукой Фасати. - Я не обязан вас выслушивать, тем более что вы не католики.

Теперь оба напали на Фасати.

— Вы связали наших детей, вот теперь и судите! — сказал отец девушки. — Как же иначе? Пожалуйста, сааб, возьмите, это очень красивый сапфир. Его нашел в горах мой прадедушка. Только Прошу вас честно решить наш спор.

— Конечно, меня вы обделите, ведь мне нечего вам дать, — вмешался второй.

— Разве не хватает в вашем доме места для всех? — спросил Фасати.

— Наш дом не маленький, — отвечал отец девушки.

— Так чего же еще вам нужно?

— Вот он злится, что я не ем панчагавии[32], — вмешался отец юноши. — А как я буду есть панчагавию, если отец невестки ест панчамарит[33]?

— Так почему же вы по-разному питаетесь? — поинтересовался Фасати.

— Так постановил панчаят.Таково наше духовное очищение.

— А почему вас судил панчаят?

— Почему?.. - Они вытаращили глаза, поражаясь непонятливости Фасати. - Потому, что наши дети приняли католическую веру.

— Так почему же вас панчаят по-разному наказал? Мужчины переглянулись.

— Так ведь он же вайшья, а я - шудр, - пояснил отец молодого супруга. - Мы ведь из разных каст.

— Переходите в нашу веру, мы снимем с вас наказания, и вам не придется спорить, — предложил Фасати. — Мы не признаем каст и индуистских панчаятов. Мы, как и Ганди, провозглашаем равенство людей. Не нужны будут и драгоценности. Иначе одним сапфиром не отделаетесь.

— Я бы перешел, да вот он не хочет...

— Почему же он не согласен?

— Он мечтает возродиться кшатрием. А я никогда не дождусь такой мокши. Я ведь шудр. Зачем мне такая религия?

Миссионер над чем-то долго раздумывал, а затем спросил:

— А если махант Магджура снимет с вас наказание, вы не будете ссориться?!

— Нет! - они оба вскочили.

— Послушайте наше богослужение, — сказал Фасати. — Вот закончу службу и отправлюсь в храм к маханту. Может, что-нибудь и удастся сделать.

Усадив отцов наших молодоженов возле ризницы, Фасати ушел служить обедню. После чтения евангелия, когда миссионер отдыхал, сидя на стуле, я взошел на амвон и произнес проповедь, в которой мирил обоих отцов. Я говорил о любви к ближнему, о дружной совместной жизни, о взаимном уважении и вечной жизни после смерти в царстве небесном. Во время проповеди отец юноши неоднократно подталкивал локтем своего свата и показывал на меня. Я был убежден, что проповедь подействует на них.

После богослужения, проводив верующих из церкви, мы с Фасати решили отправиться в храм индуистов. Но идти нам не пришлось. Пономарь сообщил, что в миссию прибыл махант Магджура. Это нас удивило и обрадовало. Может, начнется наконец взаимное общение.

Мы застали Магджуру сидящим на циновках и уселись рядом с ним.

— Я пришел по делу сына, - начал махант.

— Чем мы можем помочь? — спросил Фасати.

— Это - личное дело. Может, вам неудобно?

— Пожалуйста, не стесняйтесь!

— Так вот, гуру нашей семьи недостаточно хорошо учит сына английскому языку. А сын ведь уже посвящен.

Фасати взглянул на меня. Ведь из нас двоих только я хорошо знал английский. Я, тут же сообразив, что к чему, попросил Магджуру:

— А вы в свою очередь не приняли бы воспитанника миссии в свою школу для обучения рисованию? Только этот мальчик из касты шудров, может быть даже хариджанин. Вы могли бы учить его частным образом, так же как и я вашего сына?

— Я буду обучать его как вашего воспитанника, а не как шудра. Вы согласны с этим?

— Но вот еще одно дело, — вмешался Фасати. — Только не личное, а общественное.

Магджура ничего не ответил, словно не к нему были обращены слова миссионера. Однако Фасати не обратил на это внимания и начал разговор издалека:

— Во время упанаяны вашего сына вы говорили, что ни в мире богов, ни на земле нельзя заслужить большего сокровища, чем сердечная доброта. Ссылаясь на это мудрое изречение, я, как католический миссионер, прошу вас снять с родителей, чьих детей мы недавно обвенчали, наказание, наложенное панчаятом.

Теперь эти семьи связывают обе наши религии — индуизм и христианство.

Магджура приподнял голову, с укором посмотрел на миссионера и ответил:

— Великодушный от рождения даже в трудные минуты всегда остается великодушным. Но я бессилен перед святым панчаятом, хотя и являюсь его председателем. Будьте терпеливы, ждите нового решения.

Фасати благочестиво склонил голову и обратился ко мне:

— Может быть, нальем по рюмочке французского коньяка, испробуем божьей благодати?

Махант не стал отнекиваться. Выпил одну, потом вторую рюмку. Он стал нас расспрашивать, много ли в мире католических миссий. Сожалел, что индуизм невозможно распространять в других странах. Он тоже стал бы миссионером. А так он вынужден довольствоваться своей страной.

Вскоре после того как Магджура покинул нас, в миссию пришел брахман и сказал:

— Всемогущий Шива снимает наказание, наложенное панчаятом.

Лишь теперь мы вспомнили, что оставили сватов в ризнице, где они все еще продолжали спорить. Когда же они узнали, что с них снимается покаяние, наложенное панчаятом, то очень удивились, а потом бросились друг другу в объятия и радовались как дети.

— Живите всегда в согласии, — пожелал им на прощание Фасати.

Когда сваты покинули церковь, миссионер улыбнулся и сказал:

— Моя самая сокровенная цель — служить людям. Может быть, ты скажешь, что я плохой миссионер?

Я ничего не ответил, но так и не понял, верующий он или нет.

10

Приближался праздник троицы. После окончания уроков ученики отправились в джунгли за ветками цветущих деревьев. Мы сплели гирлянды, поставили ветки и цветы в сосуды с водой.

Лалус, которого я тоже послал в лес, что-то долго не возвращался. Когда же я его наконец увидел, лицо его было встревоженно. Он вернулся без веток.

— Неужели встретил зверя?.. — спросил я с испугом.

— Нет, не встретил. Но в городе орудуют грабители. Какой-то мусульманин просил передать, чтобы вы их спасали. Поэтому я и вернулся.

— Что там происходит?

— Бьют окна в лавках, грабят людей.

— Грабители? Не может быть!

Лалус пожал плечами. Откуда ему знать! Но тут в церковь вбежал мужчина с окровавленным лицом.

— О Аллах! — он низко поклонился мне. — Священную корову индуистов растерзал леопард, а обвинили в этом нас. Спасите!

— Кого вас?

— Мусульман!.. Помогите нам.

Посоветоваться было не с кем - Фасати уехал в Шиллонг. Но при виде раненого я не мог оставаться равнодушным. Велев ученикам продолжать плести венки, я тут же отправился в городок. Уже издали было видно, как какие-то люди бросают камни в окна лавок и жилых домов. Слышались крики, брань и вопли.

Я направился к маханту Магджуре, чтобы просить его воспрепятствовать погрому мусульман. Увидев маханта, гуляющего с женщинами у пруда возле храма, я подошел к священнослужителю:

— Сааб, остановите погром, — попросил я. — Священную корову растерзали звери. Мусульмане здесь ни при чем.

Магджура, даже не посмотрев на меня, сложил ладони, поднял их и стал творить молитву:

— О леопард, я припадаю к твоим ногам. Помилуй своего слугу и больше не терзай священных коров. Ведь ты такое же существо, созданное богом, как и мы. Ты можешь возродиться человеком, и для тебя коровы тоже станут священными.

Помолился и ушел, не обратив на меня никакого внимания. А я решил отправиться в полицейский участок. Дежурный отвел меня к капралу. Тот сидел в своем кабинете с угрюмым видом, в

каком-то оцепенении. За его спиной на стене висел герб Англии.

— О, европеец! — обрадовался капрал и поднялся мне навстречу. — Какой редкий гость! Может быть, пропустим по стаканчику виски?

— Я по делу.

— Дела не убегут, — он достал бутылку и наполнил две рюмки. — За встречу.

Мы выпили по рюмке, и я сказал:

— В городе беспорядки: индуисты громят мусульман. Остановите их.

— Ну, видите ли, — капрал наморщил лоб, — в такие дела мы не вмешиваемся. Если бы на вашу миссию напали, тогда другое дело. Еще стаканчик?

И мы опять выпили.

— Во имя человеколюбия, — не сдавался я, — защитите невиновных!

Капрал махнул рукой и встал. Нас сопровождали двое полицейских с винтовками.

На площади по-прежнему было неспокойно, кое-где были взломаны двери лавок, валялись осколки битого стекла.

— Заряжай! - скомандовал капрал полицейским. — Сначала в воздух.

Раздались выстрелы. Участники погрома были ошеломлены. Завидев полицейских, перезаряжавших винтовки, они пустились наутек, кто куда. Их бегство сопроводил новый залп. Площадь опустела.

— Ну вот, видите, все в порядке, — добродушно улыбаясь, сказал капрал. — Мы здесь еще немного подежурим.

Когда я вернулся в церковь, она была уже украшена. Я отблагодарил мальчишек за труды конфетами, и они разбежались довольные.

Вскоре приехал миссионер, и я рассказал ему о том, что здесь произошло. Он удовлетворенно заявил:

— Вот теперь ты видишь, что нужен здесь! И разве это так важно — верить или нет? Религия — это обман, которого люди жаждут.

Меня передернуло от этих слов:

— Что ты говоришь? Религия — это божественное откровение... Ведь столько пророков слышали глас бога, писали о нем.

— А кто такой пророк? Глашатай воли божьей и ее толкователь. Так говорят все религии. А в действительности он ведь глашатай мифов. Более того, шарлатан.

— Не ожидал я, что ты так относишься к религии, —

возмутился я словами Фасати и, скорбя о потере им веры, опустил голову.

— Pucatur intra et extra[34]. Настанет час, и ты повторишь мои слова, — сказал с убеждением миссионер. — Ты только хорошенько подумай! Мы готовимся к троице. Этот праздник посвящен святому духу. А святой дух является одной из ипостасей троицы. Как это понимать?.. Один бог в трех лицах? Так сколько же богов? Один или три? Тайна! Все религии полны таких тайн. Во что же верить? В тайну?

Я ничего не ответил, но слова его запали мне в душу и заставили глубоко призадуматься.

— А зачем тебе, монаху, богатство? — не утерпев, спросил я.

— А как долго я смогу пробыть в миссии? Ну десять, двадцать лет. А затем куда я денусь? Направят обратно в Италию, запрут в келье, — по-дружески объяснял мне Фасати. — А в этой стране драгоценные камешки иногда просто сохой вырывают из земли. Их даже и не ценят. А я вот собираю. Это гарантия моего будущего. Когда-нибудь эти камни мне ох как пригодятся.

— Так и их ты отправляешь брату в Италию?

— Да, посылаю. Вместе с лекарственными травами.

11

Однажды во дворе миссии появился громадный слон. Он остановился перед домом, подогнул колени и опустился на землю. С его спины слез мужчина, одетый в белый шерван, в узеньких брюках. На голове его была чалма. Скорее всего это был мусульманин.

Мы с мусульманами никогда никаких дел не вели. Зачем он препожаловал? Быть может, наши ученики что-нибудь натворили?..

Войдя в дом, мусульманин низко поклонился и поздоровался.

Уловив удивление в моем взгляде, он сказал:

— Я приехал отблагодарить вас за то, что вы сделали для меня.

— Где?.. Когда?..

— Когда хищники растерзали корову, принадлежащую индуистскому храму Шивы, брахманы распустили слух, что это я ее убил. Индуисты разбили окна моей лавки, выломали двери. Я обратился за помощью к капралу, но он лишь высмеял меня. А вас послушался. Ради Аллаха, быть может, я могу чем-нибудь услужить вам?..

Мне давно хотелось посмотреть, как живут индуистские монахи — санньяси. Но ближайший монастырь располагался в труднодоступном месте в джунглях.

— Если вы проводите меня к индуистскому ашраму[35], я буду вам благодарен.

Мусульманин призадумался. Видимо, его пугал трудный путь по джунглям. Но все же он согласился:

— Да поможет нам Аллах!

В назначенный день у миссии вновь появился слон. Он был украшен еще наряднее. Попона расшита серебром, на шее раскачивался позолоченный шар. На слоне сидел одетый во все белое уже знакомый мне мусульманин.

Я с предосторожностями забрался на спину слона. Когда тот поднялся на ноги и пошел, пришлось ухватиться за веревки у седла и раскачиваться в такт его ходьбе.

Мы пробирались в джунглях узкой тропой. Казалось, что этот сумрачный коридор из деревьев никогда не кончится. Но вот перед нами открылась поляна. Слон вдруг остановился и, поводя большими ушами, стал пятиться. Неподалеку я увидел двух тигров, играющих с детенышами.

«Ну и влипли», — подумал я. И незаметно достал из кармана пистолет. Мусульманин схватил ружье.

— Стреляем! — предложил я.

— Стреляем, — согласился тот. — Только не в зверей, а в воздух. Если мы раним тигров, о Аллах, неизвестно, что тогда случится.

Грянули выстрелы. Взрослые хищники встали, огляделись, посмотрели на нас, будто раздумывая, нападать или нет... Мы выстрелили еще раз. Семейство тигров медленно направилось в чащу джунглей. Тогда тронулись и мы.

От страха я даже вспотел.

— О Аллах! — облегченно вздохнул мой спутник. Джунгли вроде бы поредели. Сквозь кроны деревьев

все чаще пробивались солнечные лучи. Вскоре мы достигли ашрама, высеченного в базальтовых скалах. Высокая каменная стена, воротца с козырьком. Когда мы приблизились, калитка открылась и вышел монах в оранжевом одеянии. Его голова была обрита, только на макушке оставлен пучок волос. На ногах — деревянные сандалии. Стоя в проходе, он поклонился нам.

Мы слезли со слона, подошли к нему и поздоровались.

Он ответил на наше приветствие, приложил ко лбу сложенные лодочкой ладони, низко поклонился и спросил:

— Какие дела привели вас к нам?..

— Мы хотели бы познакомиться с санньяси.

— Вы христианин, поэтому милости просим. А вот тот мусульманин, ему нельзя.

Он потянул за висящий у калитки шнурок. Где-то в отдалении звякнул колокольчик. Пришел второй точно так же одетый монах, поклонился и пригласил меня пройти во двор.

Во дворе я увидел висящих на суках деревьев вниз головою обнаженных мужчин. От неожиданности я даже вздрогнул. Сделав еще несколько шагов, я чуть было не наступил на чью-то голову: несколько монахов по шею были зарыты в землю, другие лежали на острых колючках. Мне стало как-то не по себе.

Монах ввел меня в ашрам. Везде узенькие коридоры, площадки с колоннами, ниши, в которых стояли различные фигурки индуистских богов. Многие из них были размалеваны красной, синей или желтой краской, осыпаны пеплом сандалового дерева или обмазаны коровьим навозом.

Мы зашли в столярную мастерскую. Здесь изготовляли оконные рамы, вырезали фигурки святых. Когда мы вошли, работающие здесь монахи даже не подняли глаз, будто и не видели нас.

Затем меня ввели в зал, где монахи сидели на полу, раскрыв толстые книги, и читали с застывшими лицами. Они также не проявили никакого интереса, когда мы входили и уходили.

Казалось, что для них существует только то, что написано в книгах. Как пояснил сопровождающий, они изучали небесные светила, космическую энергию, силы природы и их влияние на духовную жизнь человека.

Гораздо интереснее было в большом зале, где множество санньяси сидели в позе лотоса. Все они смотрели на кончик своего носа и непрерывно шептали священное слово: «Рам, рам, рам...»

— Наша главная цель — научиться управлять своими чувствами, — пояснил сопровождающий. — Иначе никогда не достигнешь слияния с богом.

— А что для этого нужно?

— Необходимо овладеть восемью ступенями йоганги. Первая — яма, запрещает лгать, воровать, владеть имуществом, общаться с женщинами; вторая — нияма — требует стать аскетом, исполнять все обряды индуизма, изучать Веды; третья ступень — асана — умение принимать различные позы; четвертая — пранаяма — умение управлять своим дыханием; пятая — пратьядхара — контроль над своими ощущениями; шестая - дхарана - управление своим вниманием; седьмая — дхьяна — постоянные размышления об истинах, содержащихся в благородных Ведах; и, наконец, восьмая ступень, или самадхи, требует везде и всегда пребывать в покое, полностью погрузившись в себя.

— И все санньяси достигают этой цели?

— Нет. Многие не выдерживают испытаний и возвращаются к мирской жизни. Иногда умирают. Так случилось с миссионером из Литвы Габриелем Ленткаускасом, который очутился здесь после того, как мусульмане сожгли Мадурскую миссию. Ленткаускас, пробираясь через джунгли, обнаружил этот ашрам и захотел жить с нами. Но он не был подготовлен к таким испытаниям.

«Вечный покой даруй ему, господи», — я перекрестился и, молча сотворив молитву за упокой его души, продолжал интересоваться:

— Скажите, а что влечет индусов в ашрам?

— Мокша — спасение.

— На какие средства существуют ашрамы?

— Во-первых, за счет имущества вступающих в коммуну и от подаяний. Среди нас ведь есть садху[36], — подчеркнул монах. — А садху — это частица богов!

— А я мог бы увидеть садху?

— Они живут отшельниками в скальных пещерах, — ответил монах.

Он повел меня в трапезную. У стен продолговатого помещения были разложены циновки. Санньяси собирались молча, словно тени. Затем уселись друг против друга и погрузились в медитации. Неподалеку от них уселись и мы. Обслуживающий монах положил перед каждым на пол лист бетеля. Затем принес миску риса и стал раскладывать его по горсточке на листья.

Санньяси принимали листья как нечто священное и отворачивались к стене. Молча, о чем-то размышляя, они медленно брали щепотку риса тремя пальцами и клали в рот, не касаясь губ.

Хотя я и проголодался, но есть не мог. Очень уж подозрительно пахла приправа.

Но если отказаться от еды, обидишь монахов. К счастью, все они отвернулись. Я тоже повернулся лицом в угол, вынул из кармана платок и вытряс в него рис.

После обеда сопровождающий, узнав, что Ленткаускас — мой соотечественник, стал еще больше его расхваливать. Он призывал меня последовать примеру миссионера, остаться в ашраме, где я смог бы обрести истинное слияние с богом. Я поблагодарил за приглашение, пообещал подумать и простился, положив, как и он мне, руку на его плечо.

Мне не терпелось увидеть садху. И, усевшись на слона, мы двинулись в сторону гималайских предгорий. Местность стала холмистой. Между редкими деревьями проступали большие потрескавшиеся скалы с множеством пещер. Мы остановились. Слона оставили пастись, а сами направились искать садху.

Одного из них мы застали в нижней пещере. Я поразился, каким изможденным и высушенным был этот отшельник, — кожа да кости. Он не обратил на нас никакого внимания, погрузившись в медитации.

Я попытался заговорить с садху. Одел на его шею четки из ароматного сандалового дерева. Но он даже не взглянул на меня, не дрогнула ни одна мышца, будто к нему никто и не прикоснулся.

Другие святые занимались различными упражнениями. Они были похожи на двигающиеся скелеты. Мне так и не удалось с ними поговорить.

— Вот до чего доводит фанатизм, — сказал я своему спутнику. — Ужас! Никто не поверит!..

— Думаешь, у мусульман лучше? — взглянул на меня проводник. — Намаз — молитвы пять раз в день, ураза — пост целый месяц, хаджж — паломничество через пески пустыни в Мекку. Мучение!

— Для того и существуют боги, чтобы ставить своих приверженцев на колени, — сказал я и испугался этих слов. — Но без религии как проживешь?

— Если бы не бессмертие души, о Аллах!

Мы замолчали. В самом деле, почему боги требуют стольких мучений? В миссию я вернулся смертельно уставшим.

12

Воспитанник миссии Лалус Чаухан учился хорошо. Как принято в Италии, я ставил ему оценки по десятибалльной шкале, обычно «9» или «10». Честный, всегда готовый услужить, староста класса, он, по правде говоря, часто бывал «ангелом-хранителем».

После уроков, всё прибрав в моем присутствии, Лалус торопился на урок рисования. Вначале он рисовал пейзажи, птиц, обезьян. Потом в его тетради появились статуи святых, фигуры молящихся людей, священные коровы. А подучившись еще, он нарисовал портрет пурогита семьи маханта, а затем и самого Магджуру.

Поглощенный делами миссии, я мало интересовался рисунками Чаухана. Но вот однажды, открыв его новый альбом, я увидел в нем изображения одних лишь индуистских богов. Их было так много, что я даже удивился и спросил мальчика:

— Почему ты рисуешь столько индуистских богов?..

— Индуистские боги — боги индусов, мои боги, — ответил он задумчиво. — В них верили мои родители и деды...

Я понял, что это слова маханта Магджуры.

— Ты ведь теперь католик, мы тебя окрестили, ты принял нашу веру. Рисуй христианских святых.

— Но ведь я индус!..

— У индусов есть разные религии. Повторяю, ты ведь католик. Зачем тебе рисовать индуистских богов, они же идолы.

Лалус поджал губы и ответил:

— Все боги — идолы!

— Кто это тебе сказал? — спросил я, пораженный. — Махант Магджура?

— Нет. Падре Фасати. Он еще говорил, что вера в богов — это развлечение для темных, отсталых людей. Просвещенный человек обязан распространять культуру. Вот я и должен быть хорошим художником.

Тем не менее я понял, что Магджура учит мальчика не только рисованию, но и догмам своей религии. А усомниться в истинности религии помог Лалусу конечно Фасати. Он и мне привил сомнения. Я пытался оспаривать его суждения, но иногда у меня просто не хватало аргументов, чтобы их опровергнуть.

И я решил, что дальше держать Чаухана в миссии нельзя — он может ускользнуть из наших рук. А ведь церкви нужны миссионеры из местных жителей. На это указывал и папа Пий XI, издавший в 1926 году энциклику, посвященную работе миссий.

Пришлось ускорить обучение Чаухана: я стал заниматься с

ним индивидуально. Перед окончанием учебного года я отправился к маханту Магджуре. Во дворе храма у пруда, на площадке, посыпанной песком, мальчики — кто пальцем, а кто тупой палочкой — чертили различные линии. На некоторых рисунках обозначились контуры храма. Чаухан не рисовал. Он лепил из мокрого песка миниатюрный храм.

— Лалус — способный мальчик, — сказал Магджура. — Он моя гордость.

— Однако придется его забрать из вашей школы.

— Как это? — удивился священник. — Ведь мы еще не закончили курс.

— Пора ему поступать в гимназию, — схитрил я. — Хватит и того, чему вы его научили. Спасибо вам!

— Я не поеду! Никуда не поеду! — вскричал Чаухан, услышав наш разговор. — Я хочу слушать чтение Вед!..

Я глянул на Магджуру, но тот отвел глаза.

— Ты будешь учиться в Шиллонгской гимназии, — уговаривал я мальчика. — Потом в семинарии. Затем получишь высшее образование. Поедешь в Европу, в Южную Америку. А если захочешь, то останешься в Индии... Неужели ты не желаешь дальше учиться?

— Я буду учиться здесь, — упрямился Лалус и все поглядывал на Магджуру, ожидая, что тот скажет.

Но махант молчал, словно разговор его не касался. Однако я чувствовал, что он не одобряет меня.

Я привел Чаухана в миссию. Фасати я сказал, что нельзя больше отпускать мальчика к Магджуре. Надо его отправить в Шиллонг, в общежитие миссии. Услышав это, Лалус обратился к миссионеру:

— Отец, я вам добуду гашиш, только не увозите меня, оставьте, я хочу заниматься искусством. Оставьте!

Услышав про наркотики, я вновь поразился. Неужели Фасати, прикрываясь фразами об освобождении униженных, занимается контрабандой наркотиков? Неужели у него совсем нет совести?

— Поедешь в Шиллонг, — твердо сказал я Чаухану.

В Шиллонге Чаухана сначала не хотели принимать — не вовремя, дескать, привезли. Но когда я объяснил ситуацию, то ректор велел немедленно направить Чаухана в общежитие мальчиков.

У меня щемило сердце, было жалко парнишку, к которому я привязался, как к родному сыну. Я хотел проститься с ним, но он отвернулся. И мне вспомнились мудрые слова римского писателя Публия Сира: «Брать то, чего вернуть не сможешь, есть обман».

13

Однажды, выйдя из церкви, я увидел индуску с обритой наголо головой. Она была молода, почти девочка. Меня несколько удивило то, что у нее ни в ушах, ни в носу не было украшений, которые так любят индуски. Может быть, она вышла из тюрьмы и ей необходима помощь?

Я еще не успел заговорить с ней, как пробегавшие мимо дети стали бросать в нее камни. Я крикнул им:

— Как вам не стыдно!

Но они лишь показали мне язык.

— Не браните их, — сказала индуска. — Во время похорон мужа я не исполнила сати[37]. Я виновна.

Я знал, что над вдовами в Индии каждый имеет право издеваться и унижать их. Я не находил слов, чтобы утешить ее, и не знал, чем ей помочь.

— А разве нельзя что-нибудь придумать? — спросил я.

— Можно! Я могу посвятить себя служению богам в храме. Там меня никто бы не обидел, но пришлось бы удовлетворять желания брахманов. Уж лучше буду терпеть издевательства.

— Может быть, вам сосватать другого мужа? — предложил я.

— Другого?.. — она горько улыбнулась. — Ведь я вдова. Меня никто не возьмет, это запрещено. Ко мне даже прикоснуться нельзя, а то осквернишься.

Мне ее было очень жаль, и, ничего как следует не обдумав, я предложил:

— Идите служить в нашу миссию. Никто не будет вас обижать, наоборот, вас станут уважать. Но придется принять христианскую веру.

— Нет. Мой муж погиб во время столкновения с английской полицией. Я могу повредить вашей миссии, — сказала она и ушла.

В доме меня ожидал юноша с умным, открытым лицом. Рубаха его была подпоясана цветной дхоти - знак того, что он принадлежит к высшей касте.

Приложив ладони ко лбу, он с достоинством поклонился.

— У меня горе, — сказал он с печалью. — Большое горе.

— Какое?..

— Умерла моя невеста. Я остался один. Помогите мне.

Я пожал плечами, не представляя, чем можно ему помочь.

— Право же, не знаю как.

— У вас же есть купленные девушки. Не увезете ведь всех в Европу. Сосватайте мне одну из них.

— Но они же католички, — изумился я. — А сами вы индуист. Разве что примете христианство...

— Если иначе нельзя, то я согласен. Мне необходима жена.

— А какую бы вы хотели?

— Женщины все одинаковые. Чего тут выбирать? Решайте вы.

Юноша ушел преисполненный надежды, а я остался в большом сомнении относительно благополучного исхода такого сватовства.

Я отправился в Шиллонг сдавать экзамен. После его благополучного завершения профессор Густас предложил мне на время завершения учебы перебраться в Шиллонг. Он готов был похлопотать, чтобы меня назначили преподавателем физкультуры.

— У меня есть одно несколько необычное дело, — сказал я Густасу.

— Какое? — поинтересовался профессор.

— Один юноша-индус просил помочь выбрать ему невесту из девушек, отданных в миссию.

— А он сам крещеный?

— Пока еще нет, но согласен креститься. Я хотел бы выяснить, есть ли возможность удовлетворить его просьбу.

— Думаю, что это будет нетрудно. Сестры-миссионерки собрали девушек. Густас, оглядев их, спросил:

— Хочет ли кто-нибудь из вас выйти замуж?

Глаза девушек засияли. Они даже не спрашивали, за кого, и быстро подняли вверх руки, украшенные браслетами и кольцами.

— Я, я падре, — кричали они.

— Видишь, сколько невест. Они бы охотно пошли даже в гаремы мусульман. Женщина без семьи как сердце без тела. Выбирай!..

Я попросил одну из миссионерок сделать выбор. Она долго размышляла, каждую девушку осматривала, как бы оценивая. Наконец выбрала, как она утверждала, самую тихую и любящую порядок. Избранница вся просияла и тут же пригласила всех девушек на свою свадьбу.

На следующий день мы с будущей невестой возвратились в миссию. Я был страшно удивлен, застав там ожидавшую меня уже знакомую вдову. Фасати хотел было ее прогнать, но она сказала, что все хорошенько обдумала, желает креститься и на всю жизнь остаться моей служанкой.

Мы ей выделили комнату и поручили хозяйничать вместе со служанками Фасати.

Привезенная воспитанница была обручена с юношей, и мы назначили день их свадьбы. Он совпал с индуистским праздником

богини Сарасвати — покровительницы искусства. Считается, что она создала санскритскую азбуку и правила красноречия. Ее изображают стоящей на цветке лотоса в белоснежных одеяниях, с полумесяцем на лбу. В руках у нее вина — народный музыкальный инструмент.

Молодая тоже была одета в белое платье, с венком из цветов лотоса. Когда на городской площади начались танцы, выяснилось, что наша новобрачная танцует не хуже других.

На свадебный пир мы пригласили Магджуру, мусульманина, который сопровождал меня в ашрам, английского полицейского капрала и других представителей властей. По приглашению новобрачной приехали воспитанницы салезианской миссии в Шиллонге, миссионеры.

Такой замечательной свадьбы городок Гимаджунга, как говорили некоторые гости, еще не видел. Она породила во мне иллюзию, что и католики, и исповедующие индуизм, и мусульмане, и представители властей могут найти общий язык и отлично сотрудничать. Позже я понял, что социальные язвы пышными и веселыми свадьбами не вылечишь.

Обрушившиеся внезапно муссонные дожди надолго заперли нас в доме. Двери разбухли, в укромные местечки сползались со всех сторон змеи, во дворе не просыхали огромные лужи, реки вышли из берегов. Лица людей помрачнели, стали какими-то дряблыми. Но ливни, начавшиеся столь неожиданно, так же внезапно и кончились. Все заволокло плотным туманом, однако вскоре сквозь него пробилось солнце. Нас обступили новые заботы, новые дела.

В Гиманджунгу прибыли многочисленные паломники, направлявшиеся в город Варанаси к священной реке Ганг. Паломники шли босиком, особо истовые ползли на коленях.

Варанаси для индуистов то же, что Мекка для мусульман, Ватикан для католиков. Это город-святыня.

Однажды в миссию пожаловал махант Магджура, сына которого я продолжал обучать английскому языку. Я на него не жаловался, поэтому удивился приходу отца.

— После прошедших ливней Ганг стал еще священнее, еще чище, — как всегда издалека начал Магджура. — В такое время он вселяет в души особое спокойствие и благодать, полностью смывает грехи, человек очищается...

— Вы хотите пригласить нас посетить священные места индуистов?

— Мы никогда никому не навязываем свои священные места, — с достоинством отвечал махант. — Я пришел лишь сказать, что наши паломники отправляются завтра утром.

— Мы с Викторио уже давно хотели побывать там, — признался Фасати. — Но думали отправиться автобусом.

— Делайте, как знаете, - не возражал махант. — Хочу лишь заметить, что торжества начнутся послезавтра.

Сказав это, Магджура встал и вышел. Мы так и не поняли, зачем он приходил.

— Он, вероятно, сам хотел бы повести нас в святые места и там обратить в индуизм, — предположил я.

— Что ты? — скептически усмехнулся миссионер. — Помнишь, когда мы были в храме на упанаяне сына Магджуры, он говорил, что индуистские священники не занимаются миссионерской деятельностью. Индусом нужно родиться, стать им невозможно.

— Тогда, быть может, он хочет, чтобы мы охраняли паломников, пробирающихся сквозь джунгли, от хищных зверей?

— Вряд ли. Смерть для них не имеет никакого значения, — усомнился Фасати. — Иной раз ее даже ждут. Ведь каждый индус надеется на лучшее перерождение после смерти.

— Тогда я не знаю.

— Скорее всего пригласил нас из уважения к тебе. Удивляешься? Ты ведь уничтожил тигров-людоедов. Только поэтому мы были приглашены на упанаяну сына маханта. Индуисты чтут божественную силу, которая перешла к тебе от тигров. Готовься в дорогу. Уважение надо ценить. Я буду тебя сопровождать. В миссии без нас ничего не случится.

На следующее утро, надев рюкзаки, мы отправились и храм Шивы. Паломники уже разбились по группам. Большинство из них было в белых одеждах, у каждого на шее несколько ниток деревянных ожерелий из баньяна. Все молчаливые, сосредоточенные. Шествие возглавил сам махант Магджура. Вместе с ним шли брахманы, пурогиты и гуру. Несколько девочек несли урны с прахом родителей, шли также женщины — служительницы храма, факиры со змеями и корзинах.

Магджура прочитал мантры, посвященные защитнику паломников святому Сурье. Он будто бы каждое утро отправляется в путь по небесному своду на повозке, запряженной огненными конями. Сурья прогоняет ночную тьму, неся людям свет и тепло. Затем все паломники совершили обряд омовения в пруду и, поприветствовав восходящее солнце, отправились в путь. А с ними и мы.

Тропинки по обочинам извивающейся дороги были утоптаны и до блеска отшлифованы босыми ногами. На развилках дорог стояли многочисленные часовни. Одни из них были посвящены богам природы, другие богам неба, а некоторые — животным.

Гигантские баньяны, в ветвях которых верещали различные птицы, в основном бесчисленные попугаи, тоже считались священными. У каждой часовни паломники читали мантры, трижды обходили их вокруг и украшали цветами.

Наш путь пересекало множество широко разлившихся рек. Через них были переброшены пешеходные висячие мосты из бамбука и лиан. Страшно идти по такому мосту, а индусы знай себе идут без всякой опаски.

Вскоре перед нами открылась незабываемая панорама долин. Покрытые водой квадраты рисовых полей, сочная зелень, воздух чистый и прозрачный, словно хрусталь.

Однако мы недолго любовались видами. На небе вдруг появилась серо-синяя, со стальным отливом туча. От нее исходили непонятные звуки: что-то трещало, шелестело, словно и лесу ломали ветви. Когда облако приблизилось, мы увидели, что это огромное скопище насекомых с зелеными крыльями и красноватым брюшком. Саранча!

Крестьяне, выбежав на поля, громко кричали, били что есть мочи в сковородки, кастрюли, во все, что попадало под руку, лишь бы произвести побольше шума. Паломники встревожились, мы тоже озирались с беспокойством. И вот первые отряды саранчи стали опускаться на землю. Сообразив, что саранчу может отогнать только громкий шум, я выхватил револьвер и, целясь в центр грозного облака, начал стрелять. Моему примеру последовал и Фасати. Саранча поднялась выше и повернула в сторону.

Паломники упали перед нами ниц и стали читать молитвы. Они узрели в нас божественную силу. Мы тоже стали читать свои молитвы, благодаря господа за избавление от саранчи.

Чем ближе Варанаси, тем больше часовен. Но вот вдали стали вырисовываться высокие силуэты бесчисленных храмов. Мы зашли в храм Маха-Каи — бога судьбы. Внутри храма обошли чудотворный колодец. Считается, что, посмотрев в него, человек продлевает свою жизнь.

В одном из пригородов паломники искупались в пруду храма Аускара, ибо его вода смывает якобы все грехи, и отправились дальше. Маленькие домишки сменили многоэтажные дома с балконами и верандами. На тротуарах расположились продавцы различных сувениров. Больше всего было статуэток танцующего Шивы и его сына Ганеши с головой слона. Я видел также многочисленные резные фигурки четырехрукого Вишну и пожирающего огонь Агни. В лавках было полно европейской и индийской одежды. Вокруг — горы ананасов, апельсинов, лимонов и других невиданных мною ранее плодов. Тут же, в тени

пальм, продавцы выжимали сок из сахарного тростника и предлагали его прохожим.

Мы изрядно проголодались и остановились у жаровен, на которых в латунных сковородках жарилась баранина, сытно поели. Паломники довольствовались горстью риса, бетелем и плодами.

Затем мы направились к знаменитому храму богини Кали — жены Шивы. Людское море переливалось всеми красками и двигалось беспорядочными волнами во всех направлениях. Стоял такой шум и гам, что даже голова кружилась. Появилось множество нищих — безногих, безруких, слепых, горбатых, покрытых язвами. Все они громко клянчили подаяние. Мы раздавали милостыню, пока не кончились мелкие монеты.

Храм Кали — это громадное сооружение с позолоченными шпилями. У его стен толпились паломники и бездомные, бродили коровы. Рога у некоторых коров были окрашены и красный цвет, у других увиты цветами. Словно чувствуя своё превосходство над богомольцами, коровы горделиво расхаживали и назойливо требовали чего-нибудь вкусного. Они чесались о статуи богов, поедали оставленные там цветы и гирлянды. Они святее пилигримов, прошедших долгий и трудный путь, они неприкосновенны.

Мы протиснулись через толпу и подошли к дверям храма. И нос ударил спертый, затрудняющий дыхание запах горящего сандалового дерева и коровьего навоза. А перед глазами возвышалась статуя десятирукой богини Кали из черного мрамора. На ее лице застыли гнев и ирония. Она ниспосылает на землю чуму, холеру, проказу и другие страшные болезни.

У стены храма было привязано несколько коз, приведенных сюда для жертвоприношения. Их блеяние сливалось с шумом толпы, с глухо гудящими колоколами. Маханты в пурпурных мантиях, брахманы в белых тогах, наполнив сверкающие золотом кубки кровью зарезанных коз, при свете красных фонарей смазывали этой кровью руки, ноги и лицо богини. По всей статуе стекала теплая кровь. Красные блики мерцали на черном мраморе.

— Отвратительное жертвоприношение, — меня передернуло.

— А разве мы, служа обедню, не делаем то же самое? — заметил Фасати. - Только наше жертвоприношение бескровно.

Повсюду, как тени, шныряли маленькие обезьяны. Они перепрыгивали с одной статуи на другую, задевали паломников, дрались между собой.

Магджура провел нас на галерею. Оттуда был хорошо миден весь храм. Одни паломники, охваченные экстазом, то нставали, то

вновь становились на колени, поднимали вверх руки и возносили молитвы богине. Другие рвали волосы на голове, били себя кулаками по лицу и всячески истязали свою плоть.

— Фанатизм, порожденный религией, - это отвратительно, — промолвил Фасати.

Я молчал и думал: «А чем отличаются от этих индусов наши монахи-мученики? Эти хотя бы не избивают друг друга».

Загремели тамтамы, зазвучали тамбурины, другие инструменты. От этого шума, казалось, дрожал воздух. А хор пел гимн «Om hari maha devi»[38].

Спустившись с галереи, мы отыскали своих паломников и направились к Гангу. К реке вели каменные лестницы. Перед ними под черными зонтами стояли выстроившиеся в ряд брахманы. Они брили и стригли каждого паломника, смазывали его лицо священным маслом сандалового дерева.

Приблизившись к реке, паломники падали на колени и целовали пыльные плиты, сползали по ним вниз на животе, громко молились, раскачиваясь из стороны в сторону.

Мы спустились по лестнице Вишванат, перед которой не было брахманов, и по набережной Ганга добрались до шамши[39]. Здесь на огромном пространстве полыхали костры для сжигания умерших. Рядом с ними стояли пурогиты, которые длинными жердями придерживали корчившиеся от жара трупы. А невдалеке родственники усопших ожидали момента, когда можно будет собрать пепел, чтобы тут же развеять его по Гангу.

Вокруг стелился густой черный дым, от него першило в горле.

Когда на закате солнца воды Ганга засверкали, словно в них отразились огни костров, паломники, не обращая ни на кого внимания, разделись и, ухватившись рукой за кончик своего носа, полезли в воду, бормоча при этом: «Рам, рам, рам». Они забирались в реку, кто до пояса, а кто и по шею. Одни богомольцы лили пригоршнями воду себе на голову, другие полоскали ею горло, пили ее. Некоторые старики погружались в воду, чтобы больше не появиться, а их тела плыли по течению, цепляясь за ноги тех, кто стоял в реке. На середине реки покачивались лодки с крышами, с которых можно было спрыгнуть, чтобы утонуть в более глубоком месте. Индусы верят, что, умерев таким образом, улучшаешь свою карму.

Жуткое дело, — сказал я Фасати. Он усмехнулся:

— Я хотел, чтобы ты увидел проявление религиозного фанатизма, в данном случае в индуистском варианте.

— Нагляделся, хватит, едем домой.

Поблагодарив Магджуру, мы отправились на автобусную

станцию и, измученные, вернулись в Гиманджунгу.

14

Я всегда с опаской входил в свою комнатушку — боялся змей. То находил их в своей постели, то свернувшимися клубком за оконной занавеской. Однажды обнаружил на полу разбитую стеклянную банку с молоком, а рядом лежала пест-рая змея толщиной в руку. Я схватил стоявшую в углу палку, ударил змею по голове, но промахнулся. Она рванулась ко мне и впилась своими ядовитыми зубами мне в подол рясы. К счастью, не в ногу. Убить ее было нелегким делом. Постоянно приходилось опасаться и скорпионов.

Но вот когда у меня появилась служанка — звали ее Рами Оджа, — я перестал думать об этой нечисти. Она тщательно присматривала за комнатой, убирала постель, заводила будильник. Я был вполне доволен своей жизнью.

Настало время уезжать в Шиллонг. Узнав об этом, Разия расплакалась:

— Я здесь не останусь. Не хочу быть служанкой Фасати.

— Но ведь в Шиллонге тебе придется работать санитаркой, - пугал я ее. — Потом надо будет постричься в монахини.

— Буду монашкой, буду служанкой, но здесь не останусь.

Пришлось взять ее с собой.

Тяжело было расставаться с прихожанами. Со многими из них я успел подружиться. В тот день проповедь моя была посвящена братству. Я говорил о том, что человек могуч не силой, а любовью, преданностью своему ближнему. И вдруг в дверях церкви я увидел черную пантеру. Голова ее была уже внутри храма, она оскалила пасть, но затем повернула обратно. По телу пробежали мурашки. Я пожалел, что под рукой нет винтовки. Разве можно было предположить, что хищник проникнет в храм...

Не прерывая проповеди, я медленно сошел с амвона и направился к двери. Если уж зверь и нападет, то пусть растерзает первым меня, зато будут спасены прихожане. Подойдя к двери, я быстро закрыл ее и задвинул засов. Страх прошел, но я еле держался на ногах, так они дрожали от нервного напряжения. Все же, овладев собою, я вернулся на амвон. И тем не менее мысли мои путались, я не слишком хорошо соображал, о чем говорю, пытаясь возможно дольше задержать верующих, чтобы они при выходе из церкви не повстречались со зверем.

Наконец я закончил проповедь, пожелал прихожанам следовать законам истинного братства, затем подошел к двери, осторожно открыл ее и огляделся. Пантеры не было видно.

Потом я узнал, что в этот же день недалеко от нашей миссии

пантера растерзала одного санньяси, направлявшегося из ашрама в святые места. Скорее всего это была та же самая пантера-людоед.

Спустя несколько дней мы с Разией уехали из Гиманджунгской миссии. В Шиллонге меня поместили в одной из келий общежития при семинарии, а Разия стала там же служанкой.

Я тут же вспомнил о профессоре Густасе и вскоре постучался к нему. Его келья в точности напоминала мою. На столике и на полу — груды книг. Низкая деревянная индийская кровать, небольшой платяной шкаф. Под образом святого Боско висел крест.

Густас вскочил со стула, заключил меня в объятия и, радостно похлопывая по плечам, сказал:

— Теперь мы каждый день будем разговаривать и петь по-литовски. Я так истосковался по родине, — и, недолго думая, затянул «Рос в пуще дубок».

Я подпевал, и нам было несказанно хорошо.

— Ну как дела? — спросил наконец Густас.

— Тяжело было расставаться, - отвечал я. — Если бы не ваше приглашение, я не стал бы продолжать учебу... В Гиманджунге я был самостоятелен. И...

— И что?

— Обучая других, я обнаружил множество неясностей. И в отношении Христа, и в этих бесчисленных тайнах...

— А ты и не пытайся все выяснить, — посоветовал мне профессор. — Ты просто верь, и от этого только выиграешь. Все религии — и христианство, и ислам, и индуизм — состоят из великого множества тайн. Религия и должна быть таинственной, мистической, манящей. Да и хватит об этом. Я вот уже изучаю двенадцатый язык, а все потому, что нечего делать.

— Какой же вы изучаете сейчас? — поинтересовался я.

— Тамильский. А ты знаешь, что в Индии люди разговаривают более чем на ста языках, которые состоят из двухсот наречий? А язык — это ключ к человеческим сердцам.

— Открыв их, мы станем обучать индусов тайнам? — усмехнулся я.

— Зря тебя направили в Гиманджунгу, — сказал с сожалением Густас. — Внес Фасати путаницу в твою голову. Но благодаря убитым тиграм ты стал знаменит. Без диплома, а уже станешь преподавателем. Хотя бы во время экзаменов не проявляй своих сомнений. Не забывайся.

Я ничего не ответил профессору, а когда вернулся в свою келью, меня охватило отчаяние. Вновь начинается уже

полузабытая монастырская жизнь. Колокольчик — к вечерним молитвам, колокольчик — к ужину, колокольчик — ко сну.

Руководство миссии поручило мне преподавать физкультуру в гимназии и семинаристам-первокурсникам. В свободное время я занимался совершенствованием своих знаний, готовился к посвящению в священники.

Но чем больше я читал трудов по теологии, тем больше у меня возникало вопросов, сомнений. Я страшился своих мыслей!

Я терзался, пытаясь побороть самого себя, вновь принимался за учебу, почти ни с кем не общался. Это было страшно мучительно.

Однажды, вернувшись из читальни, я застал в келье Разию. Она стояла с потерянным видом, а когда я к ней приблизился, упала на колени и заплакала:

— Я утоплюсь...

— Что случилось? Почему? — стал расспрашивать я. — Тебя кто-нибудь обидел?

— Я молилась Христу, молилась Шиве, а тебя я так редко вижу.

Ее слова поразили меня.

— Чего ты хочешь? — спросил я. — Ведь я миссионер.

— Я не хочу жить здесь, — не сдерживая слез, причитала Разия. — Поедем обратно в Гиманджунгу!

— Можешь возвращаться, никто тебя здесь не удерживает. Можешь носить красное сари, остричь волосы, сбрить брови и... вдовствовать, — отвечал я ей. — А я должен принять посвящение и получить диплом. Вот тогда меня, может, и направят в миссию. Ничем больше я тебе помочь не могу.

Разия вышла из кельи, опустив голову. Мне стало жаль ее. И вспомнилась индийская поговорка: «Не бей женщину даже цветком». А как я вел себя?..

15

Стремясь преодолеть свои сомнения, я зачастил в церковь. Я заставлял себя от всего отключиться и ни о чем не размышлять. Экзамены я сдавал отлично. Преподаватели были ко мне снисходительны. Размышляя о смысле жизни, я не раз соглашался с индийскими философами, которые говорили, что жизнь - это иллюзия, сон, ее вообще не существует, она плод нашего воображения.

Однажды в дверь моей кельи громко постучали. Кто бы это мог быть? Меня давно никто не навещает, даже профессор Густас стал редким гостем. Может быть, это Фасати? Он обещал не забывать меня.

Я торопливо открыл дверь. Нет, не Фасати. Какой-то индус. И вроде бы знакомый. Черные блестящие волосы, выразительное лицо. Одет в темный европейский костюм.

— Сильвио?! — Я протянул к нему руки и замер.

— Да, Сильвио Сингх, спокойно ответил он и сдержанно улыбнулся. — Я теперь джи[40] Сингх!

— Откуда ты прибыл, джи? — спросил я с удивлением. — Из Италии? Как ты очутился в Индии?

— Пути господни неисповедимы... Я выяснил свое происхождение. Я индус! И никуда из Индии не уеду. Здесь моя родина!

— Может быть, ты родом из Шиллонга? Здесь живут твои родители?

— Нет, я родом из других мест. Когда англичане расстреляли моих родителей, иезуиты купили меня у моих родных. Потом передали салезианцам, которые и увезли меня в Турин.

— А как ты узнал, что я в Шиллонге? — спросил я с интересом. — Прошло столько времени...

— Мне сообщил об этом Лалус Чаухан.

— Лалус? Ты его знаешь?

— Индус индуса всегда отыщет, — загадочно ответил он. Я больше не стал вникать в его дела.

Вынув из чемодана мясные консервы, полученные из фонда помощи миссиям, я достал лепешку и пучок листьев бетеля, принесенные из трапезной, а Сильвио вытащил из портфеля бутылку сомы. Мы выпили по случаю встречи.

Сильвио рассказал о том, как в Турине он с помощью мэра бежал из монастыря и устроился на работу в таверне. Он много читал, учился и пришел к выводу, что религия человеческих проблем не решает, лишь постоянно говорит о них. Религия, по

его мнению, лишь способствует человеческим заблуждениям.

— Не гневи бога, джи, — возмутился я.

— Не могу я его гневить, если я в него не верю, — отвечал он.

— Где ты сейчас работаешь, джи?

— В Индийском национальном конгрессе[41]. Работаю безвозмездно.

— Не тяжело?

— Для родины сил не жалко, можно и жизнью пожертвовать! — воскликнул Сингх. - Но я пришел к тебе с предложением, — продолжал он. — Вступи в наше общество хариджан.

— Зачем? — не понял я.

— Мы хотим прекратить унижения, которым подвергаются хариджане. К этому стремится Ганди. Надеюсь, и тебе не чужда идея уравнения каст?

— Возьмите меня руководителем спортивного сектора. Заниматься спортом могут все, без различия каст. А что касается вступления в общество... Ты ведь знаешь, я пленник миссии.

— Что ж, и это неплохо, - согласился Сингх. - Кроме того, мы намерены организовать демонстрацию хариджан. Ваша миссия присоединится к такой демонстрации? Стоит мне обращаться к вашему ректору?

— Сомневаюсь. В таких случаях миссия остается в стороне.

— Я так и думал! — воскликнул мой гость. — Церковь не может, да и не хочет решать никаких социальных проблем. До встречи.

И Сингх ушел. Я чувствовал себя в чем-то виноватым перед ним.

Спустя несколько дней на уроке физкультуры в гимназии ко мне подбежал Лалус Чаухан, повзрослевший, красивый, ловкий парень. Я гордился, что он мой воспитанник. Все объявления, плакаты в гимназии были сделаны им. Он радовался, что вскоре поедет в Турин продолжать учиться рисованию. Лалус, опустившись на одно колено, попросил меня:

— Падресито, отпустите меня посмотреть на демонстрацию хариджан.

— Куда? Когда? - Я был удивлен и одновременно заинтригован.

— Сейчас! На площади!.. Они будут проходить мимо миссии.

— Нет, нельзя. Можешь смотреть в окно.

Ребята пооткрывали окна, стали размахивать руками, кричать, приветствуя демонстрантов. Я тоже подошел к окну. Толпы людей шли по улице. Демонстранты несли высоко поднятые лозунги: «Да здравствует Индия!», «Долой касты!», «Да здравствует демократия!» Лица демонстрантов были серьезны.

Лалус не мог устоять на месте. Казалось, что он сейчас выпрыгнет в окно и присоединится к толпе.

Если хариджане добиваются лучшей жизни, требуют уважения к себе, думал я, надо помочь им подняться. Ведь они такие же люди, как и все. Глядя на демонстрацию, я вдруг подумал, что хариджане в конце концов восстанут против этой несправедливости, но сам испугался своих мыслей.

После полудня на улицах было спокойно, но никто не знал, чем закончилась демонстрация неприкасаемых. И когда из города вернулся профессор Густас, все обступили его.

— Что слышно в городе? — спросил ректор.

— Демонстрацию хариджан разогнала полиция. Есть арестованные и раненые.

— Слава богу, что никто из нас в ней не участвовал, — вздохнул с облегчением ректор.

— Да, но нас тем не менее обвиняют в том, что мы не только участвовали в демонстрации, но и организовали ее.

— Как так? Кто обвиняет?

— Брахманы!

— Не может быть! — не поверил ректор.

— В городском муниципалитете я встретил служащих-англичан. Они говорили, что на площади выступал какой-то индус, монах-салезианец. Хотя в демонстрации участвовали и буддийские бонзы, и мусульманские муллы с дервишами, но брахманы обвинили в ее организации нас.

Все молчали. Я подумал, что на площади скорее всего выступал Сингх.

— Необходимо выяснить, кто выдавал себя за монаха-салезианца, — решил ректор.

Наступил день моего посвящения в сан священника. Я понимал, что духовный сан, собственно говоря, ничего не изменит в моей жизни, разве что даст больше привилегий, прибавит самостоятельности, но в то же время принесет с собою новые заботы и наложит большую ответственность. Впрочем, если я буду хорошо работать, меня могут послать в Рим для продолжения образования. Там я получу ученую степень, а может быть, даже звание профессора. Достичь все это в моих силах — у меня были способности и доброе имя. Вот так я размышлял о своей карьере за несколько часов до посвящения.

Я сидел в глубокой задумчивости и не сразу почувствовал, что чья-то рука коснулась моего плеча. Рядом со мной стоял профессор Густас. Он сам выбрил мне на макушке головы тонзуру, он же исповедовал меня, после чего я был чист как ангел.

— Тебя вызывает ректор. Не мешкай. Я послушно встал и последовал за ним.

В кабинете ректора стояли несколько преподавателей, сам ректор и прибывший из Бомбея архиепископ Матхи. Лица присутствующих были озабочены. Я встревожился. Опустившись на колено перед архиепископом, я поцеловал его руку. Затем встал и смиренно ждал, что будет дальше.

— Не твой ли воспитанник Лалус Чаухан? — нервно потирая ладони, спросил архиепископ и испытующе посмотрел на меня.

— Да. Он сирота. Послушный, способный мальчик.

— Чем он еще интересовался кроме учебы? — продолжал расспрашивать Матхи.

— У него художественные наклонности. Он обучался рисованию у маханта.

— Вот где ошибка!

Я немного смутился, но тут же, словно оправдываясь, сказал:

— Когда я узнал, что махант учит его не только рисованию, но и индуизму, я немедленно забрал его и привез сюда, в Шиллонг. Не думаю, чтобы махант успел сильно, повлиять на мальчика.

Архиепископ улыбнулся. Ободренный, я спросил:

— Что-нибудь случилось с Лалусом?

— Он бежал сегодня ночью из миссии, — сказал ректор.

— Бежал?! — поразился я.

— Может быть, ты догадываешься куда? Мы могли бы его вернуть.

Я пожал плечами, а сам подумал: «Скорее всего здесь не обошлось без Сильвио».

— Потеряли одного — потеряли много, — произнес архиепископ и отвернулся к окну, словно не желая никого видеть.

Я поклонился и вышел из ректората. Следом за мной вышел и мой духовник Джовани де Бартолини. Он подошел ко мне, взял легонько за руку и вкрадчиво спросил:

— Как ты думаешь, где Лалус? Может, он примкнул к бунтовщикам-хариджанам? Подумать страшно, что из этого может выйти. Если нам не удастся его вернуть, придется отложить твое посвящение... Понимаешь?..

— Лалус не откровенничал со мной, — отвечал я взволнованно. — И я действительно не знаю и даже не предполагаю, где он может быть.

Осторожно, но вместе с тем решительно я освободил свою руку и направился в собор. Стал на колени рядом со своей скамьей. Тревога сжимала сердце.

Готовившиеся вместе со мной к посвящению дьяконы

поднялись со своих скамей и пошли в ризницу. Я же все еще стоял на коленях, не в силах сдвинуться с места. Чувствовал себя униженным, подавленным, никому не нужным.

Заиграл орган, и храм наполнился величественными звуками. Хор клириков запел гимн во славу архиепископа. Посередине собора, горделиво оглядываясь по сторонам, медленно шествовал архиепископ Матхи. Когда он приблизился к алтарю и стал перед ним на колени, ко мне торопливо подошел профессор Густас и сказал:

— Ты почему не идешь переодеваться?.. Не время сейчас демонстрировать свои амбиции!

Я вздрогнул. «Значит, посвящение не отложили», — мелькнула мысль, и, поднявшись, я тут же направился в ризницу. Все дьяконы уже были облачены в длинные белые альбы, выделяясь среди одетых в черное миссионеров.

Архиепископ, сияя золотом орната, с высокой митрой на голове, опираясь на посох, вышел служить обедню. Ему ассистировали ректор и другие миссионеры, занимавшие важные должности. Первокурсники-клирики несли чашу, покрытую вышитым платком, и подушечку под колени.

Вслед за архиепископом следовали и мы, дьяконы, чтобы затем построиться у алтаря. Началась торжественная месса.

Архиепископ вместе с ректором поднялись по ступеням к алтарю и повернулись к рядам дьяконов. Ректор обратился к нам:

— Accedant, qui ordinandi sunt sacirdos[42]. Потом стал вызывать по фамилиям. Дьяконы отвечали кратко и четко:

— Есть!

Наконец я услышал и свою фамилию:

— Викторио Заука!

Что-то сжало сердце, и я не своим голосом произнес:

— Есть!

Как и другие дьяконы, я распростерся на полу храма. Дрожь пробежала по телу, а глаза наполнились слезами. Архиепископ обратился к нам:

— Дорогие сыновья святой церкви, еще раз подумайте о той большой ответственности, которую вы берете на себя, давая обет священника. Если вы до сих пор еще твердо не решились на это, можете смело встать, остаться рядовыми миссионерами либо вернуться к мирской жизни, преисполненной соблазнов и наслаждений. Приняв посвящение, вы уже не сможете отказаться от данного обета, а должны будете преданно служить богу и церкви, святым миссиям и верующим. Вы будете sacerdos in aeternum[43].

Ни один дьякон не шелохнулся, все лежали словно мертвые.

В наступившей тишине архиепископ сделал несколько шагов в нашу сторону и, перекрестив нас дрожащей от волнения рукой, трижды повторил:

— Ut hoc electos benedicere, santificare et consecrare digneris... [44]

Ассистенты дружно вторили:

— Te rogamus andi nos![45]

Это еще не было окончанием посвящения, обряд еще продолжался, но после этих слов встать и отказаться от посвящения было уже нельзя. Архиепископ, повернувшись к алтарю и став среди нас на колени, читал молитву всем святым, а мы вместе с ассистентами и верующими, собравшимися в храме, просили: «Молись за нас! Молись за нас!»

После этого архиепископ встал и, взяв из рук ректора кропило, освятил нас, затем окадил ароматным дымом. Но и тогда еще обряд посвящения не был завершен.

Перед чтением евангелия архиепископ Матхи уселся в высокое кресло с балдахином. Посвящаемые подходили и становились перед ним на колени, как бы припадая к стопам владыки церкви в Индии. Архиепископ возлагал руку на их головы и благословлял каждого дьякона. Одновременно он вручал каждому чашу с вином и поднос с гостиями[46] как знак того, что посвящаемый отныне удостаивается права служить обедню и совершать таинство причащения.

Поднявшись на амвон, архиепископ обратился к посвящаемым:

— Братья мои во Христе, посредством святого духа вам ниспослана большая сила. Служа святые мессы, вы будете превращать хлеб и вино в плоть и кровь Христову. Во время исповеди вы будете отпускать грехи либо не дадите их отпущения. Вы будете наделять людей божьей благодатью здесь, на земле, и откроете или закроете небесные врата перед душами умерших. Вы будете представлять бога на земле, распространяя его учение в течение всей своей жизни. Аминь.

Обряд закончился. Архиепископ в сопровождении ассистентов направился в ризницу. Нас окружили сестры-монахини, миссионеры, воспитанники миссии. Подошла ко мне с поздравлениями и Разия. Когда я дал ей поцеловать свои руки, помазанные елеем, из глаз ее брызнули слезы.

В это время в соборе появились два индуса. Они несли гирлянды цветов. Подойдя ко мне, незнакомцы опустились на колени, а затем надели мне на шею венок. Я их благословил. Посмотрев на венок, я заметил между красными розами конверт. Быстро открыв его, я нашел внутри красочную открытку, на

которой было написано по-литовски: «Богам, как и владыкам, более подходят слабовольные. Сингх».

Приближался день моего первого богослужения, и я добросовестно к нему готовился. Как-то раз в коридоре я встретился с де Бартолини. — Я к тебе, сын мой, — озабоченно произнес духовник. — Быстро собирайся в Гиманджунгу. Убили Фасати. Ты его похоронишь.

— Фасати? — от неожиданности я вздрогнул. — Как это случилось?

— Ночью кто-то проник в миссию и заколол его ножом. Поторопись.

— Как же так? Ведь все там уважали миссионера...

— Ничего не знаю. Не мешкай.

— А как же с моим богослужением? — спохватился я.

— Твоим первым богослужением будет отпевание Фасати. Потрясенный трагической вестью, я вернулся в келью, чтобы взять с собой револьвер, с которым не расставался в Гиманджунге. Но меня опять задержали:

— Викторио, не забудь зайти к столярам и взять гроб... Я погрузил в тонгу окрашенный черной краской гроб, сел рядом с возницей, и мы отправились.

Жара изнуряла. Лошадь устала, клочья пены срывались с ее губ. В Гиманджунгу мы прибыли, когда уже совсем стемнело. Пустынный и мрачный вид, ни одного огонька. Войдя в комнату Фасати, я ощутил тошнотворный запах разлагающегося тела. Зажег свет. Вокруг летали и жужжали большие мухи, комары и другие насекомые. Стало жутко.

Тело Фасати, одетое в белую сутану, покоилось на столе. Он был еще более изможден, чем при жизни. Вместо лица — один череп, обтянутый кожей. Сложенные на груди руки — одни кости. Меж пальцев был вложен образок святого Боско. По углам стола стояли оплывшие свечи. На полу валялись увядшие цветы.

— Принесите гроб, положите в него тело покойного, закройте крышкой и забейте гвоздями, — приказал я бенгальцам.

Но они стояли, не трогаясь с места. На их лицах было видно отвращение.

— Вы получите спирт, чтобы протереть руки, да и выпить тоже, — сказал я. — Иначе мы все заболеем холерой!

Но и это не подействовало. Пришлось самому управляться. Я с трудом уложил покойника в гроб, закрыл крышкой и заколотил гвоздями. После этого мы все вместе отнесли гроб в церковь.

Весь издерганный, я вернулся в свою комнату, выпил полстакана спирта и в изнеможении упал на кровать.

Утром я велел звонить в колокол, созывая верующих на

похороны. Долго звучал колокол, разнося весть о несчастье. Из городка и его окрестностей стали стекаться прихожане. Многие принесли сосуды с ароматным сандаловым маслом, цветы. Ими мы и украсили гроб.

Собравшиеся не перемешивались между собой — каждый стоял в отведенном для его касты месте. Итак, я в первый раз проводил богослужение. Все шло невпопад, я часто ошибался, даже песнопения перепутал.

Когда с грехом пополам я закончил заупокойную молитву, в церковь вошел махант Магджура. Его слуги несли громадную гирлянду из сандаловых листьев. Аромат разнесся по всему храму. Махант почтительно остановился у. гроба, поклонился и прочитал мантры.

Верующие построились для траурной процессии. Ко мне подошел Магджура, почтительно наклонил голову и сочувственно произнес:

— Ваша скорбь — наша скорбь.

Я направился к дверям церкви. За мной построились люди с хоругвями и гирляндами цветов. Четверо мужчин вынесли гроб на церковный двор. Здесь была вырыта могила. Гроб поставили на ее краю.

Я стал по другую сторону могилы и начал прощальную речь:

— Христианин никогда не остается одиноким, бог его не покидает, — сказал я и подумал: «Но это же ложь». — Господь — наш свет, наше счастье и радость. — «Учи людей, ты обязан их учить, хотя сам не веришь тому, о чем говоришь», — стучало в моем мозгу. — Мы счастливы, что верим в господа. В него верил и миссионер Камиль Фасати. — «А ведь я сам лицемер», — бичевал я себя. — Жестокий человек отнял у него жизнь. Но его душа вместе с ангелами смотрит на нас, воздающих должное ему и его непреходящему труду миссионера. Фасати трудился самоотверженно. Его помыслы были чистыми, слова приятными, а труд добродетелен. Да возрадуется он в царстве небесном, да сподобится божьей благодати.

На могиле Фасати мы установили крест из сандалового дерева и пригласили всех на поминки. У стола собрались ближайшие друзья покойного. Пришел и махант Магджура.

Когда все разошлись, я обратил внимание на открытый шкаф в спальне Фасати. На полочках были разложены лечебные травы. Я стал перебирать их, и вдруг что-то сверкнуло. И только тогда я понял, что это были спрятанные среди трав драгоценные камни, уже отшлифованные и еще не обработанные. Видимо, Фасати готовил посылку для брата.

На другой полке я обнаружил тщательно упакованный

гашиш. Быть может, он сам употреблял наркотики? Но я никогда не видел его курящим. Он нюхал табак, как это делают большинство итальянских миссионеров. И только после знакомства с его дневником все стало ясно. «Когда все вокруг растворяется в воздухе и меня охватывает неизъяснимая, быть может, божественная благодать, — писал Фасати, — я становлюсь счастливейшим из людей... Самые счастливые те, кто познали блаженство, которое дает гашиш».

Итак, Фасати был наркоманом. Но разве он один? В Шиллонгской миссии в таких не было недостатка. Не один бродил там с глазами навыкате, словно слепой. А сколько падало ничком во время молений, и причиной тому служил отнюдь не молитвенный экстаз.

После похорон Фасати я вернулся в Шиллонг потрясенным и потерянным. У меня впервые появились сомнения в полезности труда миссионера. Я остро ощутил и остро переживал свою ненужность. То же, вероятно, чувствовал и Фасати, поэтому и стал употреблять наркотики.

В тот же вечер в мою келью заглянул профессор Густас.

— Не переживай, брат, что так получилось с твоей первой обедней. Руководство решило, что ты несколько позднее отслужишь ее, и именно в Гиманджунге, где ты начал свой путь миссионера. Приедут ректор, клирики. А пока заменишь Фасати.

Настроение мое несколько улучшилось, и я пошел в собор на вечернее богослужение.

Прозвучал колокольчик, извещая, что настало время отдыха. Я вернулся из собора в свою келью. Помолившись на ночь, я тотчас лег в постель и вскоре уснул. Сколько проспал, не знаю, но вдруг почувствовал, что кто-то трясет меня за плечи, и услышал испуганный голос Разин:

— Вставай!.. Бежим!..

Я сел на кровати и не мог понять, где нахожусь и что произошло. Когда же ощутил запах дыма и увидел отсвет пламени, то, словно подброшенный пружиной, выпрыгнул из постели. Разия набросила мне на плечи одеяло, и мы выбежали в коридор, но путь нам преградило бушевавшее пламя. Пробиться сквозь него было невозможно. Мы метнулись к окну, но сквозь него языки пламени уже врывались в комнату. Начал рушиться потолок. Падающая балка сбила меня с ног, я стал задыхаться, пытался подняться, но потерял сознание.

Когда я пришел в себя, то понял, что лежу на улице. Неподалеку горел собор. Люди метались, кричали, причитали. А пламя бушевало. Казалось, что горело все кругом - и земля и небо.

Я вновь потерял сознание.

Очнувшись, я сообразил, что меня куда-то везет рикша. Болели лицо, руки. Один глаз ничего не видел. Меня охватил ужас. Неужели я ослеп? Что с миссией? Почему вспыхнул пожар? Что с Разией?

Меня привезли в больницу иезуитской миссии. В коридоре лежали дети и миссионеры, получившие ожоги. Вокруг раздавались стоны и плач. Я лежал в углу и, стиснув зубы, старался молча переносить боль. Я спросил лежавших рядом со мной, что стало с миссией... Одни говорили, что все сгорело дотла, другие утверждали, что сгорели только жилые корпуса.

Прошло несколько дней, и к нам стали наведываться миссионеры, чтобы ухаживать за пострадавшими. Среди них была и Разия. В то время, когда я готовился к посвящению, она посещала курсы медицинских сестер и теперь вместе с миссионерками работала в больнице. Я горячо поблагодарил ее за спасение.

Она ничего не ответила, только наклонилась и поцеловала меня. В ее глазах блеснули слезы. Разия прошептала мне на ухо:

— Теперь я от тебя никуда не уйду. Если индуска полюбит, она никогда не покинет любимого.

Только ей, ее любви я был обязан своим спасением. Но разве мы можем любить друг друга? У нас это право отнято. Какое-то еще никогда не испытанное чувство заставило трепетать мое сердце. Боль вроде бы утихла.

Позднее я узнал, что во время пожара погибли мой духовник де Бартолини, несколько клириков и воспитанников. Ректор лежит в больнице. В газете «Салезианские новости» было написано:

«В Шиллонге, где уже четырнадцать лет живут салезианцы, чтобы распространять евангелие и цивилизацию, они стали свидетелями поистине ужасного зрелища, которое никогда не изгладится в их памяти. Пожар, полыхавший в течение трех часов, все превратил в пепел и дым. Нанесен убыток на три с половиной миллиона рупий».

События последнего времени заставили меня задуматься о своем будущем. Много ли пользы принесу я людям, будучи миссионером? Меня многократно приглашали в индусские семьи к тяжело больным людям. Но разве я был в состоянии оказать им квалифицированную медицинскую помощь?.. Или дать больным нужное лекарство?.. И что я мог вообще? Только благословить умирающих, только произнести проповедь у гроба и выразить соболезнование скорбящим людям. Так зачем же я столько учился?.. Зачем изнурял себя? Чтобы не иметь возможности

ничем помочь людям? Зачем?..

И наконец я решился. Выпросил у архиепископа отпуск в Литву для поправки здоровья, а поскольку все еще нуждался в уходе, настоял на том, чтобы Разия сопровождала меня.

Признаюсь, я тоже был к ней неравнодушен, только скрывал свои чувства. Молодым свойственно любить!

Ну что тут продолжать? Во время нашей поездки мы полюбили друг друга еще сильнее и... решили пожениться. Так закончилась моя духовная карьера. Жена мне дороже бога. Она мое величайшее сокровище, мой друг.

16

Заука умолк. О чем он сейчас думал, о чем вспоминал? Быть может, о нелепо погибших в Шиллонге своих бывших коллегах, а может, еще раз сожалел о бессмысленно прожитых годах. Я лишь подумал, какое счастье, что мне раньше, чем ему, довелось найти свое место в жизни.

Немного погодя Викторас спросил с улыбкой:

— Ну как, ты все еще завидуешь тому, что меня послали в Индию?

— Нет! Таким испытаниям и переживаниям я не завидую. Но ведь не одни лишь страдания открыли тебе глаза?

— Конечно, — согласился мой друг. — Знаешь, все сошлось одно к одному. Я много читал, и не только произведения христианских богословов, много думал о прочитанном. Меня поразило одно высказывание Сократа: «Считать истиной то, что неведомо, есть самое постыдное невежество».

Вот так от сомнения к сомнению расшатывалась моя вера. И еще пришла любовь, которая все побеждает. Но хватит о прошлом. Приглашаю на серебряную свадьбу. Дату знаешь, адрес тоже. Буду ждать.

notes

Примечания

1

Рицкус - разбойник, грабящий богатеев, герой литовских сказаний.

2

Фарисеи - члены иудейской религиозно-политической секты, отличавшиеся показным благочестием. В переносном смысле - лицемеры

3

Герб буржуазной Литвы. - Прим. пер.

«С нами бог» (нем.).

5

— Ваши паспорта! Дети, мои милые дети! (нем.)

6

Новиции - лица, желающие вступить в монашеский орден и проходящие новициат - испытание, длящееся до двух лет.

Да святится имя твое (лат.).

8

Оратория (дословно - молитвенный дом) - место сбора детей, где под наблюдением монахов проводятся игры и учеба.

9

«Отдай мне душу, все остальное оставь себе» (лат.).

10

«Помилуй меня, господи, поскольку ты столь милосерден» (лат.)

11

«Отпускаю тебе грехи» (лат.)

12

«Вот он, великий священнослужитель» (лат.).

13

«Мир тебе» (лат.)

— грехи везде совершаются (лат.)

15

Санньяси - индуистские монахи.

16

Камадулы - монашеский орден, отличающийся особо строгим уставом.

17

«Рим заговорил, дело завершено» (лат.)

— к вящей славе господней (лат.).

19

Дхоти – повязка, носимая на бедрах; иногда ею пользуются как полотенцем.

20

Тонга - индийская двухколесная арба.

21

«Вот агнец божий» (лат.)

22

Веды - священные книги индуистской религии.

23

Чери - деревня шудров.

24

Махант - глава индуистского храма.

25

Пандал - трон молодых, украшенный гирляндами цветов; невысокий помост под навесом.

Сааб, сахиб - господин (хинди).

27

Приди, святой дух (лат.).

28

Ура! (хинди)

29

Упанаяна - обряд посвящения в индуизме.

30

Нейведия - любимое блюдо индусов - каша, сваренная из риса и овощей, приправленная сахаром и маслом.

31

Законы Ману - древнеиндийский сборник наставлений, определяющих поведение человека в частной и общественной жизни. Приписывается мифическому полубожественному предку людей Ману.

32

Панчагавия — смесь из молока, творога, масла, коровьего навоза и мочи, предназначаемая в качестве пищи при духовном очищении.

33

Панчамарит - смесь из молока, творога, масла, сахара и меда, которую едят члены высших каст при духовном очищении.

34

Повсюду встречаются прегрешения (лат).

35

Ашрам — индуистский монастырь.

Садху - святой (хинди).

37

Сати - обычай, согласно которому вдова должна сама взойти на костер и сгореть живьем во время кремации тела мужа.

38

«О великая, могучая богиня» (хинди)

39

Шамши - место кремации.

Джи - на языке хинди, частица, выражающая уважение.

41

Индийский национальный конгресс - политическая партия Индии, основанная в 1885 г. Принимала активное участие в борьбе за национальную независимость.

- Да придут те, которые должны быть посвящены (лат.)

- священником навеки (лат.).

- Снизойди благословить, посвятить этих избранных (лат.)

- Молим тебя, выслушай нас (лат.)

46

Гостии - небольшие круглые пресные лепешки из пшеничной муки, употребляемые для причащения в католической церкви